ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2010

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2010, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Сухин В.И. Марийскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. В.М. Васильева – 80 лет 3

Вереш П. Эмпирические и методологические проблемы интердисциплинарного исследования в области финно-угристики 13

Чикина Н.В. Роль фольклорной традиции в современной детской литературе на карельском языке 27

Молотова Т.Л. Конфессиональный фактор и традиционная культура восточных марийцев 39

СООБЩЕНИЯ

Ямурзина Л.В. Предсвадебный период свадебного комплекса восточных мари.. 48

Белевцова В. Предсвадебные обряды в традиционной брачной обрядности марийцев в конце XIX – начале XX века (структурно-типологический анализ) 59

Рощевская Л.П., Миронова Н.П. Обзор документов финно-угроведа В.И. Лыткина в архивах и музеях Республики Коми 73

Ведерникова Е.М. Диалектизмы в произведениях М.Шкетана 85

ПЕРСОНАЛИИ

Тараканов И.В. К 65-летию Атаманова Михаила Гавриловича 89

Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н. Н.Ф.Мокшин – этнограф, историк, педагог, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения) 93

Иванов И.Г. Видный ученый и организатор науки (к 80-летию И.С.Галкина) . 99

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Шаров В.Д. Рец.: Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – 872 с.: ил. 107

Глухова Н.Н. Рец.: Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen nainen ja modernisaatio. Ош Юмын ӱдырышт-влак. Марий ӱдырамаш модернизаций корныштo. Toim./ Ред. Ildiko Lehtinen. Suomalais-Ugrilainen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja 19. 2009. – 304 с. : ил. 110

Руденко К.А. Рец.: Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Коллективная монография. – Ижевск, 2009. – 244 с.: ил. + цв.вкл. 120

ХРОНИКА

Сибатрова С.С. XI Международный конгресс финно-угроведов 124

Сибатрова С.С. Всероссийская научная конференция «Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения» 127

Кульбаева Н.И. «Майатул» – 2010 129

Садовин И.Г. Хроника культурной и научной жизни финно-угорского мира за 2010 год 137

Памяти Ивана Степановича Галкина 154

Памяти Александра Франсовича Сметанина 156

Сведения об авторах 158

«Финно-угроведение», 2010, № 2

СТАТЬИ

Владимир Сухин
Йошкар-Ола

МАРИЙСКОМУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М. ВАСИЛЬЕВА – 80 ЛЕТ

4 августа 1930 года Президиум Марийского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял постановление об организации Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ). Это постановление 16 сентября того же года было рассмотрено Нижегородским крайисполкомом. Марийская автономная область в то время входила в состав Нижегородского края. Открытие института состоялось 1 октября 1930 года на первом расширенном заседании ученого совета.

Первым директором института стал известный общественный деятель, ученый-краевед, языковед и писатель, уроженец деревни Тыгыде Морко Моркинского района Владимир Алексеевич Мухин, а его заместителями – Сергей Гаврилович Эпин, уроженец деревни Янькино Еласовского (ныне Горномарийского) района и Василий Петрович Мосолов, видный ученый, позднее академик и вице-президент ВАСХНИЛ. Они сыграли важную роль в организации и становлении института, наметили основные направления научно-исследовательской работы, создали систему подготовки квалифицированных кадров.

25 октября 1930 года Мароблисполком утвердил Устав МарНИИ и определил основные задачи: изучение естественных богатств, природы, экономики, культуры Марийского края, быта его населения; координация всей научно-исследовательской работы, ведущейся на территории Марийской автономной области; подготовка научных кадров, популяризация научных знаний среди населения. Институт находился в ведении Наркомпроса РСФСР и Марийского облисполкома.

Институт имел 3 отдела: экономики, природы, культуры и быта, которые в свою очередь делились на секции – статистики, сельского хозяйства, лесного хозяйства, промышленности и строительства, по изучению производительных сил, флоры и фауны, геологии, народного образования, здравоохранения, языка и литературы, истории и этнографии. Его штат состоял из 17 научных сотрудников

В первые годы своего существования деятельность МарНИИ была комплексной. Многопрофильность института отразилась и на тематике публикаций. Например, были изданы монографии: С.И. Шерман «Сборник гематологических работ по изучению эндемии зоба в Марийской области» (1931), М.Н. Янтемир «Нерудные ископаемые Марийской автономной области» (1932), С.Г. Эпин «Горномарийско-русский словарь» (1935), В. Смирнов и М. Першаков «Почвы Сернурской машинно-тракторной станции Марийской АССР» (1937), В.М. Васильев «Марий муро» (1937). Всего за пять лет (1932–1937) издано пять монографий и два сборника научных трудов, не считая статей в различных местных и центральных изданиях.

В институте, наряду с местными кадрами, работали ученые из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. Среди них были, ставшие позднее крупными учеными, академик В.П. Мосолов, профессор С.Н. Ласточкин, В.Н. Смирнов, М.А. Журнакова, В.Г. Бирючев. В МарНИИ была открыта аспирантура. Многие из тех, кто учился в ней, позже стали известными учеными, докторами наук и профессорами, внесли большой вклад в развитие науки.

Однако многопрофильность института затрудняла четкую организацию работы. Вскоре секция сельского хозяйства была преобразована в Республиканскую сельскохозяйственную станцию; секция народного образования послужила основой создания института усовершенствования учителей; на базе секции здравоохранения предполагалось открытие института социальной гигиены. Изучение флоры и фауны было передано на кафедры Поволжского лесотехнического института (ныне Марийский государственный технический университет).

В 1937 году институт был реорганизован, определилась его гуманитарная направленность. Постановлением исполнительного комитета Марийской АССР от 17 февраля 1937 года он был преобразован в институт национальной социалистической культуры (МарНИИНСК) с сохранением секторов языка, литературы, искусства и истории и подчинялся СНК МАССР.

Начинается более активное изучение марийского языка, особое внимание уделяется сбору диалектных материалов. В мае 1937 года состоялась Первая марийская языковедческая конференция.

В 30-е годы институт проводит серьезную научно-методическую работу по организации сбора как традиционного, так и современного устно-поэтического народного творчества. Это позволило фольклористам приступить к классификации и систематизации собранных песен и сказок, исследованию ряда теоретических проблем в фольклористике. В работах В.Мухина, Я.Ялкаева, М.Калашникова содержались интересные наблюдения по народному творчеству. Ими установлено, что марийский фольклор являлся одним из источников развития национальной литературы. Для того времени это было серьезным научным открытием.

Развитие института было подорвано событиями 30-х годов, когда были репрессированы наиболее талантливые представители марийской научной интеллигенции, в том числе и сотрудники института: В.А. Мухин, М.В. Пайбердин, Г.Г. Кармазин, Е.Н. Смиренский, С.Г. Эпин, М.Н. Янтемир и другие.

Великая Отечественная война прервала процесс становления и развития института. Многие научные сотрудники ушли на фронт, героически защищали Отечество. С августа 1941 года МарНИИ временно был закрыт. Вновь он открылся в апреле 1943 года, тогда же были утверждены его новое Положение и новое наименование – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. В структуру секторов были внесены некоторые изменения. Они стали называться секторами языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии, искусства. В послевоенные годы институт, как и вся страна, испытывал большие трудности: не хватало специалистов, ученых со степенями почти не было, была большая текучесть кадров .

Несмотря на объективные трудности, ученым удалось подготовить и издать ряд фундаментальных исследований. Так, в 1949 году вышла монография А.П. Смирнова «Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья», в 1951 году – «Марийская вышивка» Т.А. Крюковой, «Марийские народные песни», «Песни восточных мари», составленные В. Коукаль, К. Смирновым. В области фольклористики большая работа была проделана К.А. Четкаревым. Составленные им сборники луговомарийских сказок, изданные в 1948, 1950, 1955 гг., сыграли значительную роль в культурной жизни республики. Они показали, что марийский народ имеет богатое и разнообразное устно-поэтическое наследие, не уступающее по своей художественной ценности фольклору других народов.

В начале 50-х годов состав научных сотрудников института пополнился молодыми научными работниками, прошедшими подготовку в аспирантурах высших учебных заведений Ленинграда, Москвы, Тарту, Казани, Йошкар-Олы и др., что способствовало подъему общего уровня научно-исследовательских работ.

Были достигнуты значительные успехи в разработке важнейших вопросов гуманитарной науки. Результаты исследований публиковались в тематических сборниках, научных журналах и периодической печати, а также в виде монографий и коллективных трудов Академии наук СССР. К 1980 году было опубликовано более 200 различных видов научных изданий. Кроме того, было подготовлено и выпущено 15 учебников, учебных пособий и хрестоматий для школ и вузов республики, опубликовано 23 сборника песен, загадок, сказок, примет, легенд и преданий марийского народа. Появились крупные коллективные исследования: «Очерки истории Марийской АССР» в 2-х томах (1960, 1965), «Очерки марийской литературы» в 2-х томах (1960, 1963), «Русско-марийский словарь» (1966 г.), «Историческая грамматика марийского языка» (1964, 1966), «Орфографический словарь марийского языка» (1972), «История марийского литературного языка» (1975), ряд монографий по языкознанию, литературоведению, истории, археологии, этнографии, фольклору известных ученых: И.Галкина, Н.Исанбаева, А.Саватковой, К.Васина, Г.Архипова, Г.Сепеева, А.Китикова, В.Акцорина и др. Были проведены исследования по экономике, начаты конкретные социологические исследования.

Ежегодно проводились научные экспедиции: археологическая, диалектологическая, фольклорная, этнографическая, музыкально-фольклорная, по прикладному искусству и другие.

Сотрудники института принимали активное участие в работе международных, всесоюзных и региональных научных конференций и сессий.

Материалы, подготовленные институтом, вошли в многотомные издания: «История многонациональной советской литературы», «История советского драматического театра», «История философии СССР», подготовленные институтами Академии наук СССР.

За заслуги в исследовании марийского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры Марийской АССР в январе 1981 года институт был награжден орденом «Знак Почета».

В 80-е годы в связи с приходом в МарНИИ высококвалифицированных специалистов значительно расширилась тематика научных исследований.

Научные исследования ведутся по проблемам: «Общество и язык», «Общие закономерности развития литературы народов России», «Устное поэтическое творчество марийского народа и его история», «Свод марийского фольклора», «История», «Этнографическое изучение марийского народа», «Культура и искусство», «Археология марийского края», «Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в Республике Марий Эл», «Молодежь Республики Марий Эл», «Энциклопедия Республики Марий Эл». По этим проблемам разрабатывается более 30 тем.

На протяжении ряда лет историки заняты исследованием крупных фундаментальных проблем: этногенез и этническая история марийского народа на различных исторических этапах, формирование марийской нации, история межнациональных отношений. В числе новых направлений работы историков являются: проблемы становления и функционирования демократии в России, возникновение институтов власти; складывание многопартийной системы, ее влияния на формирование правового государства; изучение истории политических партий, история земства, аграрная история, история общественных, национальных движений, проблемы духовной культуры, история религии и церкви и др.

За последние годы историками изданы сборник «Проблемы истории марийской деревни» (2001), монографии Л.А. Гаранина, А.С. Казимова «Марий Эл на рубеже веков» (2006), А.Г. Акшикова «Земские врачи Марийского края» (2006), В.Г. Вострикова «В.М. Васильев – ученый и просветитель» (2007), «Профессиональное образование Республики Марий Эл» (2008), воспоминания земского деятеля Казанской губернии Н.А. Мельникова «19 лет на земской службе» и др.

Большая работа ведется в области языкознания, фольклористики, литературы. В 1991–2009 гг. Марийским НИИ издан уникальный 10-томный «Словарь марийского языка» толкового типа.

Продолжаются фундаментальные научные исследования по проблемам двуязычия, грамматики, синтаксиса, истории языка, ономастики и топонимики, имею-

щие большое научно-практическое значение. Продолжается выпуск серийного издания «Вопросы марийской ономастики», имеющего международный индекс.

МарНИИЯЛИ – базовое научное учреждение в республике, занимающееся изучением фольклора (устного народного творчества и музыкального фольклора). В фондах института собран огромный рукописный материал: более 20 тысяч песен, свыше 45 тысяч частушек, около 6 тысяч мифов, легенд, преданий, 3 тысячи сказок, 2 тысячи обрядов и обычаев, более 3 тысяч родовых имен – основателей марийских сел и деревень, сведения о времени их заселения. Они собраны, записаны, обработаны многими поколениями ученых. Издано более 15 фольклорных сборников.

В настоящее время издается Свод марийского фольклора. В 1991–2006 гг. издано 7 томов: в первый вошли мифы, легенды и предания; во второй – сказки луговых мари; в третий – песни восточных мари; в четвертый – сказки горных мари; в пятый – пословицы и поговорки; в шестой – песни горных мари; в седьмой – загадки. Рукописные фольклорные материалы переносятся на электронные носители.

МарНИИЯЛИ располагает большим фондом записей марийского музыкального фольклора. Изучение богатств народной музыки, становление закономерностей развития профессионального искусства Марий Эл является одним из перспективных направлений исследовательской работы института.

Искусствоведами института опубликован ряд коллективных и монографических работ: «Изобразительное искусство Марийской АССР» (1992), «Марийский драматический театр: страницы истории (1917–1978)», «Марийская графика» (2001) В.Г. Кудрявцева, «Полифония в марийской музыке» (2004) М.Н. Мамаевой, «Артисты марийского театра» (2005) Н.И. Кульбаевой. Изданы исследования, посвященные творчеству художников З. Лаврентьева, И. Михайлина, А. Григорьева, М. Платунова.

Большая работа проделана литературоведами института. В 1989 году издан фундаментальный труд «История марийской литературы». Исследования сотрудников отдела литературы публикуются в коллективных сборниках: «Проблемы жанра в марийской литературе» (1981), «Литература и время» (2003), «Художественная словесность финно-угорских народов: от истоков к современности» (2008). Изданы монографические исследования Н.И. Кульбаевой «В.М. Иванов. Очерк жизни и творчества» (1991), А.А. Васинкина «Поэтический мир В.Колумба» (2005). Научная деятельность отдела литературы подчинена требованиям жизни, его сотрудники уделяют немалое внимание исследованию современных литературных процессов.

Сохранились и развиваются глубокие и позитивные традиции в области археологии и этнологии. С 1956 года при МарНИИ функционирует Марийская археологическая экспедиция (МарАЭ). За время своей деятельности она провела огромную работу по выявлению, изучению археологических памятников.

Установлено время первоначального заселения края, достаточно полно изучена история развития племен средне- и новокаменного века, прослежена линия непрерывного исторического развития обитателей края от мезолита до эпохи раннего железного века, прослежены на фактическом материале сложные процессы взаимоотношений коренного населения с многочисленными мигрантами со степных и

лесостепных районов Прикамья и Предуралья, с верховий Волги и Волго-Окского междуречья, определены последствия этих взаимоконтактов в культурогенезе древних насельников края.

Разработана типология культовых памятников марийцев, определены функциональные особенности культовых мест и святилищ, прослежена эволюция развития культовых конструкций и их атрибутики. По этой проблематике Д.Ю. Ефремовой в 2005 г. защищена кандидатская диссертация. А.В. Михеев разработал тему «Эволюция погребального обряда марийцев в средние века (VI – начало XVIII вв. н.э.)» и защитил ее в качестве кандидатской диссертации. В работе систематизированы все элементы погребального обряда, проведен сравнительный анализ некрополей по хронологическим группам, представлены конкретные формы и динамика развития погребального обряда в рамках хронологических групп на фоне погребальных памятников сопредельных территорий.

По мере накопления фактического материала разрабатывались, уточнялись и дополнялись многие аспекты в изучении древней истории племен Среднего Поволжья. В результате увидели свет монографии В.В. Никитина по эпохе камня и раннего металла «Медно-каменный век Марийского края», «Каменный век Марийского края», по эпохе бронзы Б.С. Соловьева «Бронзовый век Марийского Поволжья» и С.В. Большова «Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников.)». Многолетние исследования по истории древних марийцев были обобщены в монографиях Г.А. Архипова «Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа», «Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья» и Т.Б. Никитиной «История населения Марийского края в I тыс.н.э», «Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)». Результаты раскопок регулярно публикуются в серийном издании «Археология и этнография Марийского края» (АЭМК). Создана «Археологическая карта Республики Марий Эл» (2009).

Археологами собрано более 2 тысяч уникальных вещевых коллекций. Новым и важным направлением стала работа по сохранению, консервации и реставрации археологических предметов. Усилиями специалистов-химиков, металловедов и археологов разработана и освоена методика реставрации и консервации предметов из черного и цветного металла. Отреставрировано более 1000 предметов. За проведенную работу в области сохранения коллекций археологического наследия в 2006 году МарНИИЯЛИ отмечен Национальной премией «Достояние поколений».

Этнологи сосредоточили свои изыскания на проблематике изучения традиционной марийской культуры. Расширилась тематика этнографических исследований. Г.А. Сепеев и И.А. Андреев изучали различные аспекты материальной культуры и хозяйственной деятельности мари, Т.Л. Молотова – особенности повседневной, праздничной и ритуальной одежды мари, материалы и технологию изготовления народного костюма. И.Н. Смирнов анализировал свадебный обряд, структуру семьи, внутрисемейные отношения в больших, неразделенных и малых семьях, патронимических группах. В.Д. Шаров – историю соседско-территориальной общины в Марийском крае, выявил особенности функционирования марийских общин во

второй половине XIX – начале XX века. Н.С. Попов изучал истоки и проявления ранних форм религии мари, историю христианизации в крае и происшедшие вслед за этим перемены в воззрениях народа. В.Н. Петров занимался проблемами духовной культуры мари. На основе контент-анализа рассмотрел возможности использования республиканской прессы в качестве историко-этнографического источника.

Этнографы стремились глубже познать жизненный уклад марийцев, увидеть основные направления этнокультурных процессов во второй половине XIX – начале XX вв., историко-культурные взаимосвязи и взаимовлияние народов Поволжья. Этнографы под руководством В.В. Пименова совместно с учеными Института этнографии и антропологии АН СССР в 1984–1985 гг. провели этностатистическое обследование. Проведенная работа позволила выяснить состояние и перспективы развития марийского этноса, его структуру, определить уровень консолидационных и интеграционных процессов в республике.

Научные поиски этнологов получают освещение в различных публикациях. Изданы этнографические сборники: «Современные этнокультурные процессы в марийском селе», «Межэтнические связи населения Марийского края», «Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов», монографии Г.А. Сепеева «Восточные марийцы», Т.Л. Молотовой «Марийский народный костюм», Г.И. Соловьевой «Костюмы для художественной самодеятельности».

Статьи и материалы, представленные учеными МарНИИ, были опубликованы в иногородних изданиях: коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье» (Чебоксары, 1991), сборнике «Социальная организация и семья у финно-угорских народов» (Сыктывкар, 1992), а также в материалах I Всероссийской конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола, 1995) и др.

Этнографы МарНИИЯЛИ участвовали в подготовке фундаментального академического труда в серии «Народы и культуры» – тома «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты» (2000), подготовленного в Институте этнологии и антропологии РАН, и коллективной монографии «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья» (2002). В 2003 г. в серии «Этнографическое наследие» издан сборник материалов «Календарные праздники и обряды марийцев» (составитель О.А. Калинина), в 2005 г. историко-этнографические очерки «Марийцы». История расселения марийцев со времени формирования этноса до настоящего времени исследована А.Г. Сепеевым в монографии «История расселения марийцев» (2006).

Продолжается совместная работа финских ученых и марийских этнологов по изучению традиционной и современной культуры марийского народа. С 2002 г. ежегодно проводились совместные финско-марийские этнографические экспедиции.

Процессы преобразования нашего общества, начатые в 90-х годах прошлого столетия, потребовали от науки современного видения и анализа ситуации, обоснованных научных прогнозов, необходимых для общества и органов государственного управления. В этих условиях большую значимость приобрели социологические исследования. Отдел социологии института активно включился в изучение совре-

менных процессов. Основное направление исследований: изучение социально-экономической и политической ситуации, межнациональные отношения, религиозное сознание населения республики, социальное развитие молодежи. В рамках этих научных направлений проведен ряд крупных социологических исследований: «Национально-региональные проблемы государственного строительства» (1994), «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл» (1994, 2004), «Межнациональные отношения» (1994, 2001), «Молодежь Республики Марий Эл» (1997, 1998, 2001, 2005). Начиная с 1999 года отдел социологии в системе мониторинга проводит ежегодно исследования социально-экономической и политической ситуации в республике, представляя для органов государственной власти научно обоснованные прогнозы развития общественного мнения.

Большая научная работа социологов нашла отражение в публикациях отдела: научно-статистические бюллетени «Национально-региональные проблемы государственного строительства», «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл», «Межнациональные отношения» (два выпуска), «К истории межконфессионального согласия». С 2003 года издается серия сборников под общим названием «Молодежь Республики Марий Эл». На сегодняшний день издано четыре сборника. Каждый из них посвящен результатам исследований по проблемам молодежи: социальное развитие учащейся и студенческой молодежи, положение молодежи в финно-угорских регионах России, реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл. В процессе подготовки находится очередной сборник по проблемам семьи и образования.

Учитывая огромный интерес в обществе к современным процессам, результаты исследований сотрудники активно публикуют в научных изданиях как в республике, так и за ее пределами, а так же делают их достоянием общественности, выступая с научными докладами на конференциях республиканских, региональных, всероссийских. В 2008 г. участвовали в работе III Всероссийского социологического конгресса в Москве.

Ученые республики давно ставили вопрос о написании комплексного фундаментального труда «Энциклопедия Республики Марий Эл». В 2002 году отдел истории преобразуется в отдел истории и энциклопедических исследований. В 2006 году принимается постановление Правительства Республики Марий Эл «О подготовке и издании Энциклопедии Республики Марий Эл». Координация творческой работы по подготовке энциклопедии была возложена на МарНИИЯЛИ.

В ее подготовке принимали участие не только ученые нашего института, но и ученые, и специалисты вузов, министерств и ведомств республики. В 2009 году энциклопедия была издана. Энциклопедия Республики Марий Эл – своеобразная визитная карточка республики, важный этап в реализации приоритетного национального проекта «Образование».

Результаты научных исследований опубликованы не только в изданиях института, которых насчитывается более 400, но и во многих коллективных монографиях, сборниках статей, научных журналах, издаваемых в академических и регио-

нальных научных центрах страны, в том числе и зарубежных. Многие из них получили авторитетное признание в научных и общественных кругах.

Институт располагает уникальной научной библиотекой и рукописным фондом, которые насчитывают более 65 тысяч единиц хранения, включая фонотеку, рукописи, фильмы и т.п.

В настоящее время в институте 7 отделов: языка (зав. отделом кандидат филологических наук С.С. Сибатрова), литературы (зав. отделом кандидат филологических наук Н.А. Федосеева), истории (зав. отделом кандидат исторических наук В.И. Сухин), археологии (зав. отделом доктор исторических наук В.В. Никитин), этнологии (зав. отделом кандидат исторических наук Н.С. Попов), социологии (зав. отделом кандидат исторических наук О.В. Орлова), энциклопедических исследований (зав. отделом кандидат исторических наук В.Д. Шаров), научная библиотека (зав. Г.И. Байкова), бухгалтерия (главный бухгалтер В.В. Комарова) и административно-хозяйственная часть (начальник отдела П.П. Желудкина).

В институте работает 39 научных сотрудников, из них 3 доктора и 23 кандидата наук.

За большой вклад в изучение языка, литературы, истории, искусства 5 научных сотрудников стали лауреатами Государственной премии Республики Марий Эл, 13 человек удостоены почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл», 2 – «Заслуженный работник культуры Республики Марий Эл», 1 – удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Многие сотрудники награждены почетными грамотами Республики Марий Эл, Правительства Республики Марий Эл, Государственного Собрания Республики Марий Эл.

Институт является инициатором и организатором многих научных конференций, сессий, симпозиумов. Ученые института принимают также активное участие в международных, всероссийских, региональных, республиканских научных конференциях. Среди них: III Международный исторический конгресс финно-угроведов «Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 2003), X Международный конгресс финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005), III Всероссийский социологический конгресс (Москва, 2008), IV Всероссийская конференция финно-угроведов (Ханты-Мансийск, 2009), XI Международный конгресс финно-угроведов (Венгрия, 2010).

Основной деятельностью института на современном этапе является организация и ведение гуманитарной научно-исследовательской работы в целях изучения традиционного культурного наследия и национально-культурного развития Республики Марий Эл. Вся деятельность института организуется в соответствии с государственными планами экономического и социального развития.

Основными задачами института являются: осуществление фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на национально-культурное и социально-экономическое развитие Республики Марий Эл; координация исследовательских работ в республике по истории, археологии, этнологии, филологии и социологии; издание научных и научно-популярных работ в виде монографий и темати-

ческих сборников; собрание и публикация научного и культурного наследия в области филологии и истории и организация для этой цели как комплексных, так и специальных научных экспедиций; организация и проведение международных, всероссийских, региональных и республиканских научных, научно-практических, научно-методических конференций и симпозиумов.

Благодаря кропотливому труду нескольких поколений сотрудников института решены многие фундаментальные научные проблемы, разработаны актуальные темы, подготовлены квалифицированные научные кадры, создана прочная научная основа для дальнейшего развития образования и культуры марийского народа.

Vladimir Sukhin

MARI SCIENTIFIC INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY AFTER V.M. VASILYEV IS 80

In the article it is considered the history of formation and development of Mari Scientific Institute of Language, Literature and History after V.M. Vasilyev as centre of Humanities Researches in the Mari language, literature, folklore, history, archeology, ethnology, sociology. Article is devoted to 80th anniversary of institute and its achievements.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Петер Вереш
Будапешт

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИННО-УГРИСТИКИ

Традиционная культура обских угров и самодийских народов служит надежной опорой для историко-этнографической реконструкции начального этапа этнической истории уральских народов. В некоторых случаях архаичные культурные реликты ханты и манси (наиболее близкие родственники венгров по языку) могут отражать явления, возникшие в ходе этногенеза этих народов, даже в такие отдаленные периоды, как эпохи формирования уральской или расформирования финно-угорской лингвистической общности. К ним относятся не только те явления материальной культуры обских угров, которые оптимально приспособились к суровому климату Зауралья, но и орнаментальные комплексы, имеющие преемственность от неолита или бронзового века, как, например, т.н. андроновский геометрический мотив. К этому можно добавить некоторые другие важные культурные черты, а именно, дихотомическую символическую классификацию, тесно связанную, по всей видимости, с весьма архаичной дуальной социальной организацией ханты и манси, представляющей собой фратрии Пор и Мось. По всей вероятности, фратриальная система в далеком прошлом возникла на основе смешения двух разных этносов – аборигенов и пришлых угров, когда в ходе постепенной языковой и этнической интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга брачный класс (moiety). Очень интересно, что у этих двух этносов обских угров экзогамный брачный класс (по В.Н. Чернецову «фратрия») по имени *мось*, или восточных хантыйских диалектов *монть*, этимологически тесно связан с этнонимом *манси*, а также первой частью самоназвания венгров *magyar* ~ ***мадьяр***. Реконструированной общей праформой этих этнонимов и фратрий, встречающейся у трех угорских народов, является **mańćз*. По нашему мнению, эта древнеугорская форма ****mańćз***– отглагольное существительное, имеющее не только финно-угорский или уральский, но даже ностратический корень, семантически связана с этимоном «**сказать – говорить**». Эта новая концепция была подробно исследована и доказана в моей кандидатской диссертации, оппонентом которой являлась З.П. Соколова (1). В отличие от венгерских финно-угроведов и иранистов, я считаю, что древнеугорская праформа **mańćз* – это исходный корень этнонимов не только манси и венгров, но и фратриального

названия *мось*, или в восточных хантыйских диалектах *монть* (не являются иранскими заимствованиями, как традиционно считают). Угорская праформа **mańćз* семантически обозначает «сказать, говорить, рассказать» и одновременно «сказание, сказ, сказка, миф, легенда». Другими словами, древнеугорский или может быть даже финно-угорский корень **mańćз* в современном хантыйском языке сохранился дуальным образом: с одной стороны, как фратриальное название, с другой стороны, как слова «рассказ», «сказание» (*mańt' ~ måńt' ~ mońt' ~ mos'*), у венгров является самоназванием и этнонимом: «сказка ~ сказ» <**mańćз ~ *maćз*, ср. также венг. *magyarán* «прямо, откровенно говорить», *magyaráz* «объяснять, толковать» (2, с. 254; 3, с. 262; 1, с. 24). Важно знать, что в реконструированной форме **mańćз* древнеугорское звукосочетание *-*ńć*- у манси фонетически закономерно перешло в *-ńś* (*māńśi*), у венгров – в *d'* (ср. манс. *kxōńś* 'звезда' венг. *húgy*), у восточных и также у южных ханты *-*ńć*- трансформировалось в *-nt*. Однако у северных ханты фонема *-n* со временем окончательно исчезла. Таким образом, самоназвания *мадьяр* и *манси*, а также фратриальное название *мось ~ монть* можно возвести к общей основе **mańćз*, которая совпадает с древнеугорским отглагольным существительным уральского происхождения **mańćз ~ *maćз* и семантически обозначает «сказать <говорить> сказание, сказ». Вышеперечисленные угорские этнонимы и названия фратрий, по нашему мнению, этимологизируются как «говорящий человек» (1; 4; 5). Тем более, что архаические формы удмуртских слов «сказка» и «сказку рассказать» (*mad'* и *mad'ni*), по-видимому, тоже можно этимологически связать не только с венгерским этнонимом *мадьяр ~ magyar ~ (mad'ar)* < **mańćз*, но и с угорской, или, по мнению академика Я.Харматты, с финно-угорской праформой **mańćз*.

Во избежание недоразумения необходимо подчеркнуть, что лингвисты фонетически правильно реконструировали общий корень угорских этнонимов **mańćз*, а также этимологию слов «сказка, сказать» <**mańćз ~ *maćз*, но допустили ошибку в объяснении семантики самоназваний *māńći* и *magyar*. Финно-угроведы заметили, что обе древнеугорские праформы совпадают, однако это интересное совпадение они считали случайным явлением, так как исходили из того, что любой этноним всегда означает только «человек». Тем более, что уже тогда была известна гипотеза об иранском заимствовании, которую обосновал в своё время Бернат Мункачи (2, с. 255). При этом не было обращено внимания на то, что в этнонимах угорских народов данная форма является именем прилагательным, к которому во всех случаях обязательно добавляются ещё слова «человек» и «мужчина» или «женщина». Во всяком случае, пока не найдено параллелей в этнографическом материале, где бы народ в самоназвании два раза подряд употреблял слово «человек» (5, с. 93). Появление звука *s* в этнониме *манси* фонетически невозможно объяснить заимствованием из санскритского языка, тем более из древнеиранского. Ведь в авестийском корне *manu*, древнеиндийском – *manu* – «человек» отсутствует звук *s*, а в древнеиндийской мифологии первопредок, прародитель людей *Manu* на санскрите означает «человек», *manu-s'*, *manu-śja* (*мануджа* или *манушья*) буквально

означает «рожденный Ману». Финно-угорские языки Поволжья заимствовали из иранского языка слово «человек» < «смертный» в форме *marta-*, но в обско-угорской группе этот термин не обнаружен, следовательно, никак не мог стать этнонимом. У манси есть похожее по звучанию слово, которое, однако, обозначает направление одной из сторон света – юг (*mortim mā*) и связано этимологически с морем. Б.Мункачи и его последователей вводил в заблуждение тот факт, что финно-угорские народы, живущие в основном в европейской зоне широколиственных лесов, действительно заимствовали свои этнонимы из древнеиранского языка, а не из древнеиндийского: этнонимы мари, меря, мордвы, удмуртов заимствованы со значением 'смертный' > 'человек' (иран. *mard*). Однако эти самоназвания вряд ли можно сопоставить с авест. *Manu(-š)* 'человек', 'мужчина', санскр. *Manu ~ manu* 'мудрый', 'человек', *manuṣa* 'человек', 'мужчина', как это делал Б.Мункачи (2, с. 254). Б.Мункачи, а вслед за ним и профессор Гёттингенского университета Янош Гуя ошибочно ссылались на далекие санскритские параллели, так как этноним *манси* и слово *ману-с* слишком похожи друг на друга, а это само по себе вызывает подозрение (3, с. 92). Конечно, Б.Мункачи, один из крупнейших линвистов начала XX века, не мог знать ностратической теории. Я.Гуя, недавно отказавшийся от своей прежней концепции, опубликованной ранее в венгерских этимологических словарях, попытался теперь непосредственно связать венгерский этноним только с названием горной вершины в Персии *Манус* (2, с. 249; 3, с. 98; 5, с. 68). Общеизвестно, этимологический анализ – наиболее трудная область историко-сравнительного языкознания. Поэтому множество разночтений и споров по вопросам этимологии отдельных слов, в особенности этнонимов, возникает также и в среде профессиональных лингвистов. Для анализа наиболее сложных проблем этимологии недостаточно использовать методы одной дисциплины, в данном случае – лингвистики.

Междисциплинарный подход важно применять также и к определению уральской или финно-угорской прародины, частью которой является нынешняя этническая территория обских угров (6; 5, с. 87). Дело в том, что известный венгерский лингвист академик Петер Хайду считал, что современная этническая территория обских угров, располагающаяся в таёжной зоне между Уральскими горами и нижним и средним течением Оби, являлась прародиной всех уральских народов. Однако вслед за популярной концепцией Ф.П. Кеппена (1834–1908), прародину финно-угров П.Хайду уже традиционно локализовал также в Европе. П.Хайду делал особый акцент на то, что относительно финно-угорской эпохи лингвистически можно реконструировать название всего лишь одного дерева европейского широколиственного леса, а именно вяза (*Ulmus* – PFU* *śala* > венг. *szil*). По его мнению, другие типичные деревья широколиственного леса тогда не существовали на территории проживания древних финно-угров, потому что дуб и липа ещё не появились в европейской части Урала (6, с. 143). Таким образом, ничего не подозревая об Уральском рефугиуме широколиственных лесов, выявленном российскими учёными, про-

---

* PFU – прафинноугорский.

фессор П.Хайду сделал совершенно неверный вывод о позднем появлении дуба и липы в европейской части Уральских гор из Центральной Европы – из района Карпатских гор, где располагался один из рефугиумов европейских широколиственных лесов. Однако все эти утверждения П.Хайду, за исключением финно-угорской этимологии названия дерева вяза (PFU *sala*), вызывают большие сомнения (7, с. 89). Серьезные опасения в связи с этим возникают и потому, что, согласно методике финно-угристики, древними считаются исключительно лишь те слова, относящиеся к уральской или финно-угорской эпохе, которые можно выявить в настоящее время во всех отдельных подгруппах этой языковой семьи. По нашему мнению, этот важный и часто успешный метод международной сравнительной лингвистики в отдельных случаях таит в себе возможность некоторых ошибок. Ведь отдельные слова могли исчезнуть сравнительно недавно вследствие климатическо-экологического влияния, как это случилось, например, с общим названием дуба у обских угров и венгров. А это может повлечь за собой воспроизведение неправильных в хронологическом отношении лингвистических реконструкций. В данном случае на основании того факта, что в современных языках обских угров отсутствует название дуба, а в венгерском (*tölgy ~ töld'*) оно имеет иранское, алано-осетинское, происхождение, лингвисты сделали далеко идущие выводы относительно определения финно-угорской прародины (6, с. 144). Хотя по новым пыльцевым данным известно, что дуб под климатическим влиянием исчез из Зауралья и Западной Сибири, т.е. с нынешней этнической территории ханты и манси, только сравнительно недавно, около тысячи лет назад (8, с. 234). Другая крупная методологическая ошибка лингвистов, занимающихся определением прародины уральцев и финно-угров, заключается в том, что они не обращают внимания на то обстоятельство, что вяз в составе широколиственного леса Евразии всегда и везде распространяется именно вместе с дубом и липой. Это является неоспоримым биологическим фактом палинологических исследований (8, с. 185). Не говоря о том, что вяз сам по себе – одно из самых характерных деревьев этого типа леса. По моему мнению, реконструкция названия вяза (PFU *śale*) косвенно указывает именно на то, что присутствие вяза обозначает обязательное наличие одновременно дуба и липы, а также и дикой медоносной пчелы, следовательно, бортничества (5, с. 48). В местах проживания южных групп обских угров путешественники и историки в XVII веке обнаружили диких медоносных пчел и описали бортничество как один из видов деятельности этих племен. И в настоящее время на территориях ханты, проживающих в бассейне Средней Оби, также встречается липа (9, с. 243). Этот район неоднократно исследовала во время многочисленных этнографических и археологических экспедиций З.П. Соколова – крупнейший в мире специалист по этнографии обских угров и народов Сибири.

Новейшие данные палинологии и других дисциплин однозначно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология в Венгрии, Финляндии и Эстонии до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы распространения и широколиственного леса, и спонтанного распространения диких

медоносных пчёл, и архаического бортничества среди финно-угорских народов, в т.ч. у ханты и манси. А так как это главные биогеографические аргументы при определении территории финно-угорской прародины, можно сделать вывод, что при установлении восточной границы исходного района древних уральцев и финно-угров лингвисты, занимающиеся этой интересной проблематикой, грубо ошибались, когда игнорировали основополагающие данные других наук. В.И. Вернадский в свое время гениально предвидел, что грядущая наука будет внутренне выстраиваться не по дисциплинам, а по проблемам, и сегодня мы уже наблюдаем умножение проблем, которые в рамках только лишь одной узкой научной специальности не могут быть даже корректно поставлены.

Дело в том, что более новые палинологические исследования известного биолога Н.А. Хотинского и его учениц В.С. Волковой и В.А. Белковой убедительно доказывают, что рефугиум, т.е. первоначальный центр распространения широколиственного леса, находился во время позднего палеолита и раннего голоцена на Среднем и Южном Урале (8, с. 299; 10, с. 28–42). А это означает, что восточная граница распространения широколиственного леса не ограничивалась только западным, т.е. европейским, склоном Уральских гор. Это явилось сенсационным научным открытием вышеназванных русских ученых, несомненно имеющим большое международное научное значение, в т.ч. и для финно-угристики. Значит, новые палинологические достижения убедительно свидетельствуют как раз о том, что довольно рано, еще во время среднего голоцена, не только вяз и липа, но также и дуб проникли с Уральского рефугиума на восток, в Зауралье, приблизительно до среднего течения Оби. Из этого однозначно следует, что все типичные деревья широколиственного леса всё-таки были известны в некоторых районах Западной Сибири минимум шесть тысяч лет тому назад, хотя западные исследователи до последнего времени категорически отрицали этот факт, как и эндогенность медоносных пчел на территории Сибири. При традиционном определении границы прародины финно-угорских народов все вышеперечисленные экологические факты не принимались во внимание в течение более ста лет, поэтому зарубежные учёные обычно придерживались той традиционной точки зрения Ф.Кеппена, по которой исходная территория древних финно-угров располагалась якобы исключительно в Европе, в лесистом районе между Средним Поволжьем и Уральскими горами (6, с. 144).

К сожалению, первоначальный центр распространения широколиственного леса на Южном Урале на рубеже позднего палеолита и раннего голоцена до последнего времени был почти не известен в специальной литературе по финно-угристике. И это несмотря на то, что для биогеографического метода лингвистической палеонтологии ключевое значение, несомненно, имеет именно рефугиум вяза, дуба и липы, находившийся в начале голоцена в средней и южной части Уральских гор. Важно подчеркнуть, что со времени выхода в 1886 году монографии Ф.Кеппена о финно-угорской прародине, где главным биогеографическим аргументом служило спонтанное распространение медоносных пчел, зарубежные лингвисты совершенно не считались с тем фактом, что дикие медоносные пчелы постоянно пребывают в

тесном симбиозе именно с липой (11, с. 143). Они просто не знали, что пчелы отдают предпочтение прежде всего именно цветам липы, которая хорошо известна в Западной Сибири и на этнической территории обских угров. Большой парадокс в истории изучения данной темы состоит в том, что даже исследователи, которые признавали произрастание липы в Зауралье, Западной Сибири, в т.ч. и Алтайских горах, были глубоко убеждены, что до рубежа XVII–XIX вв. медоносные пчелы там не были известны, как не только гипотетически предполагалось, но и категорически утверждалось ранее Ф.Кеппеном и В.Радловым – родоначальниками этой популярной, но совершенно неверной концепции относительно распространения медоносных пчел якобы исключительно только в Европе (9, с. 245). Вследствие всех этих эмпирических и методологических проблем и неверных предположений широкое распространение получило необоснованное мнение о том, что спонтанное распространение диких медоносных пчел якобы совпадает именно с распространением дуба, который в настоящее время действительно известен в Восточной Европе лишь до Уральских гор, и название этого дерева сейчас полностью отсутствует у обских угров. Это обстоятельство ввело в заблуждение многих ученых, пренебрегавших комплексным методом, хотя именно в этногенетических исследованиях интердисциплинарный подход крайне необходим.

Следует обратить внимание на такие новые данные палинологии 80-х годов XX века, которые до сих пор по разным причинам не учитываются при определении уральской прародины финно-угорских народов (12, с. 132). Во всяком случае, новейшие палинологические результаты свидетельствуют о том, что довольно рано, уже во время климатического оптимума атлантического периода, когда наблюдалось максимальное распространение широколиственных лесов в Евразии как в западном, так и в северном и восточном направлениях, вяз, дуб и липа росли не только на Урале, но и намного восточнее, вплоть до среднего течения Оби. Несмотря на то, что лингвистам удалось убедительно реконструировать лишь название вяза (PFU *śala*) в эпоху финно-угорской общности, из этого, по нашему мнению, не следует, что древние уральцы на своей прародине были знакомы исключительно только с этим деревом широколиственного леса, как довольно категорично утверждал профессор П.Хайду (6, с. 146). Другими словами, в начале среднего голоцена, приблизительно в V тыс. до н. э., районы Зауралья и прилегающей юго-западной части Западной Сибири так же, как и сейчас, входили в зону широколиственных лесов. Этот интересный факт до сих пор не был известен исследователям, занимающимся определением финно-угорской прародины исключительно традиционным методом лингвистической палеонтологии. Можно предположить, что учёных вводило в заблуждение то экологическое обстоятельство, что после климатического оптимума атлантического периода под влиянием природных изменений теплолюбивый дуб постепенно был почти полностью вытеснен из Западной Сибири, но это произошло лишь около тысячи лет назад. Следовательно, общее название дуба исчезло из языков ханты и манси сравнительно недавно. Однако на угорской прародине к востоку от Уральских гор дуб был известен несомненно раньше. Таким образом, на-

звание дуба сохранилось у финно-пермских народов, живущих к западу от Урала в зоне европейских широколиственных лесов – (PFU *tompa*) (6, с. 42). Не зная об этих важных экологических изменениях, лингвисты пришли к неправильным выводам. Они выдвинули гипотезу о сравнительно позднем появлении дуба около Урала – хронологически после распада финно-угорского единства – якобы из района Карпатских гор, где располагался другой *рефугиум* широколиственных лесов. (В этих неверных предположениях свою роль сыграло отсутствие лингвистического материала относительно названия дуба у угорских народов). Таким образом, современную экологическую обстановку они необоснованно распространили на прошлое – на эпоху финно-угорского единства, т. е. на несколько тысячелетий назад. Однако, принимая во внимание тот палинологический факт, что деревья дуб, липа и вяз на Урале в рефугиуме широколиственного леса были известны уже с начала голоцена, можно сделать вывод. Несмотря на полное отсутствие в настоящее время лингвистического материала в угорских языках относительно дуба, древним уральцам, а позже и финно-уграм и уграм на их прародине около Урала всё-таки был хорошо известен не только вяз, но и дуб, не говоря о липе и орехе (естественно, были и их названия). Дело в том, что эти типичные деревья широколиственного леса всегда распространяются вместе и во время голоцена они составляли единый биоценоз, хотя их границы не всегда совпадали со стопроцентной точностью. Таким образом, сопоставление лингвистического материала (PFU *śale*) с новыми палинологическими данными из монографии Н.А. Хотинского и других работ даёт нам право существенно удревнить название дуба, перенести его из финно-пермской эпохи в финно-угорскую или даже в уральскую эпоху, хотя касательно этого факта почти отсутствуют непосредственные языковые материалы. К тому же нашу гипотезу подтверждает не только само существование в южной части уральской, а позднее финно-угорской прародины рефугиума широколиственного леса, но и сохранение в юкагирском языке корня древнефинно-угорского названия вяза *сал* (*sāl* < PFU *śale*) в значении «дерево, лес», а в нганасанском – *салтэ* «пень», ср. манси *салт* – «ива или липа» (13, с. 259)*.

Также следует особо подчеркнуть, что дикие медоносные пчёлы живут в тесном симбиозе с деревьями «европейского» широколиственного леса, который из Южного Зауралья частично проникает и в Сибирь. Нужно отметить, что пчелы предпочитают липу и абсолютно не любят дуб, цветы которого ядовиты. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что этот тип пчел, вопреки мнению Ф.Кеппена и В.Радлова, все-таки на несколько тысячелетий раньше рубежа XVIII–

---

* В этой связи я должен поблагодарить известного финно-угроведа В.В. Напольских. Он обратил мое внимание на исследование Ирины Николаевой, обнаружившей в юкагирском языке слово *sāl* в значении «лес». Здесь хочу выразить глубокую благодарность (директору школы и общежития села Алнаши, живущей в настоящее время в Ижевске) за гостеприимство и бескорыстную помощь во время моего участия в этнографической экспедиции под руководством профессора кафедры этнографии МГУ К.И. Козловой в 1965 году на территории южной Удмуртии .

XIX вв. был довольно широко распространен в южной и средней частях Западной Сибири, включая и Зауралье, где липа и вяз встречаются и поныне. До сих пор не обращалось должного внимания и на то важное обстоятельство, что в Зауралье, в южной части этнической территории обских угров, давно произрастают и ива, и берёза, и тополь, а цветочная пыльца этих деревьев весьма привлекательна для диких медоносных пчел. Помимо этого, от профессиональных пчеловодов нам хорошо известно, что типичные деревья тайги также могут производить специальный материал для изготовления так называемого «таёжного мёда». Там, где есть цветы, есть и медоносные пчелы. Спонтанное распространение диких медоносных пчел ограничивается лишь единственным естественным фактором, а именно – длительностью зимы (7, с. 29; 5, с. 49).

По нашему мнению, финно-угорское единство вследствие экологических причин распалось во второй половине III. тыс. до н. э., когда из-за ухудшения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон (14, с. 89). Древнеугорская этноязыковая общность, возникшая в Зауралье после распада финно-угорского единства, имела андроидный культурный облик и, по-видимому, уральский антропологический тип. На основе лингвистических, этнографических, палеоклиматических и других данных можно считать обоснованным предположение В.Н. Чернецова и К.М. Сальникова, что андроидный (федоровский или черкаскульский) археологический комплекс бронзовой эпохи лесостепной полосы Зауралья Западной Сибири около озера Черкас с большой вероятностью этнически можно связывать с древними уграми – общими предками венгров и обских угров (9, с. 223; 12, с. 158). Этот вывод не противоречит дальнейшей этнической истории венгров, ханты и манси, которые вместе образуют отдельную ветвь финно-угорской группы уральцев, что соответствует результатам новейших исследований этногенеза названных народов (1, с. 9; 15, с. 284; 5, с. 89). Однако после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры окончательно разделились на две ветви. В распаде угорской общности предположительно андроидной черкаскульской археологической культуры большую роль играли сложные эколого-климатические и культурные процессы на рубеже II–I тыс. до н. э. (16, с. 11; 17, с. 43–45; 18, с. 98). Они решительным образом повлияли на дальнейшую судьбу древних угров, живших в бронзовую эпоху в контактной зоне широколиственного леса и степи, т.е. в лесостепи Зауралья около озера Черкас. Угорская этническая территория на юге Западной Сибири подвергалась дальнейшему заболачиванию в результате катастрофического изменения климата около XII в. до н. э., а именно резкого повышения влажности в лесной зоне Северной Евразии. Это весьма важно для этногенеза всех угорских народов, а не только венгров, так как объясняет сложную проблему: почему к концу бронзового века в полосе лесостепи Зауралья везде фиксируется заметное сокращение численности крупного и мелкого рогатого скота, но при этом интенсивно возрастает число лошадей, размер которых в это время значительно уменьшился. Параллельно отмечается резкое увеличение роли охоты,

которая у местного угорского населения даже в предыдущий период не имела такого большого значения (19, с. 105–106). Все эти факторы подтверждают теорию о резком ухудшении климата Западной Сибири, указывают на глобальное ухудшение экологической ситуации на рубеже II–I тыс. до н.э. Не случайно, что именно в Западно-Сибирской низменности сформировался самый крупный в мире район заболачивания. Угорское население Зауралья, т.е. общие предки венгров, ханты и манси, проживавших около озера Черкас, должно было соответственно отреагировать на все эти климатические изменения. Древние угры-черкаскульцы вынуждены были либо приспособить свой хозяйственный быт к новой экологической обстановке, либо оставить свои земли и переселиться в другие области. Северная часть угров, предков манси и ханты, начиная с XII в. до н.э. постепенно в несколько этапов переселяется в бассейн Нижней и Средней Оби – на их современную этническую территорию (20, с. 245). В этом процессе особая роль принадлежит угорскому населению усть-полуйской культуры (около V в. до н.э.), которая характеризуется типичным степным звериным стилем. На VII Международном этнографическом и антропологическом конгрессе В.Н. Чернецов высказал мнение, что усть-полуйцы изобрели упряжное собаководство в циркумполярной зоне Евразии. Хотя профессор Б. Гунда отрицал эту концепцию, однако мнение В.Н. Чернецова подтверждает тот факт, что иранское название телеги *секер* (*szekér*) встречается не только в венгерском, но и в хантыйском языке: хантыйское слово *текер* обозначает «сани» ($s > t$). Обские угры запрягают собак в сани так же, как ранее древние иранцы в лесостепной и степной зоне запрягали лошадь с помощью ремней на шее (5, с. 84).

Южная часть угров, предки венгров, мигрировала в это же время из лесостепного Зауралья на юг в степную зону Западной Сибири. По нашему мнению, именно это переселение протовенгров на юг отражает черкаскульская археологическая культура, которая между XII–X вв. до н.э. вклинивается в евразийскую степную зону, что было выявлено археологом Г.Б. Здановичем (21, с. 233; 1; 5, с. 67;). В евразийской степной зоне на рубеже II–I тыс. до н.э. происходили крупные, можно даже сказать революционные, хозяйственные изменения, зарождался новый, специализированный, хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство, номадизм. А около X в. до н. э. оседлая или полуоседлая черкаскульская археологическая культура, которую К.В. Сальников в своей монографии этнически связывал с древними уграми, вдруг окончательно исчезла (12, с. 179; 21, с. 237). Это явление гипотетично мы связываем с полным переходом предков венгров к кочевому скотоводству во время возникновения номадизма в евразийской степной зоне около X в. до н. э. Дело в том, что типичные номадные народы или не оставляют археологических следов, или оставленные ими археологические артефакты представлены лишь в минимальной степени (5, с. 98). Необходимо подчеркнуть, что венгры – единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону и там приобрел черты типичного кочевого народа. Благодаря однобоко специализированному номадному скотоводству древние венгры исключительно далеко ушли от самой близкой к ним по языку группы, т. е. от

обских угров, с которыми венгры имеют около 450 общих слов, а также общий корень этнонима. Однако антропологические типы современных обских угров и венгров сильно отличаются друг от друга. Первые относятся к уральской расе, а вторые – к европеоидной. По мнению Н.Н. Чебоксарова, у ханты-манси можно выявить примесь европеоидного андроновского типа с ослабевающей тенденцией от юга к северу.

Как известно, влияние андроновского широколицего протоевропеоидного антропологического типа прослежвается в краниологическом комплексе венгров Среднедунайского бассейна X в. н. э., куда они попали как скотоводы-полукочевники около 895–900 гг. (21, с. 117–135). По мнению Г.Дебеца, андроновский антропологический тип как особый протоевропеоидный вариант формировался южнее Западной Сибири, в степях Казахстана и Средней Азии. Он превалировал среди племен – носителей андроновской культуры около XVIII–X вв. до н. э. Его можно четко отделить от соседней популяции срубной культуры бронзового века, принадлежавшей протоиранцам, которые представляли собой узколицый средиземноморский вариант европеоидного типа (23, с. 198). Население андроновской культуры I тыс. до н. э. стало субстратной основой этнического формирования ираноязычных савроматов и южных групп угров, т.е. древних венгров, в XII–II вв. до н. э. (24, с. 16; 25, с. 187; 22, с. 14).

Несмотря на споры по вопросам хронологии андроновской культуры, российские археологи практически единодушны в датировке древнейших памятников XVI–X вв. до н. э., так что предлагаемая Е.Е. Кузьминой хронология андроновской культуры – с XVII в. по IX в. до н. э. – может рассматриваться не только как наиболее современное и авторитетное решение, но и как усредняющая аппроксимация (26, с. 39–115). Примечательно, что кочевничество, или номадизм, как узкоспециализированный хозяйственно-культурный тип, имевший большое историческое значение, формировалось в засушливых областях евразийской степной зоны на рубеже II–I тыс. до н. э., т.е. одновременно с распадом угорской языковой общности во время кульминации ксеротермического климатического изменения (16, с. 11; 18, с. 96; 17, с. 39). Причиной, которая вынудила предков венгров покинуть угорскую прародину, стало то, что их этническая территория интенсивно заболачивалась вследствие ухудшения климата голоцена и резкого повышения влажности в лесной зоне северной Евразии (8, с. 138; 14, с. 25). Это происходило, начиная с XII в. до н. э., в то время как на юге, в евразийской степной зоне, наоборот, засуха достигла апогея. Ксеротермический максимум, несомненно, способствовал возникновению кочевого скотоводства (8, с. 179; 18, с. 118). Древние венгры активно участвовали в первом значительном общественном разделении труда, которое происходило на рубеже II–I тыс. до н. э. в степях Евразии, куда входила и южная часть Западной Сибири. По мнению выдающегося венгерского антрополога Т.Тота, длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался с XII в. до н. э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе северного Каспия, между Нижней Волгой, Мугоджарами и Аральским морем, преимущественно на

андроновском антропологическом субстрате (22, с. 117–135). Интересным является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Южного Приаралья (Миздахкан). Этот взгляд Т.Тота, поддержанный Г.Дебецем, является одним из основных достижений в исследовании этногенеза венгров (24, с. 14–14). Согласно палеоантропологическим данным, с конца эпохи бронзы начинается проникновение различных групп уральского типа из лесостепного Зауралья в среду обитания северокаспийских степных племен. Археологический материал этого периода также свидетельствует о передвижениях племен лесостепного Зауралья с севера на юг, в среду североказахстанских племен степной зоны XII–VII вв. до н. э. (21, с. 150–184). Однако не исключено, что дальнейшие археологические раскопки с целью конкретизации передвижения зауральских лесостепных южноугорских (древневенгерских) племен в районы степной зоны могут дать еще много интересного материала. Поэтому заслуживают внимания новые исследования, которые доказывают факт миграции угров из лесостепной зоны Зауралья в Восточное Приаралье. Это подтверждается многочисленными находками на аридной территории керамических сосудов с зооморфными ручками, изображающих медведя, типичного для лесной зоны животного, что занимает одно из центральных мест в культовой практике угорских народов лесной зоны (27, с. 189).

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что наиболее многочисленная и репрезентативная часть иранских заимствований среди финно-угров обнаруживается именно в языке обско-угорских племен. Например, главный герой мифологии манси *Мир-сусне-хум* «за народом смотрящий человек», седьмой сын Номи-Торума, имеет иранский образ Митры, имя которого в среднеперсидский период, по мнению специалистов, звучало как «Мир». Необходимо обратить внимание и на статью В.Н. Чернецова о медвежьем празднике обских угров, опубликованную по рекомендации З.П. Соколовой в венгерском этнологическом журнале «Acta Ethnographica». Автор в приложении сопроводил статью фотографиями из своего фильма, отснятого еще до второй мировой войны. В ходе перерисовки этих фотографий художниками выяснилось, что традиционная одежда манси весьма близка к национальным костюмам среднеазиатских народов, имевших иранский этнический субстрат. На иранское влияние указывает и то, что антропологический вид древних венгерских кочевников вплоть до X в. н. э. имел ярко выраженный андроновский тип и формировался на территории северного Прикаспия в XII–II вв. до н. э. Этот факт доказал в своей докторской диссертации (защита состоялась в Москве) известный ученый Т.Тот. Указанный процесс происходил в довольно засушливом районе, недалеко от центра возникновения евразийского кочевничества и доместикации коня. Концепцию Т.Тота поддерживал и Г.Дебец в статье, опубликованной под названием «Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР» (22, с. 134; 24). По крайней мере, именно тогда, в эпоху ранних кочевников, начала формироваться венгерская система со-

гласных на основе фонетических тенденций, весьма схожих с древнеиранскими: **p > f, *t > z, *k > h (3), *s > h*; в начале слов появились звуки *b-, d-, g-*, которые не являются характерными для других финно-угорских языков, кроме пермских, где эта фонетическая тенденция возникла, как и в венгерском языке, под иранским влиянием (1, с. 9). Однако венгерский этноним никак нельзя считать иранским заимствованием I тыс. до н. э., как ошибочно утверждает Я.Гуя.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что традиционная русская транскрипция этнонима *мадьяр* с точки зрения лингвистики не совсем точно отражает произношение самоназвания венгров. Дело в том, что последний слог венгерского этнонима magyar передается в русской транскрипции как *-яр ~ -yar* (*мадьяр ~ mad'yar*), в то время как фонетически следовало бы передавать его как *-ар* (*мадь-ар*), т.е. этноним венгров *magyar ~ mad'ar* в русской транскрипции должен обозначаться как *мадьар ~ mad'ar*. Это вовсе не мизерная фонетическая проблема, как кажется на первый взгляд. Она имеет принципиальное научное значение, особенно в тюркологии, по той причине, что русское правописание этнонима венгров *мадьяр* в последнее время ошибочно связывают некоторые венгерские ученые с казахским названием *мадияр ~ madiyār*, т.е. с сокращённой формой термина *Мухамедьяр*. Таким образом, гипотеза известного венгерского антрополога Т.Тота и других исследователей, согласно которой названия типа *mad-i-yār ~ мадияр*, встречающиеся у тюркских народов на юге Западной Сибири и Средней Азии, связаны именно с венгерским этнонимом *мадьяр*, весьма сомнительна*. В действительности, в случае казахского слова *mad-i-jār ~ мадияр* (*mad'yār*) речь идет об основателе исламской религии пророке Мухамеде, и это название ни в коем случае не следует путать с самоназванием венгров *мадьяр*. Слово *яр ~ yār* в тюркских языках является иранским, т.е. персидским заимствованием через арабский язык, и обозначает «любящий», «друг». Т.е., слово *мадьяр* <*madiyār*, встречающееся в надгробных надписях казахов, обозначает лишь то, что лицо, захороненное в могиле, является правоверным мусульманином. Из всего этого можно сделать вывод, что известный иранист из Будапешта, профессор Я.Харматта ошибался, когда утверждал, что современный венгерский путешественник М.Бенко (Benkő Mihály) в 1990-х гг. якобы обнаружил на территории Юго-Западной Сибири, в Казахстане, ассимилированные тюрками венгерские племена, называвшие себя «*мадиар ~ madiyār*», предки которых когда-то остались в районе Башкирии. Здесь их в XIII в., еще до монгольского нашествия, обнаружил монах Юлиан.

Не случайно, что в венгерском языке первоначальные земледельческие термины, а также термины, связанные с выращиванием крупного рогатого скота и производством молочных продуктов, заимствованы из тюркских языков чувашского типа. Во время существования Хазарского каганата типичные кочевники-

---

* Хотя антропологический тип венгров X в. на самом деле формировался в засушливом степном регионе Северного Прикаспия, между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары – южным продолжением Урала.

венгры, не знавшие земледелия, вынуждены были проживать в тесном хозяйственном симбиозе с полуоседлыми кочевниками-хазарами и булгаро-тюрками салтово-маяцкой археологической культуры в степях Северного Кавказа и Причерноморья (28, с. 189; 1, с. 15). Согласно письменным источникам, до 895 г. от основной части венгерского этноса отделилось несколько групп, одна из которых мигрировала в сторону Кавказа и осела на территории современной Армении, а другая часть осталась в районе Башкирии или западнее ее, где в XIII в. их и обнаружил венгерский монах Юлиан. На основе распространения погребальной маски нельзя реконструировать передвижения венгерских племен кочевников в степной зоне, поскольку этот архаичный погребальный обряд является распространенным с эпохи палеолита и мезолита повсеместно от субтропиков до арктической полосы. Таким образом, интердисциплинарные исследования являются сегодня важнейшим методом, позволяющим решать сложные эмпирические и методологические проблемы в области финно-угристики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Вереш П.Т.* Этногенез: ранняя этническая история венгерского народа до 895–896 гг. до н. э.: Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1979.

2. *Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a magyar nyelvben. – Budapest, 1901.

3. *Gulya J.* A magyarok önelnevezésének eredete. In: Honfoglalás és nyelvészet (szerk.): Kovács László-Veszprémy László. – Budapest, 1997.

4. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997.

5. *Veres P.* Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány–Napkkút Kiadó. – Budapest, 2009.

6. *Hajdú P.* Über die alten Siedlungsraumen der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica 14. – Budapest, 1964.

7. *Veres P.* Die früche Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // Shecimina Sibirica. – Pécs, 1988.

8. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. – М., 1977.

9. *Чернецов В.Н.* К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) // I CIFU Будапешт, 1963 I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. – Budapest, 1963.

10. *Волкова В.С., Белкова В.А.* О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. – М., 1980.

11. *Кеппен Ф.П.* О первоначальной родине и родстве индоевропейских и угро-финских племен. – СПб., 1886.

12. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967.

13. *Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданов Ю.Ю.* Русско-нганасанский словарь. – Санкт-Петербург, 2007.

14. *Вереш П.Т.* Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса // Acta Ethnographica. – Budapest, 1995.

15. *Veres P.* The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change. Occasional Papers in Anthropology. No. 5. Ed. by G. Vargyas: – Budapest, 1996.

16. *Veres P.* A magyar népetnikai történetének vázlata // Valóság. 1972.

17. *Rudenko S.I.* Studien über das Nomadentum. In: Földes, L.(Ed by.): // Wehwirtschaft und Hirtenkultur. – Budapest, 1969.

18. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. – М., 1978.

19. *Потемкина Т.М., Коронкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. – М., 1995.

20. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. – М., 1981.

21. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988.

22. Tóth T. Az ösmagyar genezisének szarmatakori etapjáról // MTA II. Oszt. Közleményei. – Budapest, 1969.

23. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. – М., 1952.

24. *Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М, 1968.

25. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.

26. *Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. – М.-Петербург, 2008.

27. *Левина И.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – М., 1996.

28. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. – М., 1968.

Peter Veresh

EMPIRICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS INTERDISCIPLINARY RESEARCHES IN THE FIELD OF FINNO-UGRIC STUDIES

The traditional culture of Ob Ugrians and Samoyedic people takes a key place in Finno-Ugric Studies and serves as a support for historic and ethnographic reconstruction of the initial stage of ethnic history of the Ural people. In some cases archaic cultural relicts of Khants and Mansis can reflect the phenomena which have arisen in a course of ethnogenesis of these people.

For studying of the most ancient history of the Finno-Ugric people it is necessary to use data of paleontology, archeology, linguistics, geography and other disciplines.

The author of the article considers, that interdisciplinary researches are the major method, allowing to solve difficult empirical and methodological problems in field of Finno-Ugric Studies.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Наталья Чикина
Петрозаводск

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно переход к письменному слову, т.е. к литературе, связан с освоением фольклорной поэтики. На начальных этапах развития национальной литературы исследователи опираются на фольклор и видят в нём ее истоки. Действительно, фольклор питает литературу. Но для того, чтобы этот переход состоялся, необходимы определенные предпосылки.

По мнению В. Кожинова, «Каждая литература… исходит из вековых и тысячелетних культурных традиций, которые не находили очевидного для всех воплощения, но тем не менее жили и развивались в самом бытии людей, в нравственном и эстетическом сознании» (1, с. 252).

Впервые понятие «детский фольклор» появилось в 1920-е годы. С тех пор существует два подхода к объему и содержанию этого понятия. Ряд ученых (О.И. Капица, В.П. Аникин, М.Н. Мельников и другие) относит к детскому фольклору не только произведения устного народного творчества, бытующие в детской среде, но и колыбельные песни, пестушки и потешки. Первооткрыватель этого понятия Г.С. Виноградов, а также Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин, А.Ф. Белоусов исключают поэзию пестования из состава детского фольклора.

Как отмечала С. Лойтер, «обе эти позиции, точки зрения сосуществуют вне дискуссии, вне научной полемики, преимущественно на уровне констатации, а это свидетельствует об их теоретической неразработанности» (2, с. 18).

Появлению литературы на карельском языке предшествовало развитое устное народное творчество. Собиратели фольклора не обходили вниманием и детский фольклор. На протяжении всего XX века в Карелии велась активная собирательская деятельность. Результатами данной работы стал выход сборников фольклорного материала.

Финский исследователь П. Виртаранта с 1951 года собирал детский фольклор в Беломорской Карелии. Он записывал народные детские песни, игры, песни. Его информантами были Мари Кююрёнен из Вокнаволока, Анни Мелентьева из Аконлахти, Улла Муйстама из Кестеньги и многие другие. Все произведения вошли в сборник «Vienalaisia lastenlauluja» («Детские песни беломорчан», 1973).

Устно-поэтическая традиция карельского населения Лоухского района представлена в книге Н.А. Лавонен «Песенный фольклор кестеньгских карел» (1989). В нее вошли материалы полевых экспедиций 1970–1980-х гг. Детский фольклор представлен колыбельными и кумулятивными песнями, считалками, потешками.

Художественная литература и устное народное творчество на протяжении веков были тесно связаны. Сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки обрабатываются под уклад жизни карельского народа с помощью художественно-стилевых и изобразительных средств, структурных и сюжетных изменений и поправок.

Так же, как и в советской детской литературе, специфика фольклорных связей выразилась прежде всего в том, что: 1) во всех видах и жанрах ее необычайно широкое развитие получили разнообразные сказочные формы; 2) в центре творческих интересов писателей стоят жанры народной поэзии.

Центром фольклорных традиций в Карелии был и остается Калевальский район. Основанный в 1990-е годы в Калевале фонд Архиппы Перттунена выпустил серию книг на собственно карельском наречии. В основном это фольклорные материалы. Не обошел фонд вниманием и детей.

В 1994 году в п. Калевала вышла книга «Kuulkua nyt lapsukaiset» («Слушайте, детишки»), в которой были опубликованы оригинальные произведения фольклора, записанные у жителей Калевальского района Ивана Кузьмина, Лемпи Люютинен, Ваппу Леттиевой и других. В книге содержатся игры, сказки, загадки, поговорки, колыбельные песни.

В жанровом отношении в настоящее время выделяется сказка, пьеса-сказка. Обращение писателей к жанру сказки в первую очередь связано с характерной особенностью периода становления карелоязычной литературы, когда форму и содержание художественных текстов в наибольшей степени определяет устное народное творчество.

Рассказывание сказок тысячелетиями было способом вечернего времяпровождения. В них отражались знакомые карелам охота, рыбалка, земледелие. Появление в карельских сказках принцев и принцесс связано с влиянием западно-европейских сказок. Торговцы, солдаты, моряки, возвращаясь из путешествий, рассказывали о том, что видели и слышали. Так сказки переходили из народа в народ.

В 1996 г. вышла книга «Priusan kolkkajaiset» («Стук цепа») Лемпи Люютинен, в которую вошли фольклорные произведения (пословицы, загадки, песни) тети Анни Охвовны Салминен и матери Катри Охвовны Люютинен, записанные по памяти.

Л. Люютинен (наст. имя Любовь Германовна), основываясь на традиции северных карелов, пишет сказки и стихи. Записанные у нее образцы карельского фольклора публиковались в 1980 году в журнале «Punalippu», позднее часть из них вошла в букварь северно-карельского наречия.

Рассказ для детей Л. Люютинен «Pieni kontienpentu Miša» («Маленький медвежонок Миша») повествует о комичной ситуации. В деревню Хайколя приезжают геологи и берут себе у лесника медвежонка. Миша очень любит овсяную кашу, суп и кисель, а особенно сахар, которым геологи его угощают. Кормит геологов мест-

ная жительница Нина. И вот однажды, пока Нина мыла посуду на озере, медвежонок забрался в кухню, перевернул чугунок с обедом и съел сахар. Нина расстроилась, что оставила геологов без обеда, а они ее утешали и смеялись.

Современные литературные сказки сохраняют связь с фольклором, но уже имеют отличные характеристики. Сказки В. Каракиной учат детей видеть и понимать природу, ценить и любить ее красоту, прислушиваться к позывным из мира птиц и зверей. Сказки «Meĕĕo ta kurki» («Глухарь и журавль»), «Mistä päin tuuli?» («Откуда ветер?»), «Repo lapsilikkana» («Лиса-нянька») рисуют разнообразие и загадочность лесной жизни, призывают детей уметь наблюдать, удивляться, тревожиться и заботиться о природе.

Героем сказки «Surullini starina» («Грустная сказка») является лето, которое не хочет уходить, дать дорогу осени и зиме. Ему помогает ласточка, готовая сшить лету теплую зимнюю одежду. Но ход времени не остановить, и лету все равно придется уйти, и тогда опадет листва с деревьев, настанет осень. В описании этого круговорота природы звучит философская тема вечности жизни.

В сказках усматриваются две эмоциональные категории – радость и грусть. Обе эти категории присущи фольклору всех народов. Глухарь и журавль из сказки В. Каракиной полетели осенью на юг, но глухарь не смог покинуть родную землю и остался зимовать. С тех пор журавль, улетая на юг, поет грустную песню о родной земле и о друге, который остается зимовать. И опять в этом сказочном сюжете заложена мысль о важности вслушиваться в голоса живого, быть мудрее, сильнее, добрее.

Специфика фольклорных связей проявилась в заимствовании В. Каракиной из народной сказки ряда типов, созданных народом. В произведениях писателя лиса – хитрая плутовка, волк – серый бок.

Свои карельские названия получают медведь, заяц: Kontie Pihkasilmä-Lynkkäpolvi, Hukka Harmuakylki, Jänis Viäräsilmä, Repo-kuoma. В них разработана извечная тема борьбы добра со злом.

Водной стихии посвящены сказки «Veteheni» («Водяной») и «Joven ta järven pakina» («Разговор реки и озера»). В сюжете сказки «Водяной» (дед помогает водяному, за что тот обещает всегда наполнять его сети рыбой) использован мотив верований карелов в то, что водяной дает рыбу, а рыба для жителей деревни – это второй хлеб. Примечателен для сказки характерный для устного народного творчества троекратный повтор: три дня дед выполнял задание, три дня бушевала буря.

Современные писатели строят композицию произведения в виде короткого рассказа, где повествование ведется о каком-либо действии, событии или об отдельно взятом лице. Таковы, например, рассказы З. Дубининой, Э. Горшковой, Т. Щербаковой, которые можно отнести к несказочной прозе. Это произведения о природе, животном мире, в которых авторы наделили зверей или растения умением говорить.

Горшкова Элина Геннадьевна (1974) уроженка д. Тукса Олонецкого района, окончила Карельский государственный педагогический университет по специаль-

ности «учитель начальных классов» с правом преподавания карельского языка. Работает в средней школе № 1 г. Олонца. Писать на карельском языке начала еще на I курсе университета. Проза Э. Горшковой привлекает необычностью сюжетов и выводов. В рассказе «Hukku» («Волк») собака решает помочь старому волку найти хозяина в деревне. Хозяин находится, волк должен охранять сад. Однако, когда в сад залезает вор, волк лишь воет, лаять он не умеет. Вор крадет все яблоки, а волк уходит в лес. Автор делает вывод, что у каждого своя жизнь и своя доля.

В рассказе «Kukkazien pagin» («Разговор цветов») проводится мысль о том, что каждый для чего-то нужен, независимо от того, какой он: колокольчик, приносящий людям радость; одуванчик, желтый как солнце; клевер, сладкий и медовый; тысячелистник, сильный и ароматный или подорожник, некрасивый, но помогающий людям.

Тема необходимости людям, животным и птицам прослеживается и в других рассказах Э. Горшковой. «Kivi järven rannal» («Камень на берегу реки») не видит никакой пользы от своего существования. Хотя за него спрятался заяц, убегающий от волка; дедушка присел отдохнуть. Все благодарят его за помощь. Рассказ заканчивается словами озера: «и ты помогаешь животным и людям».

В рассказе «Kiärmöisieni» («Мухомор») содержится и природоведческая информация. Дед с внуком собирают грибы в лесу. Мальчик съедобные грибы собирает, а мухоморы пинает. Дед объясняет ему, что мухоморы едят лоси. Каждый предмет, живой он или неживой, кому-то нужен и приносит пользу.

В 2000-е годы друг за другом вышли сборники фольклора для детей «Turu-turu-tuššii…» («Туру-туру-тушшии…», 2005) и «Kolo-kolo kotasie» («Коло-коло котасие», 2006). Их подготовили И. Семакова, Н. Антонова и Р. Ремшуева. В книги включены оригинальные фольклорные произведения, а также обработки детского фольклора. Книга «Коло-коло котасие» была удостоена 3-й премии в номинации «Лучшая книга на финском, карельском или вепсском языках 2006».

Названия сборников состоят из звукоподражательных слов. Они предназначены для знакомства детей с родной речью, краем, окружающим миром. Стихотворные произведения сопровождают все виды деятельности детей: пробуждение, умывание, прием пищи, бодрствование, укладывание спать. Книги предназначены для детей дошкольного возраста и их родителей. По сути, они представляют собой пособие для родителей в стихах.

С. Лойтер писала: «Исследование связей, влияния детского фольклора на детскую литературу – это самостоятельный, большой и многоплановый разговор, соотносящийся с одной из фундаментальных проблем фольклористики – фольклоризма в литературе» (2, с. 174).

В данном исследовании сделана попытка анализа детских фольклорных книг, созданных на основе детского фольклора. Произведения фольклора, адресованные детям, условно можно разделить на три группы (классификация Ю.Г. Рочева): колыбельные песни; внеигровой фольклор и игровой фольклор (3, с. 194).

Фольклорист В.Я. Евсеев писал: «Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов содержат значительное количество общих мотивов, по идейно-тематическому содержанию часто очень древних. Генетическая связь баек проявляется в сходстве художественной формы, поэтического языка, изобразительных средств» (4, с. 40).

Колыбельные песни служат для успокоения, усыпления ребенка. Тематика колыбельных песен разнообразна, но следует отметить, что все колыбельные, вошедшие в сборники фольклора, были записаны непосредственно от информантов. В начале XX века колыбельные песни исполнялись и взрослыми, и детьми. Пока родители были на работе, старшие дети нянчились с младшими.

В современном мире роль колыбельной практически сошла на нет. Однако З.Дубинина в книге «Моим ливвиковским птичкам» в рассказ «Sviižoin garbalot» («Воздвиженская клюква») включила текст колыбельной песни. Девочка Лена поет ее кукле.

На детскую аудиторию рассчитана и положенная на музыку колыбельная «Magua pikkarazeni» («Спи, моя маленькая») Сантту Карху, которую он исполняет вместе с группой «Talvisovat» («Зимние одежды»). Обращаясь к девочке, С. Карху называет ее принцессой. Такое обращение не является традиционным для карелов и свидетельствует о влиянии западно-европейской мифологии.

В сказке Л. Люютинен «Pyhäveli» («Любовник»), опубликованной в сборнике «Стук цепа», использована колыбельная, в контекст которой включен текст обращения жены к любовнику. Данный пример подчеркивает разнообразие тематики и способность женщин к импровизации у колыбели.

В данном варианте песни любовник представлен в образе мороза. Через каждую строку появляется рефрен «Tuutima-luulima lasta» («Туутима-луулима ребенка»). В присутствии мужа жена сообщает любовнику время и место свидания, т.е. женщина обращается не к своему ребенку, а к любовнику. Колыбельная содержит бытовые детали, которые позволяют воссоздать картину семейной жизни.

Характерной чертой напевов-импровизаций является обилие специальных припевов типа «aa-aa, baju-baju, l'uli-l'uli» и т.д. Эти припевы чередуются с ласкательными эпитетами. Они слагаются из традиционных стихов-формул, каждый из которых имеет законченный образ, например, «kuldutütär» («золотая дочь»), «kuldukassaine» («золотая косынька»), «muaman maksaine» («мамина печеночка»).

В колыбельной «Baijutuspajo» В. Брендоев использует традиционные для карелов метафоры, заключающиеся в ласковом обращении к ребенку: «liipoilinduženi» («моя бабочка»), «piäsköi» («ласточка»), «käbyženi» («моя шишечка») и другие. Такое обилие эпитетов говорит о сильном влиянии фольклора на его творчество.

Чаще всего вводная часть колыбельной песни, запев, состоит из указанных выше припевных слов. Поэтический стиль колыбельных песен выражается, главным образом, в повторе основного рефрена. Например,

Laulampa mie lapsellani,	Спою я своему ребенку,
Pieksän kieltä pienelläni...	Языком потреплю перед маленьким…

Для северно-карельской колыбельной песни характерен восьмисложный четырехстопный хорей. С помощью повторения грамматических окончаний слов чаще всего рифмуются парные стихи. Приведенную выше колыбельную продолжают следующие строки:

Laulampa mie lapsen virren, — Я спою детскую песню,
Pitemmän kun pirtin hirren... — Длиннее, чем бревно в избе…

В этой колыбельной песне конечная рифма парных стихов возникает благодаря использованию параллелизма. Нередко в колыбельных появляется мотив приглашения сна к ребенку, который чаще всего приходит в образе деда. Например:

Tule tänne uni-ukko — Приходи сюда дедушка-сон,
Tuo sie unta tullessasi... — Приноси ты сон с собой…

Припевные слова вместе с вставкой-обращением образуют зачин, который создавал условия для скорейшего засыпания ребенка. Обращение ко сну как к одушевленному существу является достаточно древним случаем использования эпифоры.

В колыбельной «Баю, баю…», опубликованной в сборнике «Песни народов Карело-Финской ССР» (1941), присутствуют все перечисленные выше элементы:

Баюкаем ребенка
Спи, спи, родимый.
Спи, спи, родимый,
Засыпай, засыпай, печеночка.
Придет сон за двери станет,
На малыша глянет…

В колыбельной «Tule, unoi» («Приди, сон») из сборника Н. Антоновой, наряду с приглашением сна, присутствует тема посещения ребенка ангелом. Общеизвестна примета, что если ребенок улыбается во сне, то его «ангелы тешат».

В некоторых колыбельных сообщается, что укачивает ребенка мать, обращаясь ласково, не называя настоящего имени малыша. При этом в тексте сообщалось, что ребенок находится под защитой. Использование карелами метафорических замен имени ребенка объясняется первобытными запретами произносить настоящее имя малыша, оберегаемого от «сглаза».

Вторая часть колыбельной посвящена ребенку. Предсказывается его будущее. Мечты матерей и бабушек о будущем ребенка не лишены мысли о вознаграждении за их труды по воспитанию. Чаще всего это вознаграждение ожидается от девочек. В крестьянской семье на плечи женщины ложились все несложные, но бесконечные домашние работы, поэтому, укачивая дочь, мать надеется, что скоро из нее вырастет помощница. При этом не забывает исполнительница и о личном счастье дочери, чтобы та стала женой красивого парня.

Архаичный случай использования эпифоры имеется в стихах колыбельной песни В. Брендоева. Укачивающий обращается с просьбой к самому ребенку, мальчику,

чтобы из него вырос сеятель хлеба или кузнец. По мнению В.Я. Евсеева, «колыбельные песни, исполняемые перед люлькой ребенка, являются типичными трудовыми песнями» (4, с. 43).

К детскому неигровому фольклору можно отнести поэзию пестования, детские песенки и детские сказки. К поэзии пестования относятся потешки, пестушки и будильные попевки, т.е. те жанры детского фольклора, которые исполняются взрослыми для детей. Потешки распространены повсеместно, т.к. они являются активным средством народной педагогики.

Потешки состоят из коротких ритмичных стишков с шутливым содержанием. Основным ритмом потешек, как и колыбельных песен, является хорей. Тематика потешек близка детям и соответствует их возрастным особенностям. Исполняются они для детей до трех лет.

Исполнение потешек происходит с активным участием ребенка. Он сидит на коленях у исполнителя, и его побуждают выполнять соответствующие движения руками, сопровождая их текстом. Когда потешки сопровождают «бодание» или щекотание ребенка, то оно имитируется движениями пальцев руки «бодающего». Все эти действия направлены на эмоциональное возбуждение ребенка.

Наиболее распространенным вариантом потешки является «варение каши» детям на ладошке. Эти потешки близки популярной русской «Сорока-ворона», очевидно и созданы они на основе русской. Вся игра происходит на ладошке с пальцами рук. Смысл русской народной потешки в том, что последнему «пальцу» не достается каши, т.к. он дров не колол, воды не носил. Таким же целям отвечает потешка «Süötän kuašal» («Ем кашу») из книги «Туру-туру-тушшии…», только кашу варит не сорока, а мама. Таким образом, посредством потешки в игровой форме идет не только развитие мелкой моторики рук, но осуществляется и овладение родным словом.

Карельская версия русской «Сороки-вороны» имеет несколько вариантов. Игра содержит два относительно самостоятельных элемента: игра с пальчиками малыша и щекотание подмышки. Играющий, перебирая пальцами, забирается вверх по руке малыша, а при слове «убежала», стремится просунуть пальцы малышу подмышку.

Потешка «Harakka huttuo keittäy» («Сорока кашу варила») из книги Р. Ремшуевой заканчивается так: «Lähtöy hiiri vettä ečči mäh./ Lähtöy, lähtöy ta kainaloh juoksou» («Отправилась мышка воду искать./ Шла, шла и в подмышку убежала»). Здесь неожиданно появляется новый герой – мышка.

Потешка «Harakkazen huttu» («Каша сороки»), представленная в книге Н. Антоновой «Туру-туру-тушшии…» заканчивается так: «Lähtöü kaivozeh vettü ečči mäh,/ Čur-čur-čur.../ Tiä löüdüi vettü! («Отправилась к колодцу воду искать,/ Чур-чур-чур…/ Здесь нашла воду»). Как мы видим, обе эти потешки не содержат нравоучений, а направлены на развлечение ребенка.

К.Чуковский писал: «Детские народные стишки, начиная от бабушкиных «Ладушек» и кончая «Караваем», чаще всего являются порождением игры» (5, с. 353).

Потешки, колыбельные песни, четверостишия, загадки – все это представлено в сборниках детского фольклора. Любое из них можно проиграть, пропеть, станцевать.

В книге «Туру-туру-тушшии…» представлен один из вариантов известной потешки «Kakkaraine» («Блинчик»):

Pastan, pastan kakkaraizen,	Пеку, пеку блинчик,
Siimaizen, suolainen,	Масляный, соленый,
Vezimuarjan magevuon,	Вкуса водянистой ягоды,
Kangasmuarjan kaunehuon.	Красоты боровой ягоды.
Tämä süli – tuatal,	Этот кусок – папе,
Tämä süli – muamal,	Этот кусок – маме,
Tämä süli – buabal,	Этот кусок – бабушке,
Tämä süli – died'oil.	Этот кусок – дедушке.
Dostalit sület ičelleni!	Остальные кусочки мне!

В разных районах Карелии данную потешку исполняют по-разному, хотя смысл и ее содержание одинаково. Например, в Суоярвском районе такой вариант: «Tapu, tapu kakkaraista,/ siimaista suolaista,/ mezimarjan magehutta...». В Сямозерье: «Pastan, pastan kakkarastu,/ Siimastu, suolastu,/ mandžoimarjan kaunehuttu,/ Tämä kakkaraini – moamal...» (6, с. 364).

В отличие от потешек, пестушки связаны с верованиями и обрядами. По форме и содержанию они близки к заговорам и, видимо, от них и происходят. Пестушки желают ребенку здоровья и хорошего роста.

Одним из наиболее типичных случаев исполнения пестушки является мытье ребенка в бане. Это исполнение связано с заботой о здоровье ребенка, а также обрядом очищения. Считается, что вода смывает все дурное, в том числе и болезни.

Например, в рассказе «Kyly» («Баня») Н. Синицкой описано посещение бани. В баню ходили по субботам. Мама собирала летом крапиву, заваривала ее в тазу и мыла Ире голову. Волосы росли красивыми и здоровыми. Далее автор включила в текст рассказа заговор. Мама мыла дочку и приговаривала: «Vezi-kuldaine kuningas, vezi-vedoine pruavednoi, kui sinä olet puhtas, mugai puhtasta oigei hengi In'a» («Вода-золотой король, вода-водица праведная, как ты чиста, так и очисти праведную душу Иры»). В книге «Туру-туру-тушшии…» мы находим практически такой же фольклорный текст:

Vezi vedoine,	Вода водица,
Vezi pruazvednoi,	Вода праведная,
Peze pellasta,	Омой до бела,
Peze puhtasta	Омой дочиста
Oigiedu hengie ristikanzua,	Праведную душу крещеного,
Buaban bunukkastu.	Бабушкиного внучка.
Vezi – alahpäi, lapsi – ülähpäi.	Вода – вниз, ребенок – вверх.
Amin'.	Аминь.

Использование такого рода заговоров у карелов было обычным делом, и упоминание об этом в книгах молодых авторов Н.Синицкой и Н.Антоновой подчеркивает специфику фольклорных связей.

В бане нужно было соблюдать обычаи. Например, нельзя было шуметь, т.к. можно было разозлить хозяина бани – баеника. Про баеника детям рассказывали родители. В рассказе Н.Синицкой он представлен в образе старого деда, который живет в сенях за поленницей. Уходя из бани, по обычаю, для баеника оставляли воду и веник, чтобы он тоже мог помыться. Были у карелов и другие «хозяева», например, хлева, дома, воды, леса. В этом проявляются верования карелов.

К детским сказкам можно отнести кумулятивные сказки в стихах. Такие сказки рассказываются и самими детьми. Отличительными признаками детской сказки Э.Литвин считает «краткость объема, преобладание диалога, повторяющиеся разговорные песенные формулы, раскрытие не столько характера действующих лиц, сколько самого действия» (7, с. 95).

Все эти признаки характерны и для карельской детской сказки. Излюбленными героями таких сказок являются животные и птицы. Среди таких сказок можно назвать «Коло-коло-котасие», «Кто съел масло?» и другие.

Произведения Р. Ремшуевой часто являются кумулятивными. Они печатались в коллективном сборнике «Omil pordahil» («У родного крыльца», 1999), в журнале «Taival» («Путь», 2006). Отличительной чертой сказок Р. Ремшуевой является то, что они строятся на диалогах или носят песенный характер. Это архаичный строй повествования.

Таким примером может служить «Härän starina» («Сказка про быка»). Она полностью состоит из диалогов. Представляет собой разговор бабушки с внуками. Самой сказки нет, есть только диалог в форме развернутой присказки. Внуки просят рассказать бабушку сказку, но каждый хочет свою. В итоге возникает спор:

– Sanonko härän starinan?	– Расскажу сказку про быка?
– Sano, sano rutompah.	– Рассказывай, скорей.
– Elä sano härästä.	– Не рассказывай про быка.
– Mie en tiijä semmoista...	– Я не знаю такой.

Бабушка не знает, какую сказку рассказывать. В конце концов дети просят рассказать сказку про царевича, девушку Настю и попа.

Собирание и исследование фольклора составляет основу творчества Р. Ремшуевой. Такая увлеченность фольклором во многом объясняется семейными традициями. Ее мать Александра Андреевна Ремшуева (Сантра Ремшуева, 1912) является знатоком рун и традиций северных карелов, а бабушка Мари Кююренен (1883–1979) была известна как хорошая рассказчица.

Поэтому, когда Р. Ремшуева обратилась к литературному творчеству, она смогла не только заимствовать из фольклора те или иные изобразительные средства, но и использовать их в индивидуальном художественном творчестве.

Детский неигровой, так же как и игровой фольклор карелов является ценным источником для изучения истории и народной культуры. К игровому фольклору относится фольклор, связанный с самостоятельными играми детей. Это приговорки, считалки, дразнилки, скороговорки.

«Детский фольклор связан с народной педагогикой. Все жанры, начиная с колыбельных песен и потешек, по-своему воспитывали, развивали и обучали детей», – отмечала Н.А. Лавонен (8, с. 68).

О значении игры в жизни ребенка написано много. Через игру ребенок познает окружающий мир, развивается физически и обогащается духовно. Игра начинает сопровождать ребенка с первых дней его жизни. Взрослый, используя потешку, не только развивает движения малыша, но и вводит его в красочный мир поэзии. Народная поэзия сопровождает и обыденные моменты детской жизни: процесс умывания, ухода за ним.

Стихотворные произведения Н. Антоновой отличаются точностью обрисовки сюжета и сжатостью композиции. Несмотря на то, что автор сама еще молода, главной идеей ее творчества является воспитание подрастающего поколения. Н.Антонова родилась в с. Ведлозеро Пряжинского района Карелии. Росла в большой семье, в которой говорили по-карельски. Заниматься творчеством начала в 1990-е годы. У нее есть два псевдонима Декойн Деля и Шаллун Анни. Пишет прозу и поэзию. Публиковалась в коллективных сборниках. Н. Антонова занимает и активную гражданскую позицию. Она возглавляет молодежное объединение «Nuori Karjala» («Молодая Карелия»).

Поэт использует в своем творчестве различные компоненты народно-поэтической традиции. Особенно это проявляется в стихотворениях для детей. Подборка таких произведений была опубликована в журнале «Carelia» («Карелия») в 2003 году. Н. Антонова пишет стихотворения непосредственно по сюжетам народных прибауток, считалок, потешек.

М. Китайник писал: «С тех пор как детский фольклор проник в книгу, целый ряд замечательных произведений для детей был создан на основании сознательного использования устного детского творчества» (9, с. 12).

В сборник «Туру-туру-тушшии…» Н.Антонова включила и свои авторские произведения. Данная книга освещает быт деревни, дети знакомятся с домашними животными. Шутливая форма изложения и яркие рисунки передают неповторимый деревенский колорит. Стихи, посвященные животным и птицам, просты и доступны детям. Так, стихотворение «Kottaraine» («Скворец») целиком построено на звукоподражании. Птица легко персонифицируется по тем звукам, которые она издает. Язык детского стихотворения богат, звучен и красив.

Ритмика, музыкальность детского фольклора, богатство его хореической артикуляции, неразрывно связанной с игрой, пляской, активным действием, имели особое значение для различных жанров поэзии для детей (10, с. 52). Эту особенность учитывает Н.Антонова в своих произведениях. Например, в стихотворении «Tüönämmö pläšniä» («Спляшем») шаги ребенка совпадают с ритмом произведения: «Pläši, pläši, poigaine,/ Pläši, pläši, kuldaine./ Pläši, pläši, pläkütä,/ Pläkütä da präkütä… («Пляши, пляши, мальчик,/ пляши, пляши, дорогой./ Пляши, пляши, шлепай,/ Шлепай и топочи…»).

Стихотворение «Piäsközet» («Ласточки») сопровождает процесс умывания и состоит из многократного повторения одной и той же фразы: «моем глаза». Такой способ многократного повторения оправдан, т.к. сам процесс умывания состоит из таких повторений.

В произведениях фольклора, отобранных Р.Ремшуевой, также прослеживается роль народной педагогики. Потешки, используемые при формировании у дошкольников культурно-гигиенических навыков, объединены в рубрику «Nyt olemma puhtahat» («Сейчас мы чистые»). Все эти приговорки сопровождают процесс умывания.

К игровым приговоркам близки считалки. Почти все подвижные игры начинаются с них. Считалкой распределяют роли, а также выбирают водящего. Это универсальное средство, к которому прибегают дети.

Считалка – это один из жанров детского фольклора, который характеризуется коротким, ритмичным стишком. Традиционно считалка состоит из зачина, хода и выводящего слова. В этом проявляется их своеобразие. В зачине употребляются счетные слова.

В сборниках стихов для детей современные авторы обращаются к этому излюбленному детьми жанру. Считалки встречаются у З.Дубининой, В.Вейкки, М.Пахомова. Проанализировав их, можно отметить. что у большинства из них соблюден десятичный счет, от одного до десяти. Сюжетность присутствует практически в каждой считалке. Например, «Peitos» («Прятки») В. Вейкки:

Üksi, kaksi, kolme, nelli,	Раз, два, три. четыре,
Minä ečin, peitos – velli.	Я ищу. прячется – брат.
Nelli, viizi, kuuzi, seiččie,	Четыре, пять, шесть, семь,
Peitos minä, velli – ečči̇i̇...	Прячусь я, брат – ищет…

Ряд считалок имеет особую композицию и одновременно является пальчиковой гимнастикой. За каждой единицей счета следует рифмованное словесное соответствие. Это «Pakkaine-akkaine» («Мороз-бабушка»), «Sogei Semoi» («Слепой Семен») из книги «Туру-туру-тушшии…». В данных произведениях фольклора образовательные задачи сочетаются с занимательностью.

С.Лойтер писала: «Язык детского фольклора в его жанровом многообразии обладает такими особенностями, которые существенно отличают его от фольклорного языка взрослых» (2, с. 69).

Некоторые считалки состоят из не имеющих смыслового значения слов и непонятных ни на каком языке. На эту особенность обращала внимание и Н.А. Лавонен. Она отмечала, что в некоторых жанрах детского фольклора «много алогизмов, бессмыслиц, непонятных, возможно, искаженных, иноязычных слов, не подлежащих (буквальному) переводу» (11, с. 4). Например,

Ipetikka. topetikka,
Toopin, loopin,
Iteriina. Kateriina,
Sesteri von!

Как мы видим, считалка сохраняет необходимый для счета ритм и выводящее слово, однако смысл ее непонятен.

Рассмотренные выше колыбельные песни, внеигровой и игровой фольклор нашли отражение в творчестве современных авторов как старшего (З. Дубинина,

Р. Ремшуева, В. Вейкки), так и более молодого (Н. Антонова, Н. Синицкая, С. Карху) поколения.

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений показал, что устное народное творчество оказало большое влияние на современных писателей и на детскую карелоязычную литературу в целом. Поэты и прозаики не только включают некоторые жанры фольклора в канву произведений, но и создают их авторские варианты.

Через первоначальные навыки игры со словом дети знакомятся с кругом национальной символики, ритмом, получают представление о «картине мира».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожинов В.* Современная жизнь традиций: Размышления об абхазской прозе // Дружба народов. 1977. № 4.

2. *Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. – Петрозаводск: КГПУ, 2001.

3. Фольклор // История Коми литературы: в 3-х т. Т. 1. – Сыктывкар, 1979.

4. *Евсеев В.Я.* Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. – Петрозаводск, 1962. Вып. 35.

5. *Чуковский К.* От двух до пяти. – М., 1962.

6. Karjalan kielen sanakirja. Viides osa. R-S. – Helsinki, 1997.

7. *Литвин Э.С.* К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 3. – М.; Л., 1958.

8. *Лавонен Н.* Фольклорное наследие кестеньгских карел // Песенный фольклор кестеньгских карел. – Петрозаводск, 1989.

9. *Китайник М.* Детский фольклор и детская литература // Детская литература. 1940. № 5.

10. Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. – М., 1975.

11. Песенный фольклор кестеньгских карел. – Петрозаводск, 1989.

Natalia Chikina

ROLE OF FOLK TRADITION IN CONTEMPRARY CHILDREN'S LITERATURE IN THE KARELIAN LANGUAGE

In study is given the feature to collections of folklore, in which contains product for children. Emphases is specific the problem and dug the classical folklore heritage on shaping the modern literary tradition.

Are they in more detail considered three groups (the categorization Yuri Rochev) of making the karelian folklore for children. The Cradle cantoes and playing folklore have found the reflection in creative activity of modern writers as senior (Zinaida Dubinina, Raisa Remshueva, Vasya Veikki), so and more young (Natalia Antonova, Natalia Sinitskaya, Santtu Karkhu) of generation.

Relatively analysis of making the modern authors has shown that folklore render the greater influence upon modern writers and literature for children in karelian language as a whole. The Poets and Writers not only include some genres of folklore in canvas of product, but also create their author's variants.

Through initial skills of play with word a children get acquainted with around national symbology, rhythm, get the beliefs about «picture of world».

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦЕВ

Восточные марийцы – этнографическая группа мари, проживающая за пределами коренной этнической территории, в Прикамье и Приуралье, возникшая в результате миграции из Среднего Поволжья преимущественно во второй половине XVI до середины XVIII веков. Одной из причин миграции был протест против насильственной христианизации. Марийцы, желая сохранить традиционную религию (язычество), переселялись на другие территории. Традиционные религии всегда имели большое значение в жизни марийского этноса, они пронизывали все стороны духовной и материальной культуры. Во второй половине XIX века формирование восточных марийцев как особой этнографической группы, заметно отличающейся от поволжских групп, завершилось (1, с. 15).

По данным переписи 2002 года, восточных марийцев в Башкортостане проживает – 105,8 тыс. чел., Татарстане – 18,7 тыс. чел., Удмуртии – 8,9 тыс. чел., а также в Свердловской – 27,8 тыс. чел. и Пермской областях – 5,5 тыс. чел. В составе восточно-марийского наречия выделяется более 10 местных говоров. Попытка создания самостоятельной письменности для восточных марийцев в начале XX века не увенчалась успехом. После установления Советской власти среди них распространилась литературная норма лугового марийского языка. Получило развитие марийско-русское, марийско-татарское двуязычие. Только татарским языком активно пользуется примерно четверть восточных марийцев, башкирский язык знает более 2% марийского населения (2, с. 520).

Объектом настоящего сообщения является определение роли конфессионального фактора в сохранении самобытной культуры восточных марийцев. Оно базируется на материалах этнологических экспедиций 2006–2009 годов в рамках проектов РГНФ*. Полевой материал был собран среди восточных марийцев, проживающих на территории Башкортостана, Татарстана, Удмуртии.

Социально-экономическое положение язычников в дореволюционной России было очень тяжелым, так как православная церковь отрицательно относилась

---

* Сообщение подготовлено в рамках проектов РГНФ №06-01-00204а «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование» и №08-01-0024а «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья».

к ним. Несмотря на негативное отношение православной церкви и властей к язычеству, большинство восточных марийцев сохраняли приверженность к своим верованиям.

Вера марийцев (чи вера) – анимистическая религия обоготворения сил и явлений природы, включавшая пантеон более 70 богов. Хранителями религиозных культов являлись языческие жрецы – мужчины (молла, авыз, онаен, карт), которые передавали свои знания по наследству или обучали учеников-последователей. Жрецы участвовали во всех важных событиях сельского сообщества: моления и жертвоприношения различной иерархии; свадьбы, имянаречения новорожденных, похороны, поминки; давали советы, участвовали в решении сложных жизненных ситуаций и др. Это были наиболее уважаемые, просвещенные люди, отличающиеся высоконравственным поведением. У исследуемой этнической группы сохранились практикующие жрецы преклонного возраста, которые руководят молениями. В некоторых селениях религиозные обряды проводят женщины старшего возраста, хорошо знающие порядок проведения молений. До настоящего времени у данной группы сохранились действующие сакрально-культовые места, связанные с традиционными верованиями (3).

У восточных марийцев, проживающих в сельской местности, бытуют традиционные обряды. Большинство восточных марийцев и в современных условиях являются приверженцами древней религии. Население достаточно хорошо помнит о традиционных праздниках, обрядах и молениях: зимний праздник (Шорык йол), Масленица (Ӱарня), Пасха (Кугече), Семик (Семык), летний праздник (Кӱсо кумалтыш) и осенние моления (Шыже кумалтыш) в священных рощах.

У них сохранились некоторые традиционные праздники. И в настоящее время в Башкирии в большинстве деревень с марийским населением проводится летний праздник жертвоприношения – «Кӱсо кумалтыш», на который собираются все жители деревни или нескольких селений. К нему заранее тщательно готовятся все участники обряда, так как считается, что это очень важный обряд, от которого зависит жизненное благополучие. В прошлом существовала специальная белая одежда из домашнего холста, надевавшаяся только во время молений. И в настоящее время на жертвоприношения в рощу приходят в национальной одежде светлых оттенков.

В роще «кӱсото» в жертву приносят бычков, баранов, гусей и уток. Если жертвуют первый год барана, то необходимо по традиции приносить жертву и на второй, и третий год. На второй год также нужно пожертвовать барана (реже гуся), на третий утку или гуся. Поскольку жертвователям нужно три года подряд проводить обряды, поэтому традиция практически не прерывается, т.е. каждый год проводятся летние моления (4).

Священные рощи (кӱсото, кумалме вер) находятся недалеко от деревень. Термин «кӱсото» состоит их двух слов – «кӱсен» (взять взаймы), «ото» (роща) и означает место, где бог помогает в каком-либо деле, жизненной ситуации. Ритуальные рощи обычно огорожены пряслом, чтобы домашний скот не заходил на эту терри-

торию. В рощу запрещается ходить беспричинно, рубить и ломать деревья, ветки. В 2008 году в большинстве селений с преобладающим марийским населением в Балтачевском, Бирском, Мишкинском районах Башкортостана проводили летние моления. Предварительно место проведения обряда тщательно убирается. Участники обряда заранее психологически готовят себя к священному действию. Перед молением все участники моются в бане, надевают чистую одежду, психологически готовят себя к священному действию. Рано утром пекут блины, которые берут в рощу вместе с квасом. Утром не завтракают, идут на моление молча, не разговаривая со встречными людьми, так как первые слова должны быть обращены к богу.

Этническое единство восточных марийцев поддерживалось почитанием общих родовых духов покровителей – «керемет». В округе села Старобазаново Бирского района Башкортостана много мест, где марийцы молились определенным родовым кереметям – духам покровителям: «Сак Султан керемет», «Игын Султан керемет», «Куэтӱн керемет», «Сали керемет», «Кайык керемет». Одним из главных марийских покровителей считается «Султан керемет», место, где ему поклоняются, находится у деревни Большесухоязово (Соказа) Мишкинского района. По преданиям Султан был первопоселенцем и защищал марийцев от притеснений со стороны русских, татар и башкир (5, с. 61). В разных деревнях были свои духи-покровители, имевшие свои имена, например, в д. Кужнурово Бирского района – «Ер Султан керемет», в Дюртюлинском районе марийцы почитали «Чыкма тӱн керемет».

Очевидно, что культ керемета имел важную роль в религиозной и социальной жизни восточных марийцев. Они почитали их как родовых покровителей, каждый род, деревня, община имела своего духа-покровителя. По традиционным представлениям керемет, с одной стороны, был родовым покровителем, с другой – злым духом, который мог и навредить, если его не почитать. Поэтому марийцы приносили им жертвы, в противном случае керемет мог насылать болезни, неурожаи, засухи. Моления родовым покровителям кереметам проводились в июне-июле на новолуние (6).

Традиционные религиозные ритуалы хорошо сохранились в различных семейных обрядах (свадебных, похоронно-поминальных и др.). Достаточно архаичными у восточных марийцев являются похоронные и поминальные обряды. Культ предков был очень хорошо развит у марийцев.

Духовная и материальная культура восточных марийцев формировалась в условиях тесных этнокультурных контактов с другими народами полиэтничных и поликонфессиональных регионов, какими являются Прикамье и Приуралье. На культуру восточных марийцев оказали заметное влияние тюркские народы (татары, башкиры). Восточные марийцы адаптировались к новой этнокультурной среде, переняв некоторые культурно-языковые нормы, что проявилось в хорошем знании татарского языка, в оформлении жилища, пище, народном костюме. На традиционной религии данной группы отразилось влияние ислама. Особенно сильному воздействию ислама марийцы подверглись во второй половине XIX века. Так под вли-

янием ислама языческих жрецов во второй половине XIX века стали называть «моллами». У восточных и части луговых марийцев любую молитву начинали с татарского возгласа «Бисмилла» («Ысмылла» у луговых марийцев) (5, с. 62).

П.Ерусланов в конце XIX века в ряде своих статей отмечал сильное влияние ислама на религиозно-нравственные, правовые воззрения и понятия части восточных марийцев (7; 8, с. 326–327). Он отмечал: «Если вместе с языком считать религию одним из более существенных и постоянных признаков самобытности народа, то в этом отношении Белебеевские и Мензелинские черемисы находятся на рубеже перехода в магометанство. Достаточно сказать, что во многих деревнях керемети ими совершенно забыты (Чикеево, Ново-Чикеево, Балчаклы, Буклево, Матау-баш, Шырлыково и Бабеково) или находятся в крайнем небрежении (Акборисово, Чупаево, Сокто и Токбердино). Так как языческая религия черемис полнее всего выражается в обрядах и праздниках, то считаю не лишним указать значительные изменения или искажения в них. Так первый по времени весенний языческий праздник о поминовении умерших (кон кече) большею частью оставлен, ровно как и ага-пайрем заменился башкирским «карга-бутка». Самый главный из языческих праздников «кӱсьо» называется по-магометански «курбан-байрам,..» (8, с. 326–327).

Примером языковой и культурной ассимиляции со стороны татар является деревня Нарат-Чукур Бакалинского района Башкортостана, где проживают марийцы, не знающие своего языка, говорящие по-татарски. Деревня была образована в 1921 году после большого пожара в с. Азмеево, где жили татары-мусульмане, татары-кряшены и марийцы-язычники. После пожара марийцы переселились на другое место, образовав новое поселение Нарат-Чукур. По самосознанию население деревни считает себя марийцами. Ближайшая марийская деревня в Бакалинском районе Токбердино находится в 40 километрах от Нарат-Чукура. Таким образом, преобладающим было татарское окружение, поэтому марийцы утратили родной язык еще в 30–40-е годы прошлого столетия. В прошлом Нарат-Чукур относился к союзу нескольких марийских деревень (дин), в который входили д. Бикмесь (Бикмечь), д. Калтак, д. Биляр (территория современного Татарстана), д. Токбердино, д. Балчаклы (Башкирия), расположенные на значительном расстоянии друг от друга.

Основной причиной сохранения марийского национального самосознания, что убедительно прослеживается на примере д. Нарат-Чукур, является сохранение традиционной религии (язычества). В 1,5 км от деревни находится роща (дубы, липы), где проводили языческие жертвоприношения. Она называется рощей «Курбан байрам». Жертвоприношения проводились ежегодно летом. Заранее выкармливались жертвенные животные. Перед жертвоприношением все мылись в бане и надевали чистую одежду. В этом молении принимали участие все – мужчины, женщины, дети. Молитвы читались марийским моллой на татарском языке. В них просили благополучия для всех присутствующих. Все участвовали в трапезе. Последние языческие жертвоприношения проводились в 50-х годах XX века. Роща хорошо сохранилась, так как до настоящего времени существует запрет рубить там деревья, ломать ветки, однако не возбраняется косить траву.

Из традиционных обрядовых праздников сохранялись долгое время Рождество, Пасха (Олыкын), Семик (Симек). На Рождество пекли блины, ряженые надевали разные маски (солдат, бабушка, невеста, овца и др.). Ряженые ходили по домам, их угощали блинами, вином. Основными обрядами Пасхи и Семика было поминовение усопших. Во время этих праздников ходили в гости. В настоящее время в Нарат-Чукуре Пасха празднуется как у татар-кряшен. На Семик молодежь собиралась в одном месте на горе, где она веселилась – играла, пела. Песни данных марийцев по мелодии отличаются от кряшенских, хотя иногда поются и песни последних с точным фонетическим исполнением (9).

В праздник Семик основными были поминки (среда-четверг) по умершим родственникам, резали курицу или барана. На поминки приглашали души усопших. Из мяса варили суп и угощали гостей. Поминальную еду, собранную для усопших в отдельную посуду, оставляли в определенном месте. Души покойных провожали в конце праздника и пели специальные поминальные песни, которые в настоящее время утрачены.

Похоронные обряды сочетают как марийские, так и мусульманские традиции. Вдоль тела покойного протягивались три цветные нитки (мост для перехода через реку), на руки надевали варежки, помещали в гроб ветку шиповника. С одного бока гроба делали небольшое окошечко. В могиле делали специальную нишу (ляхет), куда ставили гроб. Голова покойного на кладбище ориентирована на Священную Мекку. На могилу ставили шест, к которому привязывали полотенце. В настоящее время устанавливаются памятники. На некоторых памятниках изображен полумесяц. Поминки по усопшему проводятся на 3, 7, 40-й дни и через год после смерти. На 40-й день, годовые поминки режут барана, кости, шкуру его уносят на могилу, как и у других восточных марийцев (9).

В Нарат-Чукуре марийцы не стремились принимать православие или ислам. Сохранив свою религию, они пока сохраняют свое марийское самосознание. Но представления о традиционном язычестве сохраняется только у старшего поколения, молодежь не знает этих традиций. Очевидно, что в будущем самосознание может измениться под влиянием преобладающего татарского окружения. Этому способствуют и межнациональные браки (10, с. 152–154). В Татарстане также есть марийские селения, которые практически утратили свой родной язык, говорят по-татарски, но сохраняют свое самосознание, так как не приняли ислам, являются приверженцами своей традиционной религии (д. Терпеле Актанышского р-на, д. Бикмесь Муслюмовского р-на и др.) (9).

Как показывают архивные материалы Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, некоторые марийцы принимали ислам в дореволюционный период. Прошения о принятии марийцами ислама поступали в Духовное Собрание в различных ситуациях. Это были случаи бракосочетания с мусульманином или мусульманкой, а также в просьбах отражались духовно-религиозные представления (11).

В случаях принятия ислама марийцами постепенно менялась фамилия, имя, этническая принадлежность. Этнограф И.А. Износков в конце XIX века в своей

статье о восточных марийцах, описывая черемисскую деревню Бабикову Кара-Якуповской волости, отмечал, что «бабиковские черемисы, бывшие язычники, успели в короткий сравнительно промежуток времени значительно обашкириться, ...старики и старухи еще помнят свой язык.., что же касается молодежи, то она большею частью знает только один башкирский язык». Та же ситуация была характерна и для черемисской деревни Тенсить Стерлитамакского уезда (12, с. 185). Автор говорит о желании жителей деревни Бабиковой принять магометанство, о чем они неоднократно хлопотали в Уфе (12, с. 185) Статистические данные Н.В. Никольского за 1911 год свидетельствуют, что большинство марийцев Бабикова на этот период приняли ислам: в селении насчитывалось отпавших в мусульманство 79 мужчин, 88 женщин, язычников 7 мужчин и 9 женщин (13, с. 593). По административно-территориальному делению 1981 года д. Бабикова Чишминского района РБ является по этническому составу башкирской, д. Тансаитово Кармаскалинского района – татарской (14, с. 310, 191). В 1911 году марийцев магометан было 433 человека (15, с. 7). Часть марийцев, отдаленных от этнического ядра, постепенно теряла свою этничность и растворялась среди тюркоязычных соседей. Небольшая часть марийцев отатарилась и обашкирилась. Во время экспедиционных исследований марийское население называло селения, которые в прошлом были марийскими, но с принятием ислама стали татарскими. Например, к таким селениям в Татарстане относят д. Маскара (Кукморский район), с. Иж-Бобья (Агрызский район), д. Мари Ямалы (Актанышский район) и др. Об истинном происхождении таких татар и башкир хорошо знало окружающее их население.

Татарские исследователи А.Х. Халиков, Н.Б. Бурганова, Л.Ш. Арсланов утверждают, что часть марийцев в результате мусульманизации вошла в состав казанских татар (16, с. 127; 17, с. 78; 18, с. 120).

Характерной чертой марийского населения и в настоящее время является хорошее знание татарского языка, который преподают в школах Башкортостана, Татарстана. Для марийского населения хорошее владение татарским языком является традиционным. В разговоре на марийском языке также употребляется много татарских слов, хотя в марийском языке есть свои языковые эквиваленты. Характерной особенностью является и то, что во время праздников и обрядов марийцы в некоторых селениях Татарстана и Башкортостана поют на татарском языке. Даже во время годовых поминок, на которых автор присутствовала в 2006 году в д. Мари Суксу Актанышского района Татарстана, в марийской семье по умершему марийцу исполнялись татарские песни на татарском языке, хотя в обряде участвовали преимущественно марийцы.

В настоящее время совершаются смешанные браки – между марийцами и татарами. Бракосочетание проводится по мусульманскому обряду-договору (никях). Как правило, имена невесток меняются на татарские, например, Зоя – Зульфия, Марина – Мадина, Фаина – Фарида и др. Дети от таких браков, как правило, считаются татарами.

Христианство также оказало влияние на культуру восточных марийцев. Первое массовое крещение марийцев приходится на начало XVIII века, оно заверши-

лось к 60-м годам XVIII века. Именно через православную церковь осуществлялось идеологическое и социально-психологическое воздействие на инородческое население. Но марийцы, вынужденно и формально приняв некоторые православные обряды, несмотря на угрозы, жестокие преследования и наказания, продолжали придерживаться своих верований (19, с. 48–49). Новый этап усиления миссионерской деятельности православной церкви приходится на XIX – начало XX века. Русское государство было вынуждено пересмотреть административно-полицейские формы и методы христианизации. Однако начавшийся в 20-х годах сельскохозяйственный кризис обусловил рост противоречий. Марийцы, как и другие народы Поволжья, стали отказываться от соблюдения христианских обрядов и возвращались к языческой вере (19, с. 79).

Православие стремилось привлечь восточных марийцев-язычников в состав своей паствы. В 1882 году с целью подготовки учителей из среды нерусских народов и распространения среди них христианства была открыта Бирская инородческая школа. Находилась она в ведении Министерства просвещения, в ней учились башкиры, марийцы, татары, удмурты, чуваши, с 1888 г. – и русские (20, с. 486). В начале XX века правительство открывает ряд миссионерских школ в марийских селениях. Непременным условием обучения в таких школах было принятие православной веры. Небольшая часть марийцев приняла христианство с целью получения образования (21, с. 73–74). Однако, как свидетельствуют наши экспедиционные материалы, с принятием христианства марийцы практически не утрачивали своей идентичности и традиционных верований. Интересный материал по конфессиональной ситуации был собран в д. Акуди, с. Старобазаново, д. Чишма Бирского района. Центром района является город Бирск, где еще до революции марийцы посещали Свято-Троицкий собор, который считался «марийским». В селе Старобазаново была православная церковь, которую разрушили перед войной. Село в прошлом было русским, в настоящее время преобладающим населением являются марийцы. Небольшая часть марийцев крестилась, но не отказывалась от своих традиционных верований. Большая часть марийцев в этой округе участвуют в традиционных молениях и обрядах. Однако они почитают и христианские святыни – Николая Угодника, Богородицу, Иисуса Христа, Илью Пророка. Среди марийцев наиболее почитаемый Николай Угодник, которому они в церкви Бирска ставят свечки. Некоторые из них ходят и в церковь на Ильин день, Крещение, приходящиеся на новолуние. На Крещение берут освященную воду в церкви или в полночь колодезную воду. Всем христианским святым марийцы могут молиться дома. Например, на Ильин день пекут хлеб и молятся, чтобы «Илья Юмо» даровал всем здоровье и благополучие. Некоторые жители д. Акуди на Крещение купаются в водных источниках (5). В религиозных верованиях данных марийцев проявляются христианско-языческие синкретические представления, возникшие в результате взаимодействия православия и язычества. Характерной чертой некоторой части молодого поколения восточных марийцев является то, что они принимают обряд крещения и становятся православными.

Недавно в Бирске открылся лютеранский приход и построена кирха. Общее количество лютеран по данным 2008 года 200 человек, среди которых большинство составляли марийцы.

После революции влияние ислама и христианства на культуру марийцев ослабло в связи с новым социально-политическим строем. Начался процесс организационного оформления марийской традиционной религии. В начале 20-х годов XX века у марийцев Башкортостана, Татарстана беспрепятственно проводились различные моления. Однако в связи с политикой Советского государства процесс становления традиционной религии приостановился. Многие жрецы, организаторы молений, в 1930-е годы были арестованы и репрессированы. Но марийцы не отказались от своей веры, часто моления проводились тайно, иногда даже под покровом ночи. Отношение Советской власти к религиозным объединениям смягчилось лишь в период ВОВ и в послевоенные годы. В этот период возобновилась практика проведения коллективных молений в священных рощах. Затем наступил период отрицательного отношения к религии. Так последнее общинное моление в марийских деревнях Кукморского р-на Татарстана состоялось в 1947 году, возобновились они с 1989 года. Нередко семейные моления проводили на конце огорода (Кукморский, Агрызский районы), а шкуру жертвенного животного уносили в священную рощу (23). Положительное значение для возрождения религиозных традиций марийцев сыграло официальное признание язычества в начале 90-х годов XX века в связи с демократическими преобразованиями в обществе. Большинство восточно-марийского населения было и остается приверженцами традиционной языческой религии.

Несмотря на длительные процессы аккультурации со стороны различных конфессий и других народов, восточные марийцы сохранили до настоящего времени религиозно-этнические особенности и культуру. Из религиозных обрядов в современных условиях наиболее распространенными являются летние и семейно-родовые моления.

Несомненно, что функционирование традиционных молений, обрядов, ритуалов подчеркивало их древнюю самобытность и уникальность и играло большую роль в сохранении культурно-бытовых особенностей восточных марийцев. Совместные регулярные окружные, деревенские, родовые, семейные моления и жертвоприношения усиливали чувства принадлежности к своей семье, роду, этнической группе и народу в целом. Традиционная религия восточных марийцев была фактором укрепления этнической идентичности и самосознания, культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. – Йошкар-Ола, 1975.

2. Полевые материалы автора 2008 г. (далее ПМА) Бирский р-он Башкортостана, д. Акуди. Батырова У.И. 1932 г.р.; Балтачевский р-он Башкортостана, д. Ярмино, Валияхметова А.А. 1959 г.р.

3. Энциклопедия Республики Марий Эл. – М., 2009.

4. ПМА 2008 г. Бирский р-он Башкортостана, д. Акуди, Батырова У.И. 1932 г.р., Фазлеева С.И. 1955 г.р.

5. *Гареев И.С., Зайнуллин В.В.* Очерки дореволюционной истории села Чураево. – Бирск, 2006.

6. ПМА 2008 г. Бирский р-он Башкортостана, д. Чишма, Бухаров И.Б. 1932 г.р.; д. Акуди, Батырова У.И. 1932 г.р.

7. *Ерусланов П.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. Т.25. 1895.

8. *Ерусланов П.* Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 // Этнографическое обозрение 1896. Т.29-30. № 2-3.

9. ПМА 2008 г. Бакалинский р-он Башкортостана, д. Нарат-Чукур, Абдрашитова Г.М. 1930 г.р., Ирбулатова М.Д. 1928 г.р.

10. *Молотова Т.Л.* Особенности деревни Нарат Чукур (по экспедиционным материалам // Этнос общество цивилизация: 2-е Кузеевские чтения. – Уфа, 2009.

11. ЦГА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 395, 495, 279, 5497, 8400.

12. *Износков И.* Кара-Якуповская волость. Этнографические материалы // Известия ОАИЭ. Т. 11. – Казань, 1893.

13. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений в четырех томах. Т.3. – Чебоксары, 2008.

14. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. – Уфа, 1981.

15. *Никольский Н.В.* Статистические сведения о черемисах за 1911 год с указанием литературы о них и изданий по черемисскому языку. – Казань, 1912.

16. *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978.

17. *Бурганова Н.Б.* Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Заказанья. Источниковедение и история тюркских языков. – Казань, 1978.

18. *Арсланов Л.Ш.* Исследования по финно-угристике. – Елабуга, 2001.

19. *Попов Н.С.* Православие в Марийском крае. – Йошкар-Ола, 1987.

20. Башкирская энциклопедия. Т.1 А-Б. – Уфа, 2005.

21. *Гареев И.С.* Марийцы Бирского уезда в конце XIX – начале XX века (1897–1917 гг.) // Башкортостан и Марий Эл: Исторический опыт и перспективы сотрудничества. Т.2. – Бирск-Йошкар-Ола, 2007.

22. ПМА 2008 г. Бирский р-он Башкортостана, д. Акуди, Фазлеева СН. 1955 г.р., Батырова У.И. 1932 г.р.

23. ПМА 2009 г. Кукморский, Агрызский р-ны Татарстана.

Tamara Molotova

CONFESSIONAL FACTOR AND TRADITIONAL CULTURE OF THE EASTERN MARIS

Article is devoted to a religion role in culture of easten Maris. The traditional religion played the big role in preservation and strengthening of identity of easten Maris. Now in areas with the prevailing Mari population, summer prayers (kuso) are spent. Beliefs and culture of the given group were submitted to Islam influence, especially in second half of XIX century. On culture of this ethnic group the big influence was rendered by the Turkic people: Tatars and Bashkirs.

СООБЩЕНИЯ

Людмила Ямурзина
Тарту

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ПЕРИОД СВАДЕБНОГО КОМПЛЕКСА ВОСТОЧНЫХ МАРИ

Свадебный обряд – это сплетение социальных, бытовых отношений, национальных особенностей и, конечно же, магии. Свадебная церемония всегда имеет в себе обряды магической защиты от порчи и обряды, нацеленные на обеспечение будущего потомства, а также обряды отделения (от одного рода, социальной группы) и включения (в другой род), которые, в свою очередь, делятся на индивидуальные и коллективные (1, с. 7–28, 108–110). Свадьба есть социальный акт, символизирующий собой процесс перехода человека в новый статус: мужа или жены, зятя или невестки. Каждый человек на протяжении жизни проходит ряд критических рубежей, обусловленных радикальными изменениями его местопребывания, состояния, социального статуса и т.д. Издавна и повсеместно такого рода чрезвычайные ситуации, резко выделявшиеся на общем фоне привычного бытия, находились в центре пристального внимания человеческих сообществ. В течение жизни многих поколений были выработаны многообразные системы символических средств, предназначенных для того, чтобы обеспечить контроль над развитием событий в наиболее знаменательные или необычные моменты, отвратить связанные с ними опасности, преодолеть испытания с наименьшими потерями и наибольшей пользой для затронутых лиц. В совокупности этих действий и находят свое место «обряды перехода», наиболее значительными среди них являются те, что принадлежат семейному комплексу: погребальные, свадебные и родильные. Данная теория «обрядов перехода» А. ван Геннепа (1) служит теоретическим обоснованием того, что предсвадебный период – это наиболее важный этап всего свадебного комплекса. Именно на этом этапе закладываются основы удачного проведения всей свадьбы и благополучной совместной жизни. Этот период включает в себя обряды отделения и промежуточные обряды, и заканчивается обрядами предварительного включения. Сама свадьба это лишь завершение того, что получило начало на этом эта-

пе: цепь обрядов окончательного включения в новую среду и обряды супружеского соединения. Но нужно отметить, что не только обряды перехода имеют место быть на этом этапе, также существуют и другие, профилактические и протрептические обряды.

Целью нашей работы является рассмотрение в исторической ретроспективе предсвадебного периода свадебного комплекса восточных мари. В статье рассматриваются изменения в брачном возрасте и в формах заключения брака, в отношении к добрачной половой жизни. Заостряется внимание на сути понятия калыма и функциях посажённых родителей. Все это позволяет проследить тенденцию развития и выявить архаичные черты в современном свадебном комплексе данной группы.

К.И. Козлова отмечала, что свадебный обряд восточных марийцев был сложнее, чем у луговых марийцев (2, с. 121). В традиционном свадебном цикле марийцев условно выделяется три основных периода: предсвадебный, охватывающий время от смотрин до свадьбы; свадебный, представляющий собственно свадьбу, и послесвадебный, олицетворяющий этап вступления молодых в совместную жизнь.

Традиционная марийская свадьба это колоритное сочетание архаичных форм, обычаев, верований, семейно-бытовых отношений и этнической специфики бытовой культуры. Современная марийская свадьба уже не настолько привязана к древней обрядности. Постепенно современная свадьба восточных марийцев теряет свои национальные, территориальные и др. особенности, приближаясь к обычному светскому празднику по ранее заготовленному сценарию. Однако некоторые пары используют в современной свадьбе традиционные обряды, которые, по их мнению, гарантируют счастливую и благополучную семейную жизнь. С другой стороны, на фоне популяризации этнических особенностей и самобытности, некоторые пары стремятся провести свадьбу традиционного характера, соблюдая все древние каноны. Надо заметить, что проведение традиционной марийской свадьбы сопряжено со многими материальными затратами (калым, выплачиваемый за невесту, приданное, подарки), поэтому это могут позволить себе не все.

При изучении традиционного свадебного комплекса марийцев можно выделить по времени возникновения несколько форм заключения брака:

1. Брак умыканием;
2. Брак по сватовству:
2.1. Брачующиеся проживали в разных деревнях;
2.2. Проживали в одной деревне.
3. Брак по любви.

Рассматривая вопрос в исторической ретроспективе, необходимо выделить четвертую форму, изучение которой невозможно без рассмотрения вышеуказанных типов:

4. Современная свадьба с традиционными обрядами.

Данная классификация видов брака по формам его заключения, в целом, перекликается с общей схемой эволюции развития форм брака, рассмотренной

И.Н. Смирновым: 1) похищение невесты; 2) «покупка» невесты; 3) свободное соглашение между молодыми (3, с. 126–134).

Еще в конце XIX века довольно распространенным явлением было похищение невест или брак умыканием – пережиток экзогамного времени, когда невест брали только с другой деревни. Хотя, по мнению И.Н. Смирнова, этап экзогамии в широком смысле у марийцев отсутствовал, так как они умыкали невест в пределах своего племени (3, с. 129). В начале XX века похищение носило уже формальный характер, так как осуществлялось с согласия невесты (4, с. 38–39). После этого отец жениха ходил к отцу невесты и договаривался о плате за девушку (*калым, ӧлно*) и о проведении свадьбы. В.Филоненко фиксирует в своих наблюдениях, как постепенно умыкание (похищение) сменяется платой за невесту.

Брак по сватовству был наиболее распространенной формой заключения брака. Для нас представляет интерес рассмотрение предсвадебного этапа именно данной формы брака. За основу возьмем описание свадеб, зафиксированных нами во время полевых работ (5), и других авторов (6; 7).

Современная молодежь достаточно свободна в вопросах определения возраста вступления в брак и выборе партнера. Ранее же, вплоть до начала XX века, родители по исполнении юноше 16 лет начинали подыскивать невесту. Брачный возраст для юношей колебался от 16 до 24 лет, наиболее распространенным возрастом для вступления в брак был 18–20 лет. Г.Ф. Миллер же отмечал, что марийцы женили своих сыновей 5 и 6 лет «с тем намерением, чтобы в домашней работе более иметь вспоможения», т.е. иметь в хозяйстве работницу (8, с. 67). Несмотря на то, что зачастую родители и родственники выбирали будущего супруга, существуют свидетельства современников, повествующие о свободном выборе молодых: «для поиска мужа девушки ходят на гулянки с 15–16 лет, а парни с 17–18 лет», обычно это происходило летними вечерами (9, с. 90–91; 10, с. 42). Молодежь собиралась на улице, или на пригорке за деревней, пела песни, плясала и играла. Зимние же вечера проводили за посиделками, где пряли, вышивали, плясали и пели. Или во время зимнего праздника *шорыкйол* (досл. овечья нога): «…праздник, который начинается в четверг во второй половине дня перед русским рождеством и длится неделю. В первый праздничный день отправляются юноши и девушки в сумерках в овчарню, где каждый пытается в темноте схватить овцу за ногу. Кому попадается старая, соответственно черная овца, должен ждать старую, соответственно черную невесту или жениха. Позднее начинается маскарад, юноши на нем наряжаются: один появляется в женском платье, другой изображает медведя, который проводится по деревне на поводке и т.д., позднее молодежь собирается, чтобы поиграть в деревне Чураево в двух избах, которые называют *модыш пӧрт* (дом для игр во время праздника *шорыкйол*). В них ночь напролёт играют и пьют слабое пиво» (11, с. 228–229).

По сообщениям С.К. Кузнецова, молодежь знакомилась круглый год: «…летом легко встретиться в лесу, куда молодежь отправляется за ягодами или за грибами, а осенью везде практикуются посиделки, на которые исключительно собира-

ется молодежь: девушки с рукоделием, а парни – с грошовыми сладостями» (9, с. 91). В настоящее время молодежь знакомится в клубах, на праздниках, в учебных заведениях, общественных местах и т.д.

Зачастую возраст невесты в прошлом превышал возраст жениха на 3–5 лет, так как родители не спешили выдавать своих дочерей замуж, чтобы они дольше потрудились в своем хозяйстве, в то время как парней было выгодно женить раньше, чтобы иметь в доме работницу. Так информатор Иликбаева А.Я (12) была старше своего мужа почти на 5 лет, во время заключения брака ее будущему мужу было 17 лет, а ей вскоре исполнялось 22.

Добрачные половые отношения порицались. Добрачная беременность девушки была позором (13, с. 176). Бывало, что молодой человек женился «доведши уже девку до беременности» лишь с целью избежать выплаты, устанавливаемой отцом невесты, калыма (14, с. 74). Если же молодые любят друг друга, но родители не согласны, тогда они подговаривают третьего человека, который якобы выступит свидетелем их половой близости и поведает об этом всем (15). По нашим полевым материалам следует, что уже в первой половине XX века отмечалось строгое отношение к половой жизни до брака (16). Если невеста оказалась нечестной по отношению к жениху, то он предавал ее позору: «рассказывали, что утром, после свадьбы жених окунал невесту в кадку с мукой и отправлял гулять по деревне, чтобы все узнали, что она спала с мужчинами ранее» (17). Обычаи, связанные с проверкой девственности невесты очень сходны с русскими (18, с. 115–116). Вопрос о свободе добрачных отношений открыт и требует более глубоко изучения, но не в рамках данного исследования.

Свадьба это дело не только семей жениха и невесты, это «социальный союз» и затрагивает интересы многих групп (1, с. 108). Найти невесту в соседней деревне жениху помогали родственники. Человека, по чьей рекомендации начиналось сватовство, у восточных мари называли *телмызе-влак* (сваты), у марийцев других групп сватов называли *ончыч коштшо* (досл. вперед ходящий). Ранее эту функцию выполняли представители мужского пола и только родственники по мужской линии. Функцию свах стали выполнять женщины позднее, под влиянием русских (19, с.14). Присмотрев девушку, наводили справки о ее родителях, их характере, репутации, материальном состоянии: *Аважым ончен, ӱдыржым нал, ачажым ончен эргыжлан мие* – Глядя на мать, женись на дочери, глядя на отца, выходи за сына. (20, с. 72) Так как невесту брали, в первую очередь, как рабочую единицу в хозяйстве и для здорового потомства, то в невесте их интересовало прежде всего здоровье, трудолюбие, сноровка, отношение к хозяйству. Особенно большое внимание выбору невесты уделяли в зажиточных семьях; некоторые главы таких семей, чтобы сделать окончательный выбор, смотрели не один десяток невест. К внешней привлекательности относились осторожно: *Чиялтыме муно пужлышо лийын кертеш* – И крашеное яйцо может оказаться тухлым (20, с. 70).

Если материальное положение родителей невесты и ее характеристика удовлетворяли родственников жениха, то они отправлялись на смотрины (*ӱдыр ончымаш*, букв. смотрины девушки), основная цель которых была получить согласие

обеих сторон на брак их детей. На эту процедуру обычно приезжали жених с отцом. Останавливались они у родственника или знакомого, проживающего в деревне невесты. Впоследствии этот человек становился сватом. В дом невесты шли уже втроем, как минимум: жених с отцом и сват-родственник. При отсутствии отца его заменяла мать, но вместе они в этом обряде не участвовали. Разговор в доме невесты затевала сваха, как правило, в иносказательной форме: «У вас есть яблоня, яблоки созрели, продавать надо». Родители отвечали: «Еще рано, не поспели». На что сваха говорила: «Созреют, падать будут, тогда поздно» (6). Невеста не всегда выступала в романтичном образе «яблони», встречаются обращения типа: «телочка», «стог сена», «товар» (18, с.106). Иносказательный разговор на смотринах есть ярко выраженный элемент апотропеической магии, отпугивающей враждебные силы. Иносказание направлено на то, «чтобы ввести в заблуждение, обмануть злых духов» (21, с.161).

Вполне вероятно, что после этих смотрин гости уходили и каждая семья: и жениха, и невесты, независимо друг от друга устраивала семейный совет, где решала, пришелся ли им по нраву будущий супруг или супруга. Ведь отдать дочь неизвестно кому не хотелось. Четкого подтверждения этому в источниках не обнаружено, но логика и существование таких советов у родственных и соседних народов дают право на такое предположение. У карел (22, с. 61–66) и у русских Поволжья (23, с. 48–53) он так и называется – семейный совет. У коми и удмуртов (24, с. 133, 463) сватовство длилось несколько дней, в течение которых семьи точно определялись с ответом. Конечно, если семьи жениха и невесты знакомы уже давно, то необходимость подобных советов отпадала.

Не всегда сваты с первого раза добивались своей цели. «Бывали случаи, что сватов выгоняли, и они вынуждены были идти в другой дом или даже в соседнюю деревню, так как отец не соглашался вернуться домой с пустыми руками» (7, с. 7). Поэтому сваты брали с собой много гостинцев и выпивки, надевали лучшие одежды, чтобы показать себя с лучшей стороны.

Если невеста приглянулась гостям, то отец жениха делал предложение, но через свата – *туларым колташ* (свата отправить), этот же родственник был связующим в вопросах о размере калыма. Наконец договорившись, в назначенный день, жених с отцом приходят в дом невесты на рукобитие (*келшымаш*). При входе в дом, жених кладет на порог монету. Исходя из того, что «идея неприкосновенности порога – общераспространенное явление в народном суеверии, заключающееся в том, что порог представляется обителью духов родовой религии» (21, с.168), поэтому монетой, положенной на порог, жених задабривает предков невесты и их родовых духов. Этот обряд являет элемент «обряда включения», приобщения к другому роду (в данном случае временному) и бытовал у многих народов (1, с.123).

«Отец невесты, ожидая жениха, клал на стол каравай хлеба и ставил блюдо с коровьим маслом. Встретив жениха, он тотчас нарезал ломтиками хлеб и намазывал маслом. Жених брал ломтик и подавал его невесте, которая, откусив, передава-

ла его отцу. От него ломтик переходил к невесте, а та возвращала его жениху, который съедал оставшийся кусочек» (24, с. 270).

Помимо традиционного значения радушного гостеприимства, хлеб здесь имеет еще и магическое значение «могущественного средства от порчи, сглаза и злых духов» (21, с.156), то есть является элементом апотропеической магии. Но жених тоже не с пустыми руками приходил на сватовство. Он приносил с собой хлеб, вино (водку) и всевозможные гостинцы. Испитие девушкой этого вина означало ее согласие выйти замуж. Бывали случаи, что девушка отказывалась пить (отказывалась выходить именно за этого человека замуж), и родители вливали силком немного вина. Этот обряд называется *ӱдыр йӱктымаш* – букв. пропой девушки. Это есть выражение момента ослабления роли родителей и повышения самостоятельности детей, так как девушка сама пьет, тем самым выражая согласие (3, с.136). А момент насильственного вливания девушке вина есть рудимент безвольности детей по отношению к слову родительскому.

После этого происходил обмен кольцами – *шергаш ваштaлтыме.* Съедение одного куска хлеба, распитие одного напитка, обмен кольцами – все это есть обряды единения в составе обряда включения (1, с.122).

После получения согласия невесты приступают к определению размера калыма, улаживают все условия и вопросы, ранее заключенные через свата. При обсуждении калыма отец девушки запрашивал больше, а отец жениха старался его уменьшить, у каждого были свои доводы, часто этот момент затягивал сватовство до утра (7, с. 7; 6, с.10).

Понятие калыма требует более подробного рассмотрения. Слово «калым» вошло в марийский язык из татарского языка, то есть после тесного общения и долгого совместного проживания. Брак всегда имеет большее или меньшее экономическое значение, и материальные траты с одной стороны требуют компенсации с другой стороны. «Если семья, деревня, клан теряют живую производительную силу, девушку, то ущерб необходимо компенсировать» (1, с.111). Такого рода компенсацией является калым и важность этого «экономического элемента» подчеркивается тем, что «обряд, окончательно завершающий заключение брака, совершается лишь после полной выплаты калыма» (1, с.111). И.Н. Смирнов утверждает, что калым есть «платеж за невесту». По нему, брак похищением был чисто марийской формой, а купля и брак посредством договора – эти формы заключения брака есть влияние татар. То есть марийцы стали решать спорные вопросы, возникающие в результате похищения, путем платежа за невесту определенной суммы денег. Это подтверждает тот факт, что калым выплачивается деньгами (3, с. 133). Геннеп приводит формулу, применяемую им для урало-алтайских народов: «если подсчитать сумму калыма, сравнить ее со стоимостью скота, затем вычесть стоимость подарков и свадебных затрат, приходящихся на долю родителей девушки, а также уяснить, кому по закону принадлежит калым (целиком или частично), то можно констатировать, что термин «выкуп за невесту» и «приданое» неточны; имеет место целая система компенсации» (1, с.111). У восточных марийцев калым в силу своего «го-

стевого» положения укоренился несколько видоизмененным: помимо денег средствами уплаты калыма выступают еще продукты питания. Смирнов в конце XIX века отмечал, что калым «не остается в руках родителей невесты, а возвращается обратно в виде приданного» (3, с.134). Еще в середине XX века К.И. Козлова подтверждала слова И.Н.Смирнова «...нельзя назвать покупкой женщину. *Олын*, который платил жених за невесту, как правило, всегда был ниже приносимого ею в семью приданого...» (2, с.121). «Это приданое ... калым ... должно быть в деньгах от 10 до 100 р. Во всяком случае – цена, которую платят за девушку, вознаграждается подарком, который отец делает в свою очередь молодым... Лучше сказать, что происходит обмен подарками, а не покупка женщины. ...Девушка даст себя похитить юноше, который не может платить деньги. ...большая часть браков на Урале совершается таким образом. Когда после такого брака молодая в первый раз приходит в дом к отцу, тот встречает ее во дворе, на куске войлока, и в знак примирения предлагает ей хлеб, соль, масло и пиво» (25, с.198). Значит, выплаты калыма можно было избежать, коль жених с невестой, не особо боясь последствий, сбегали, а потом с повинной приходили к отцу невесты. Таким образом видно, что понятие калыма несколько различно у тюркских народов и заимствовавших от них марийцев.

Договорившись о размере калыма, родители молодых договаривались о времени проведения *йӱмаш* (пир). *Йӱмаш* – последний акт предсвадебного периода, который организовывался вскладчину. Невеста приглашала своих родственников и соседей на *ӱдыр арака йӱаш* букв. пить девичье вино. Теперь приглашенные должны были помогать в организации свадьбы, а подруги – в приготовлении приданного.

В этот день жених, сват и отец жениха, а теперь вместо последнего *саус* – дружка жениха, приезжали к дому родителей невесты с гостинцами, выпивкой. Жених приезжал с «*кӧстенеч мешак*» (мешок с гостинцами), где было «9 разных видов продуктов. Обычно это были хлеб, блины, водка, сахар, соль, чай, мясо, крупа, сладости» (26). Дома гостей уже ждал накрытый стол, родственники и соседи, подруги невесты, которые помогали одеться невесте. Невесту с женихом сажают за стол и начинают угощать. Дружки жениха в это время угощают всех гостей: пиво пьют ковшиком – одна из особенностей свадеб восточных марийцев. Жених благодарит родителей за воспитание невесты и отдает им калым. Невеста повязывает жениху и *саусу* длинные полотенца (2–3 м). Жених принимает подарок от невесты в знак согласия к союзу, а также добровольно берет на себя и на свою группу (родственников) в целом обязательства перед невестой. Принятие подарка есть элемент обряда включения (1, с.122). Далее, взявшись за руки, молодая пара, *саус* и сват проходили три раза вокруг стола по ходу солнца. Обход представляет собой магическое действие (21, с.158). Так как обряд происходит еще в доме невесты, перед ее уходом, то, скорее всего, это означает прощание невесты со своим домом, родными, родом. Считается, что никто из гостей не должен перейти дорогу молодоженам, иначе согласия между ними не будет. Невеста выходит из дома, держась за край полотенца, подаренного мужу. В это время дружки жениха выносили невестино приданое: перину, подушки, вещи для дарения (*чиктыме нӓста*), сундук и т.д.

Невеста с женихом едут в дом посажённых родителей («*пуртумо ава-ача*» у восточных марийцев). Необходимо отметить, что вся эта процедура переезда с места на место сопровождается обменом сумки с гостинцами – *кöстенеч мешак:* жених приходит в дом невесты с сумкой гостинцев, мать жениха отправляет гостинцы посаженным родителям, а посаженные родители отправляют свои гостинца родителям жениха. Так происходит исполнение «обряда социального включения» в новый коллектив (1, с. 119, 122). Теперь все три семьи являются родственниками, что даже «…сын, родившийся у молодых, не может жениться на дочери посаженных родителей» (3, с. 131–132). Появление института посаженных родителей И.Н. Смирнов связывает со временем существования брака похищением и чувством недоверия, возникающего при этом между родителями молодых. Родители не провожают свою дочь в дом жениха, за них это делают посаженные родители.

Посаженные родители – это дальние родственники жениха, или односельчане, «где невеста проводит несколько дней за приготовлением подарков для родни жениха» (2, с.121). *Пуртумо ава* – посаженная мама учила готовить квас, печь блины, обучала ведению хозяйства и знакомила с будущими родственниками. Девушку приводят на некоторое время в дом посаженных родителей, чтобы она «научилась называть «мама» и «папа» других людей» (27). Они должны выполнять роль духовных родителей, должны следить за религиозной и нравственной сторонами жизни молодоженов, о чем свидетельствует их другое название – *киямат ача-ава* (10, с. 44). Ведь «*киямат* – в религиозно-мистических представлениях загробный мир» (28, с. 116).

В доме посаженных родителей невеста жила от недели до месяца, пока полностью не подготовится к свадьбе и не научится вести хозяйство. Переселение к родственникам или односельчанам жениха связано с тем, чтобы невеста привыкла к новым условиям, порядкам, царившим в новом роде, клане. Ведь именно в это время она изготавливала вещи для дарения родственникам жениха – *чиктыме нäста*, а поскольку сегодня эти вещи в основном покупные или сделанные на заказ, то невеста их берет с собой от матери и в доме посаженных родителей не задерживается.

В это время «…жених приезжает по четвергам на ночь к невесте *помешеш пураш* – букв. подмышку входить» (6, с. 10). Время проживания невесты в доме посаженных есть промежуточный период от сватовства до самой свадьбы. Он «может иметь или не иметь значения для начала сексуальных отношений» (1, с. 124). На сегодняшний день невеста проживает в доме посаженных родителей дня 3, с четверга до субботы. В эти 3 дня невеста помогает по хозяйству и ходит в гости с посаженной мамой, при этом она «…постоянно переодевается, чтобы показать свой достаток. При входе в дом невеста кладет деньги на порог, а за столом в тарелку с хлебом или маслом – серебряные монеты. В каждом доме невеста должна выпить по два стакана чая: за себя и за своего будущего мужа» (7, с. 11). Можно сделать вывод, что из первоначального смысла этого обряда на сегодняшний день сохранилось только знакомство с будущими родственниками и для удач-

ного вхождения в новый род, невеста переступает порог, предварительно «выкупив» покровительство родового духа этой семьи (1, с. 123).

Пока невеста постепенно привыкает к новым условиям, жених и его родители также готовятся к свадебной церемонии: подготавливают свадебный поезд, назначают участников свадьбы и т.д.

По свидетельству многих информантов в тяжелое военное и послевоенное время точное соблюдение обрядности, предшествующей свадьбе, а зачастую и сама свадьба, опускались. Информатор Ямурзина Е.И рассказывала о дне своей свадьбы так: «Я работала в колхозе, это был обычный февральский день. Я пришла после работы домой, а дома баня истоплена, блины мачеха постряпала и мне говорит: иди срочно в баню, сейчас приедет к тебе Ипулай (имя будущего супруга). Мне всю неделю она говорила, что скоро меня выдаст замуж, а я все отказывалась. Я пошла в баню, пришла, меня мои сестры одели в чистое платье, причесали, а я так и сидела, не могла ничего сделать от печали. Я ведь не хотела за него замуж. Он приходил свататься – я отказывалась. Мы даже с ним ранее не разговаривали, знаю только, что он сосед моей сестры в соседнем селе был. Вот там меня и приметила его мать. Приехал жених на лошадях со сватами, посидели, и увез он меня» (29).

В настоящее время сватовство проходит проще. Жених с дружкой берут гостинцы и идут к невесте. Молодые заранее договариваются о дне сватовства. Родители девушки к приходу жениха накрывают стол. Традиционные обряды сватовства, конечно, соблюдаются, но оно проходит в атмосфере согласия, часто приобретая игровой характер. Здесь же определяется день свадьбы, посаженные родители, устанавливают размер калыма: сколько деньгами, сколько водкой. *Чиктыме нӑста* (подарки со стороны невесты) колеблется от 12 до 30 пар платьев и рубашек. Количество зависит от числа родственников жениха и того, на скольких свадьбах родители жениха получали подобные подарки, это обязывало их отблагодарить тем же. Перед уходом невеста одаривала жениха полотенцем с вышивкой в знак согласия.

На сегодняшний день выкуп и приданное остались и частично функционируют. Калым сегодня, в основном, это ящик водки и денежная сумма, а приданое – покупные полотенца, платья, шторы, тюль, постельное белье. На современных свадьбах, когда не соблюдается обряд переезда к посаженным родителям, передача калыма производится прямо на свадьбе, во время шуточного обряда выкупа невесты.

Таким образом, предсвадебный период состоит из нескольких последовательных обрядов, которые объединены целью сблизить два коллектива, двух молодых людей. Чтобы дальнейшая жизнь молодых была счастливой, этот этап имеет элементы охранительной магии (апотропеической), обряды отделения и включения. Действия на протяжении всего предсвадебного периода затрагивали в основном

молодых и две ограниченные группы: по половозрастному признаку – друзей и подруг, и по семейному признаку – родителей молодых и близких родственников. И только сама свадьба придавала всем этим действиям социальную и общую значимость.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *А. ван Геннеп*. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. / Пер. с франц. – М., 1999.

2. *Козлова К.И.* Восточные марийцы // МарНИИЯЛИ. Труды. 1958, Вып. XI.

3. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889.

4. *Филоненко В.И.* Погребальные и свадебные обряды черемис Уфимской губернии // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. №2.

5. Полевые материалы автора (дале ПМА), 2009. Мишкинский, Бирский районы Республики Башкортостан.

6. *Илтубаев В.* Сватовство. Старинный восточно-марийский свадебный обряд // Истоки, 1997, № 6.

7. *Бабенко В.Я., Гимаев Р.Н., Ковязин С.А.* Семейные праздники и обряды марийцев Башкирской АССР. – Уфа, 1990.

8. *Миллер Г.Ф.* Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чувашъ и вотяковъ... – Санкт-Петербург, 1791.

9. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение, 1904. №1.

10. *Мендияров О.* О черемисах уфимской губернии // Этнографическое обозрение, 1894, кн. 22, №3.

11. Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып.1:Сб. материалов. – Йошкар-Ола, 2003.

12. ПМА 2009. Иликбаева А.Я. 1923 г.р., д. Ирсаево Мишкинского р-на РБ.

13. *Иванов П.* Верования и обычаи черемис Бирского уезда Уфимской губернии // Вестник Оренбургского учебного округа (III научный отдел). 1915. №4.

14. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб, 2005.

15. ПМА 2009. Гимаева Т.Б. 1959 г.р., д. Тигирменево Мишкинского района РБ.

16. ПМА 2009. Юзиева К. 1986 г.р., д. Бикшиково Мишкинского района РБ.

17. ПМА 2005. Ямурзина Е.И. 1928 г.р., с. Мишкино Мишкинского района РБ

18. *Смирнов И.Н.* Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. – Йошкар-Ола, 1986.

19. *Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). – М., 1997.

20. Марий калык мут ден тушто-влак / Марийские пословицы, поговорки, загадки / Сост. С.И. Ибатов. – Йошкар-Ола, 1960.

21. *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности. – Ленинград, 1929.

22. *Сурхаско Ю.Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX вв.). – Ленинград, 1977.

23. *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. – М., 2001.

24. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М., 2000.

25. *Самые Ст.* О черемисах: Этнографическо-антропологический очерк. Перевод В.Москалевой, под редакцией Д.П. Никольского // Марийский археографический вестник. 1999, №9.
26. ПМА 2009. Иликбаева А.Я. 1923 г.р., д. Ирсаево Мишкинского р-на РБ.
27. ПМА 2009. Янсутина Е.И. 1933 г.р., д. Чураево Мишкинского р-на РБ.
28. *Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В.* Марийско-русский словарь. – Йошкар-Ола, 1991.
29. ПМА 2005. Ямурзина Е.И. 1928 г.р., с. Мишкино Мишкинского района РБ.

Lyudmila Yamurzina

THE PREWEDDING PERIOD OF A WEDDING COMPLEX OF THE EASTEN MARIS

Article purpose is consideration of the prewedding period of a wedding complex of Easten Maris. The author puts forward some forms of a marriage: marriage on abduction; marriage on courtship; marriage on love; modern wedding on traditional character.

At the end of XIX century abduction of brides or marriage by abduction was the widespread phenomenon. At the beginning of the XX century abduction had formal character, and marriage on courtship became the widespread form of marriage. The marriageable age is fluctuated from 16 till 20 years. On the author's field materials, in first half of XX-th century to a sexual life before marriage people concerned strictly.

In search of the good bride matchmakers participated. It is took notice of character of the girl, and also reputation and a financial position of her parents.

If all arranged, the matchmaker, groom with his father came on shows after which both parties discussed, whether the bride or the groom approaches them. The next act of the prewedding period is 'soldering process of bride' (ьdyr jьktymash). If the girl tasted a glass with wine it meant her consent to marry. The father of the groom paid a bride money. After that the bride moving to the the planted parents' house - relatives or fellows villager of the groom where before wedding she prepares gifts for relatives of the groom.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Виктория Белевцова
Самара

ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ БРАЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ МАРИЙЦЕВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(структурно-типологический анализ)

Социально-экономические и культурно-бытовые преобразования в стране на протяжении XX века (коллективизация, отказ от традиционного хозяйства, жесткая идеологизация общественной жизни) способствуют исчезновению элементов традиционной культуры. Проблема их сохранения становится актуальной. Изучение традиций на современном этапе существенно усложняется мировыми тенденциями глобализации, урбанизации. Несмотря на это, сегодня традиции являются ценнейшим источником информации по функционированию культур в прошлом и трансформации их в настоящем, по истории развития этноса.

Несмотря на утрату своей целостности, тенденции к отмиранию, упрощению некоторых ритуальных форм, традиционная обрядность, будучи наиболее консервативной сферой, связанной с областью традиционного мировоззрения и самосознания, сохранила специфические этнические черты. В связи с этим представляется весьма актуальным изучение свадебной обрядности, которая является одним из наиболее устойчивых элементов культуры этноса.

Обрядность, т.е. система обычаев и обрядов, условно-символическим образом знаменующих значительные события в жизни людей, является одной из важнейших характеристик этноса (1, с. 5). По мере развития этноса трансформировались форма, содержание и функции обрядов. Обряды более инертны по отношению к социально-экономическим преобразованиям общества, поэтому в них сохраняются черты, присущие предшествующим этапам развития этноса.

Большой степенью сохранения традиционных элементов отличается семейная обрядность, связанная с основными моментами жизни человека в семье – рождением, свадьбой, похоронами. Свадебная обрядность является одной из наиболее устойчивых форм обрядности благодаря своей значимости в традиционной культуре. Она относится к обрядам перехода, связанным с переломными моментами в жизни человека, изменением его социального статуса. Брачные обряды наиболее живописно демонстрируют всю самобытность культуры этноса, являются его существенной характеристикой и надежным этнографическим источником, показывают степень этнокультурных взаимодействий.

Традиционная свадьба – это сложный комплекс обычаев и обрядов, имевших социальное, правовое, мировоззренческое, религиозно-магическое и иные значения (2, с. 156). Свадьба утверждает общественную значимость семьи, поэтому ее изучение помогает нам понять роль и место семьи и каждого человека в обществе.

В свадебных обрядах марийцев нашли свое отражение различные этапы социально-культурного развития народа, пережитки ранних форм семейно-брачных отношений, религиозные представления, а также результаты этнокультурных взаимодействий с соседними народами. Последний аспект имеет особое значение, учитывая, что Среднее Поволжье – один из многонациональных районов, где живут и взаимодействуют различные по языку и культуре народы – русские, татары, чуваши, марийцы, удмурты, мордва. Все эти народы за длительный исторический период своего развития постоянно вступали в самые разнообразные контакты – экономические, политические, культурно-бытовые и семейно-брачные (3, с. 98).

Проблема, которая встает перед исследователем при изучении свадебной обрядности марийцев – это её поливариантность. Еще авторы XIX века обозначили этот проблемный вопрос (4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13). В своей работе «История мари (черемис)» Н.В. Никольский пишет о том, что «свадебные обряды одних деревень могли во многих отношениях не походить на обряды других деревень, здесь проявлялось местное обрядовое творчество и вкус данной группы деревень, им только свойственные» (13; с.172). Традиционный свадебный ритуал в различных районах существенно отличался по ряду параметров – наличием или отсутствием того или иного обрядового действия, его функциональным значением, формируя при этом обилие вариантов. В каждой этнографической группе мари (горные, луговые, восточные) были выработаны особые свадебные обычаи, обряды и собственная свадебная символика. Такие локальные различия традиционного свадебного обряда обуславливались не только сложностью процессов формирования этноса, но и его тесными культурно-бытовыми связями с иноэтническим окружением – русскими, чувашами, башкирами. Причем характер заимствований в сфере свадебной обрядности и их интенсивность в различных районах проживания марийцев были различны, что еще значительнее усиливало различия свадебных комплексов.

Наличие особенностей в традиционном свадебном комплексе XIX – начала XX веков указывает на необходимость типологизировать свадебную обрядность марийцев, учитывая локальные отличия того или иного района. Именно изучение традиционной свадебной обрядности марийцев посредством структурно-типологического анализа в дальнейшем поможет выявить не только типологические особенности свадебной обрядности марийцев, но и рассмотреть этот вопрос с диалектологической точки зрения, что, в свою очередь, позволит по-новому подойти к комплексу вопросов, связанных с историей, развитием и функционированием как марийского этноса в целом, так и его этнографических групп.

Дифференциация этнографических групп марийцев и выделение соответствующих районов проводилось на основе хозяйственно-культурных типов, лингвистической диалектологии, а также конфессиональной принадлежности населения (15, 16).

В ходе изучения данной проблемы предлагается сосредоточить внимание на решении следующих вопросов:

1) Диалектологические и типологические особенности этнической культуры марийцев на примере традиционной свадебной обрядности.

2) Специфика выявленных типов предсвадебного цикла.

Во второй половине XIX века у всех этнографических групп марийцев сложился в целом единый свадебный ритуал, который в настоящее время называется традиционным. Это период активного бытования свадебной обрядности как целостного комплекса в системе традиционной культуры. В это же время в свадебных обрядах более всего наблюдались региональные различия. Верхняя граница (начало XX века) фиксирует завершение функционирования свадебной обрядности в традиционном варианте, что можно объяснить замедленными темпами экономического развития региона, а также стойкостью семейного уклада.

Несмотря на уникальность свадебных обрядов каждого народа в Урало-Поволжье, при их сопоставлении можно выделить общие черты в терминологии, формах заключения брака, структуре церемониала, содержании и функциональной направленности обрядового действия, обусловленные тесными межэтническими контактами. В связи с этим особый интерес представляют работы исследователей брачной обрядности народов Среднего Поволжья Н.В. Зорина (17), Т.П. Федяновича (18), Ф.Л. Шарифуллиной (19), Е.А. Ягафовой (20).

Непосредственно разработкой темы марийской свадебной обрядности занимался И.Н.Смирнов (3, с. 21–28). Им рассматривались вопросы, связанные с происхождением определенных ритуалов, их связи с культами, изучением комплекса ритуальных действий, эволюции обрядового комплекса, трансформации отдельных ритуально-обрядовых элементов, определение ключевых звеньев общих для свадебной обрядности всех марийцев с выявлением некого инварианта. Свадебная обрядность стала рассматриваться с различных ракурсов. Работы И.Н. Смирнова представляют собой последовательное и комплексное исследование марийской свадебной обрядности. Автор рассматривает марийскую брачную обрядность в её динамическом развитии, показывая процесс трансформации традиционного свадебного комплекса. Несмотря на подробное комплексное исследование данного вопроса, автор был склонен к излишним обобщениям, сведению традиционной свадебной обрядности марийцев к некоему инварианту с указанием лишь наиболее выразительных отличительных черт (27).

Данное исследование основывается на комплексном анализе широкого круга источников. Прежде всего это опубликованные источники. Уже в записях путешественников и историков XVIII – первой половины XIX вв. содержатся фрагментарные сведения об обычаях и обрядах, сопровождающих свадьбу, хотя они весьма поверхностны и не дают нам полной картины обрядовых действий. Наибольший

интерес представляют опубликованные материалы второй половины XIX – начала XX вв., среди которых наиболее значимыми являются работы таких авторов, как В.М. Васильев (29; 30), А.Гакстгаузен (31), С.М. Михайлов (32), М.В. Лоссиевский (8), Г. Мендиаров (10), А.Ф. Риттих (14), А.А. Фукс (33), Г. Яковлев (34).

Исследование в рамках заявленной темы основано и на полевых материалах автора. Материалы собирались на протяжении 2006–2010 гг. в республиках Марий Эл (2006 г. – Куженерский район; 2008 г. – Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Параньгинский, Сернурский районы; 2009 г. – Медведевский район; 2010 г. – Сернурский район), Башкортостан (2008 г. – Балтачевский, Бирский, Бакалинский районы), а также в Кировской области (2008 г. – Малмыжский район). Для обследования выбирались как моноэтнические марийские села, так и селения со смешанным марийско-русским, марийско-татарским, марийско-башкирским населением.

В середине XIX века у всех этнографических групп марийцев свадебный ритуал, в основном, состоял из пяти этапов: 1) выбор невесты; 2) сватовство; 3) сговор; 4) свадьба; 5) послесвадебные обряды (21, с. 98). В данном исследовании первый пункт не имеет большого значения, так как фактически не был оформлен обрядовой стороной. Второй и третий входят в цикл предсвадебных обрядов, а четвертый и пятый представляют собой самостоятельные единицы – свадьба и послесвадебные обряды. Каждый из этих этапов в конце XIX – начале XX века представлял целый комплекс обычаев, обрядов и связанных с ними религиозно-магических верований и представлений, которые несли социальную, религиозно-магическую функции. В то же время в свадебных обычаях и обрядах более всего наблюдались региональные различия, сложившиеся в ходе межэтнических контактов, межкультурного взаимовлияния, сохранения и заимствования традиций.

В рамках данной статьи особое внимание уделяется предсвадебному циклу. Он представлен в марийской брачной обрядности обилием вариантов, продолжителен во времени и включает в себя несколько этапов. Различия заключаются в степени сохранения тех или иных обрядов, наличии или отсутствии их отдельных элементов, соотношении конвергентных и заимствованных элементов обряда.

Хотя все этнографические группы марийцев имели свои особенности в обрядности, необходимо отметить и общие черты предсвадебного цикла. У марийцев запрещались браки между родственниками до седьмого колена. В большинстве случаев они заключались с девушками в пределах «брачного округа» (35, с. 112), т.е. носившими тот же головной убор и говорившими на том же диалекте. Эта своеобразная «земляческая» эндогамия в значительной мере способствовала, по мнению К. И. Козловой, сохранению местных традиционных элементов культуры и обрядности (15, с. 333). Характерным признаком марийской свадьбы являлось широкое участие в свадьбе родственников.

В конце XIX – начале XX веков браки у марийцев заключались двумя способами – путем договора между родственниками (1б) и путем похищения женихом невесты (1а) *ӱдыр шолыштмаш, онцыц келшен шолышмаш* (37, с. 9).

Заключение брака путем умыкания невесты было широко распространено у восточных марийцев и совершалось даже чаще, чем брак по договору (38, с. 114). К краже невесты могли прибегать люди разного материального положения. Исследователи указывают, что такая форма брака вызывалась желанием снизить выкуп за невесту, приблизить дату свадьбы (15, с. 172; 35, с. 114; 36, с. 121–125).

Похищение в рассматриваемый временной период уже получило в большей степени обрядовое значение и проходило с согласия девушки, а иногда и с молчаливого согласия родителей. Например, у марийцев Кичкиняшевской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии согласие на похищение невеста давала в виде подарка жениху (10, с. 44). Так в Малмыжском уезде Вятской губернии данный способ заключения брака оформляется сопутствующими обрядовыми действиями. Утром после похищения молодые, отец жениха, сват отправлялись к отцу невесты с гостинцами. После решения денежных вопросов между сватами происходило застолье только с меньшим размахом (5, с. 355).

Следы этой традиции прослеживались не только в свадебном комплексе восточных марийцев, но и у части луговых и горных марийцев встречается обрядовый откуп жениха от парней той деревни, откуда он берет невесту, зачастую сопровождавшийся обрядовой погоней. Не исключено, что данный способ заключения брака мог в прошлом относиться к универсальным явлениям марийской свадьбы.

Таким образом, первым выделенным элементом-признаком в цикле предсвадебных обрядов является способ заключения брака (1.**а**) путем умыкания невесты; (1.**б**) по сватовству.

Вторая форма заключения брака в конце XIX – начале XX в. была более распространена, при этом сохранялся весь цикл обрядов. Свадьба с полным исполнением свадебного ритуала считалась наиболее правомерным актом оформления брака. 2. *Ӱдыр ончымаш, ӱдыр йодмаш* (2.а) (у луговых марийцев*); ыдыр анжаш* (I.2.б) (у горных)*; ӱдыр ончаш* (2.в) (у восточных) – смотрины – один из первых актов предсвадебного периода, основная цель которого получить согласие обеих сторон на брак. В выборе невесты активно помогали родственники. Традиционно у марийцев на смотрины отправлялась группа людей во главе с организатором данного мероприятия, выступавшим посредником между семьями. Человека, по чьей рекомендации осуществлялось сватовство, называли *ончыч коштшо* (досл. «впереди идущий»), *кокла коштшо* (досл. «посредник, посредница»), *путлышо, тулар мари, куда мари* (сватун), *темлыше, темче* (сват) (37, с. 157). У горных марийцев – *тыклар мара* (сват), *тыклаце (*сваха) (10, с. 143), у моркинских – *ончыч коштшы* (10, с. 52). С течением времени в марийской свадьбе определенную роль стали играть женщины-свахи. Появляются специальные термины, обозначающие конкретных действующих лиц и их роль во время сватовства: *ончыч коштшо вате* (жена сватуна), *тулар вате* (жена свата), *сваха – вате, темлыше вате* (сваха, сватунья) (3, с. 104). У восточных марийцев встречается и группа свах – 1-я сваха – *карт*, 2-я сваха – *пурыш* (распоряжающаяся угощением); 3-я сваха – *вейн-карт* (ответственная за песни и пляски) (8, с.173). Хотя у восточных марий-

цев, по свидетельству информаторов, как правило, сватьями выступала семейная пара – *тулартышы* (38). Прямым результатом русского влияния на свадебный ритуал горных и луговых марийцев, соседствующих с русским населением, явилась смена в начале XX века марийских терминов, обозначающих сватов и сватовство русскими заимствованиями – *сватояшь, сват, сватун вате* и *сыватайаш, сваха – вате* (5, с. 104). Хотя у горных марийцев сохранялась и собственная терминология в названии лица, подбиравшего кандидатуру будущей невесты – *ыдыр моши* (6, с. 230–233).

Кроме свата в смотринах участвовала группа людей, которая могла существенно отличаться по составу и комбинации. У луговых мари на смотрины приезжал отец жениха со сватом или свахой *(тулар марий, темлыше)*. У восточных и части луговых марийцев (моркинских) большое значение в свадебной традиции играли крестные родители, поэтому крестный отец жениха также являлся традиционным персонажем, зачастую выполнявшим обязанности свата.

Начиная уже со смотрин, свадебная традиция строго регламентировала всё ритуальное действо, включая поведение участников, одежду, специальную пищу. Обязательным условием было прибытие участников верхом или в запряженном тарантасе, даже когда расстояние составляло всего несколько домов (6, с. 230–233). Смотрины предполагали совместное пиршество с принятием ритуальной пищи, для которой изготавливали из шкуры жертвенного животного специальную кожаную сумку *шувыш* (у марийцев Яранского уезда она имела название *кесу)*. Большое значение придавалось и принесенным гостинцам, количество которых могло варьироваться от трех до двенадцати видов, в зависимости от местных традиций. В частности, у луговых марийцев Царевококшайского уезда это были три вида гостинцев – *мелна/мелла/меленä* (блины), *перемеч/туаткал/шаньга* – (ватрушка с начинкой из творога, конопляного семени, картофельного пюре или ягод), *туара/тара* (сырок, творожная лепешка) или пять, если еще считать квас и *арака* (алкогольный напиток). У восточных количество гостинцев возрастает от семи до двенадцати (38).

3. После смотрин следовало сватовство, которое было распространено также повсеместно: *ӱдыр йӱктымаш* (3.1.а) *(букв. пропой девушки)* (луговые марийцы)/ *сӧрӓсьымаш* (3.1.в) (восточные марийцы) (10, с. 48)/*ыдыр йӱӓш* (3.1.б) (горные).

В обряде сватовства у луговых марийцев большую роль играл *тулар мари* – сват; он был главным действующим лицом (37, с. 283). У горных марийцев эту роль выполняла в основном женщина – *ыдыр мошы*. Специальный костюм свахи *марий тувыр* – марийское национальное платье, головной убор – остроконечный *шымакш*, каркасный *сорока*, или мягкий полотенчатый *шарпан-нашмак* указывал на цель визита гостей. Отличия в одежде сватов – характерная деталь не только марийской свадьбы, но и свадеб других народов Поволжья, в частности, чувашей (20; 39), русских (17). У восточных марийцев сватовство проходило при помощи супружеской пары – *тулартышы*. Обязательным участником являлся также отец жениха/крестный отец жениха. В основном состав участников на смотринах и сватов-

стве практически тождественен, хотя в некоторых районах количество участников сватовства существенно возрастает.

У марийцев Ернурской волости Яранского уезда Вятской губернии помимо жениха на сватовстве традиционно присутствовали сваты из деревни невесты – *ончыч коштшо/кокла коштшо*, крестный и родной отец (40).

При исполнении обряда значительную роль играло также совместное пиршество, которое устраивалось в основном из принесенных со стороны жениха гостинцев. Обязательным было вареное мясо (гуся или утки), *эгерче* (пресные овсяные лепешки), каравай хлеба (*тичмаш сукыр*) (41, с. 158). Горные марийцы брали в основном *селмäгинды* (овсяные лепешки) (6, с. 231). У моркинских марийцев девушка на обряде не присутствовала; если она была согласна на брак, то пряталась в таком месте, чтобы её могли найти, и это расценивалось как согласие; в противном случае сватовство считалось не состоявшимся (34, с. 56). У марийцев Царевококшайского уезда, если отец был не согласен, а девушка была согласна, то она сама выходила к сватуну и выпивала вино (36, с. 136).

При сватовстве обговаривался вопрос приданого и брачного выкупа, локальные различия которых проявлялись как в денежном размере, так и названиях. В Козьмодемьянско-Ветлужском районе калым получил название *ално*, а приданое *кузук*, в Уржумско-Вятском и Кокшайско-Приволжском районах *олно* и *кузык*, *алне* и *кузэк* в Санчурско-Яранском районе (15).

Одаривание, как характерная черта марийской свадебной обрядности, было свойственно уже в предсвадебный период. В некоторых районах подарок невесты являлся символическим согласием на брак. Кроме того, вышитое полотенце, подаренное невестой жениху, служило неким знаком получения её нового социального статуса. Одариваться так же могли сватья, родственники жениха, в частности, отец. У горных марийцев подарки – *минерь* подвязывали через плечо (32, с. 134).

Сам процесс одаривания сватов марийцы называли *солыкым пуымаш* (букв. «дарение платков за согласие») (3.2.а) (3, с.109). У марийцев Моркинской волости Царевококшайского уезда этот обряд получил название *ӱдыр солык йӱмӧ* (3.2.а) (букв. дарение невестой платков) (4, с.138).

Кульминационный момент сватовства – *Ӱдыр йӱмӧ* (3.2.б), т.е. питье невестой преподнесенной сватом или женихом рюмки с вином (35, с. 105). Согласие на замужество давалось девушкой, если она принимала дары сватов и пила их вино.

В конце XIX – начале XX века во время сватовства проводился обряд освящения брачного договора молодых. Он получил название – *шергаш ваштaлтыш* (3.2.в), (букв. «обмен кольцами») (18, с. 16). Например, А.А.Фукс описывала это следующим образом: «Отец невесты, ожидая жениха, кладет на стол каравай хлеба и блюдо коровьего топленого масла. Невеста дожидается в избе, стол у печки. Встретив жениха, тотчас нарезают ломтиками хлеб и намазывают маслом. Жених первый берет ломтик и подает невесте, которая, откусив, передает его отцу. От него ломтик таким же порядком переходит к невесте и, наконец, возвращается к жениху, который должен съесть оставшийся кусочек» (33, с. 225). В некоторых местах

Козьмодемьянского уезда при завершении этого обряда в качестве жертвы бросали в огонь по маленькому кусочку от лепешек (32, с. 134). Аналогичным образом поступали марийцы Уржумского и Яранского уездов, которые в огонь бросали хлеб, оставшийся после молитв (27, с. 59). В Ветлужском уезде этот обряд проходил с поочередным распитием водки женихом и невестой, их последующим троекратным обменом кольцами (36, с. 136). Подобный обряд, но без свечи и молитв исполняли восточные марийцы. Частично у горных марийцев в указанный хронологический период обряд освящения брачного договора видоизменился и проходил согласно христианской традиции (6, с. 231). Моление проходило перед образами, после чего следовал троекратный обмен кольцами. Один из заимствованных элементов, прочно вошедший в свадебный комплекс горных марийцев на правах традиционного, – это обычай благословения родителей (32, с. 133).

После получения согласия на брак и домашнего обручения следовал обряд *ӱдыр арака йӱаш* (3.2.г.) (букв. «пропивать девичье вино») (3, с. 108), соответствующий по своей функциональной значимости русскому «пропою» и означающий совместное пиршество вступающих в родство семей. Аналогичный обряд *ыдыр йӱаш* во время сватовства проводился и у горных марийцев Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (6, с. 231). Мать невесты обходила соседей и приглашала принять участие в пиршестве. Во время сватовства у луговых и восточных мари девушка в знак согласия выйти замуж дарила жениху поясное полотенце, у горных – полотенце (41, с. 75). У уржумских марийцев жениху и сватам подносили стакан с вином, покрытый подарком (18, с. 16).

После сватовства семьи активно готовились к предстоящей свадьбе, и в этот период могло проходить еще несколько ритуальных посещений дома невесты.

4. На третий день после церемонии (сроки могли варьироваться) отец жениха и сват со свахой приходили к отцу невесты для заключения свадебного договора (*тувыр шулаш* (4.а)/*пунчал пуымаш* (4.б)), по которому окончательно определялись размеры калыма и приданого, обговаривались окончательный день свадьбы и количество гостей (20, с. 131). У горных марийцев *пунзал пуаш* (3.2.д) – соглашение о выкупе за невесту со стороны жениха и приданом могло заключаться и во время сватовства (6, с. 321). Необходимо отметить, что у горных марийцев этот ритуал *(пунзал пуаш)* получил особое оформление и проходил в несколько стадий с жесткой регламентацией алгоритма принятия подарков. У восточных марийцев посещение и договор о проведении свадьбы имели название *оксам пышташ* (4.в) (букв. «класть деньги»).

5. Спустя некоторое время жених приезжал к невесте, чтобы передать сколько нужно готовить подарков для предстоящей свадьбы. Назывался такой визит *тугыр висыктымаш, кумалтыш висаш* (I.5.а) (букв. «снятие мерки для рубахи»)/ *увер налмаш* (I.5.б) (получение известия).

6. Повсеместно в группах встречаются и специфические обряды. Так у марийцев, живших в близком соседстве с русскими в Царевококшайском, Яранском, Козь-

модемьянском уездах, встречалось еще одно ритуальное посещение родителями жениха невестиного дома *кинде пукшымо* (букв. «кормление хлебом»), *кинде ваштаташ,* (букв. «обмениваться хлебом») (6.к) (18, с.18). Также, возможно, под влиянием русской традиции одним из обрядовых действий накануне свадьбы у марийцев Козьмодемьянского, Яранского уездов, Мари-Турекской волости Уржумского уезда было посещение бани невестой и женихом (6.в) (42). Но данная традиция, скорее всего, была заимствованной, доказательством этому служит тот факт, что никакими ритуальными и обрядовыми действиями этот процесс не сопровождался. Освящение брачного договора (6.г) проводилось у части крещеных марийцев Царевококшайского, Яранского, Козьмодемьянского, Васильевского уездов.

В Уржумском, Малмыжском, Елабужском уездах отец жениха незадолго до свадьбы посещал своих родных, особенно в соседних деревнях, через которые должен был проследовать свадебный поезд. В каждом доме он оставлял лепешку (*эгерче*) в знак того, чтобы хозяева дома принимали и угощали поезжан (6.а) (15, с. 333). У марийцев Яранского уезда присутствовал обычай смотреть дом жениха, знакомиться с хозяйством – *качын сурт-печежым пален налаш* (6.б). В остальных группах эта традиция совмещена с приездом свадебного поезда в дом жениха.

У горных марийцев накануне свадьбы в домах жениха и невесты варили пиво (6.д), стряпали. У невесты пиво готовили ее подруги. Мать жениха, сам жених и его дружка приезжали к невесте для того, чтобы выкупить невестино пиво. Для этого дружка жениха готовил подарки подругам невесты. В тот же день мать жениха осматривала подарки, которые невеста приготовила для родственников жениха (18, с. 27).

У восточных марийцев для родственников невесты проводился *юкташ* (букв. «напоить»)/*пӱрӧ йӱмаш* (букв. предбрачный пир) (6.е.), который приравнивался по значению к свадьбе. Обряд проходил с участием *сабуса* и отца жениха. После ритуального пиршества и принесения гостинцев (обязательно семи видов) выкупалось приданое. Вещи отвозились в дом жениха, а саму невесту жених завозил к посаженным родителям – *пуртомо ача и ава/киямат лык ача и ава* или к одному из родственников до готовности к свадьбе обеих сторон (6.и). В это время не исполнялись свадебные песни, а разрешалась лишь игра на музыкальных инструментах (38).

В Моркинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии марийцы перед свадьбой устраивали девичник *ӱдыр ончыл йӱмӧ* (6.ж). Исполняемые напевы исследователи считают свадебными причитаниями, хотя не ясно, являются ли они традиционно марийскими или представляют собой результат влияния соседних народов. И.Н. Смирнов указывает на возможное заимствование их из русской традиции (3, с. 112). Хотя фактический материал указывает о заимствовании этой традиции из чувашской обрядности. Так А.А. Осипов и Е.А. Ягафова, рассматривая плач невесты в чувашской свадьбе, учитывая границы его распрос-

транения, приходят к выводу, что этот элемент получил распространение у горных и моркинских марийцев вследствие брачных контактов с чувашами (20, с.144).

В предсвадебный цикл входит также обряд укладывания приданого (6.з), который также имел свои специфические особенности как по совершаемым действиям, так и хронологически. Кроме того, обрядовое оформление процесса укладывания приданого было свойственно в основном марийцам Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов. Сбор сундука невесты происходил после девичьей бани, перед приездом свадебного поезда. В этом принимали участие подруги невесты и её крестная мать. Родители невесты перед укладкой вещей бросали в сундук хмель, зерно или мелкие монеты, для того чтобы у дочери не переводилось добро. Затем в него складывали вещи невесты, подарки родственникам жениха, поверх всего – каравай хлеба (3, с. 113). У горных и луговых марийцев приданое в основном отвозилось в дом жениха непосредственно во время проведения свадебного торжества. Кроме того, у горных марийцев существовал обычай вывешивать предметы одежды из приданого во дворе жениха на всеобщее обозрение (41, с. 76).

Таким образом, в марийской свадебной обрядности выделяются следующие признаки – элементы предсвадебного цикла:

1. Форма заключения брака: **а)** путем умыкания невесты; **б**) посредством сватовства.

2. Смотрины: **а)** *ончымаш, ӱдыр йодмаш*; **б)** *ыдыр анжаш*; **в)** *ӱдыр ончаш*

3.1 Сватовство: **а)** *ӱдыр йӱктымаш*; **б)** *ыдыр йӱӓш*; **в)** *сӧрӓсьымаш*

3.2. Обряды, проводимые во время сватовства: **а***) кымыллан солыкым пуымаш* (букв. «дарение платков за согласие») */ ӱдыр солык йӱмӧ* (букв. «дарение невестой платков»); **б**) *ӱдыр йӱмӧ* (питье невестой вина); **в**) *шергаш вашталтыш* (букв. «обмен кольцами»); **г**) *ӱдыр арака йӱаш /ыдыр йӱӓш* (букв. «пропивать девичье вино»); **д**) *пунзал пуаш* (букв. «свадебный договор»).

4. Заключение свадебного договора: **а)** *тувыр шулаш*; **б**) *пунзал пуаш*; **в)** *оксам пышташ*

5. Посещение женихом невесты, с целью передачи мерок для подарков: **а**) *тугыр висыктымаш, кумалтыш висаш* (букв. «снятие мерки для рубахи»); **б)** *увер налмаш* (получение известия).

6. Специфические обряды предсвадебного цикла: **а**) договор отца жениха о посещении родственников во время свадебного торжества; **б**) знакомство с хозяйством жениха – *качын сурт-печыжым пален налаш*; **в)** ритуальное посещение бани невестой и женихом; **г)** освящение брачного договора; **д)** обряд варения пива; **е**) малая свадьба в доме невесты *юкташ* (букв. «напоить»)/ *пӱрӧ йӱмаш* (букв. «предбрачный пир»); **ж**) девичник *ӱдыр ончыл йӱмӧ*; **з**) обряд укладывания приданого; **и**) перевоз невесты в дом названных родителей жениха – *пуртымо пӧрт*; **к)** посещение родителями жениха невестиного дома *кинде пукшымо* (букв.»кормление хлебом»), *кинде вашталташ*,(букв. «обмениваться хлебом»).

На основе представленных признаков по способу заключения брака различаются два типа:

Тип I – посредством сватовства (с вариантами):

1б. 2а 3.1а 3.2. б-г 4а, 5а (Царевококшайский уезд)

1б. 2а 3.1а 3.2. б-г 4а, 5а, 6а,в,з,к (Царевококшайский уезд, Уржумский уезд)

1б. 2а 3.1а 3.2. б-г 4а, 5а, 6ж,з (Моркинская волость Царевококшайского уезда)

1б. 2а 3.1а 3.2. б-г 4а, 5а, 6а,б,в,к (Яранский уезд)

1б. 2б 3.1 б 3.2 в,г,д 5б, 6в,г,д,з (Козьмодемьянский уезд)

1б. 2б 3.1 б 3.2 в,г, 4б, 5б, 6в,г,д,з (Козьмодемьянский, Чебоксарский уезды)

1в. 2в 3.1в 3.2 а-в 4в, 5б, 6е,и (Бирский, Белебеевский уезды)

Тип II – путем умыкания невесты (с вариантами):

1а. 4, 6е,и (Белебеевский, Бирский, Елабужский уезды)

1а. 4 (Уржумский, Царевококшайский уезды)

В основном преобладающим был первый тип, который представлен обилием вариантов. Наибольшее распространение он получил среди луговых и горных марийцев. Первый тип встречается и у восточных марийцев (1в, 2в, 3.1в, 3.2 а-в. 4в, 5б, 6е,и), его можно охарактеризовать как наиболее сложный.

Второй тип представлен также повсеместно, правда у луговых и горных марийцев скорее известны единичные случаи. У восточных марийцев преобладает именно второй тип и имеет практически повсеместное распространение.

Данная работа является первой попыткой типологизировать свадебную обрядность марийцев на основе анализа широкого круга разного рода источников. Проведение исследования позволило обобщить обширный и разнообразный эмпирический материал, выделить основные типологические элементы в структуре предсвадебного обрядового цикла марийцев, выявить универсальные и уникальные варианты форм обрядности, общие и локальные ее проявления.

Устойчивые сочетания выделенных элементов свадебной обрядности были объединены в типы. Анализ материала позволил выявить, что одни сочетания элементов-признаков имели широкое распространение и были характерны для всего этноса в целом, другие сочетания были присущи только определенной этнографической группе или определенному району расселения марийцев.

Таким образом, изучение традиционной свадебной обрядности марийцев посредством типологического анализа дает богатый материал по этнической истории марийцев и их этнокультурном взаимодействии с соседними народами, которые, в свою очередь, занимают весомое положение в вопросе формирования и развития этноса, а также этнокультурного районирования.

Дальнейшая разработка темы возможно позволит внести уточнения или даже провести более точное этнокультурное районирование марийского этноса. В перспективе планируется разработка данного проблемного вопроса. Для проведения более подробного структурно-типологического анализа необходим дальнейший сбор материала в районах расселения марийцев, а также работа с архивными источниками. Особое внимание следует уделить восточным марийцам, свадебная обрядность которых освещена здесь в меньшей степени.

Конечный результат типологического анализа брачной обрядности марийцев предполагает выявление комплексов свадебной обрядности и ареалов их распространения с дефиницией каждого из них на районы и подрайоны. Частным методом в рамках сравнительно-типологического подхода следует назвать метод картографирования и выявления ареалов распространения основных типов брачной обрядности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Календарные праздники и обряды марийцев / Сост. Калинина О.А. – Йошкар-Ола, 2003.
2. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.
3. *Смирнов И.Н.* Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. – Йошкар-Ола, 1986.
4. *Евсеев Т.Е.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл, № 10, 1927.
5. *Кузнецов С.К.* Очерки из быта черемис // Древняя и новая Россия, Т.II, 1877.
6. *Кушелев П.С.* Черемисская свадьба (Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии) // Марийский археологический вестник. – Йошкар-Ола, 1998, № 8.
7. *Кушелев П.С.* Черемисская свадьба (Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии) // Вятские губернские ведомости, 1893, № 70.
8. *Лоссиевский М.В.* Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отделения Императорского географического общества. Вып. 4. – СПб., 1881.
9. *Максимов С.* Край Крещенного света Т. II: Дремучие леса или рассказ о народах, населяющих русские леса. – СПб., 1866.
10. *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1894 г., № 3.
11. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972.
12. Народы России. Живописный альбом. – СПб., 1880.
13. *Никольский Н.В.* История мари (черемис). – Казань: Первая государственная типография, 1920.
14. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. – Казань, 1870.
15. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978.
16. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. – Йошкар-Ола, 1975.
17. *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2001.
18. *Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья. – М., 1997.
19. *Шарифуллина Ф.Л.* Традиционная свадебная обрядность нагайбаков в конце XIX – начале XX вв. // Нагайбаки(комплексное исследование группы крещеных татар-казаков.) – Казань, 1995.
20. *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура экстерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). – Чебоксары, 2007.
21. *Смирнов И.Н.* Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии марийского

края. АЭМК. – Йошкар-Ола, Вып.7 1984.

22. *Смирнов И.Н.* Положение женщины в Марийском крае (конец XIX – начало XX вв.) // Материальная и духовная культура марийцев / Археология и этнография Марийского края. Вып.5. – Йошкар-Ола, 1985.

23. *Смирнов И.Н.* Этнические традиции в современной сельской семье // Современные этносоциальные процессы на селе. – М.,1986.

24. *Смирнов И.Н.* Изменение традиционной свадебной обрядности марийцев в годы Советской власти (на примере Йошкар-Олинско-медведевского свадебного комплекса) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Вып. 11. 1987.

25. *Смирнов И.Н.* Дореволюционная марийская семья и её быт // Межэтнические связи населения Марийского края / Труды МарНИИ: Археология и этнография Марийского края. Вып. 20. – Йошкар-Ола, 1991.

26. *Смирнов И.Н.* Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса // Археология и этнография Марийского края. Вып. 22. – Йошкар-Ола 1993.

27. *Смирнов И.Н.* Свадебный обряд марийцев // История и культура марийского народа. – Йошкар-Ола, 1994.

28. *Смирнов И.Н., Попов И.С.* Марийская свадьба // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, коми-пермяки, марийцы, мордва, удмурты. – М.: Наука, 2000.

29. *Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов черемис // Инородческое обозрение. – Казань, 1915.

30. *Васильев В.М.* Отношение к половой распущенности. – Казань, Типолитография Императорского университета, 1915.

31. *Гакстгаузен А.* Горные марийцы. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – М., 1870.

32. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972.

33. *Фукс А.* Записи о чувашах и черемисах. – Казань, 1840.

34. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

35. *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. – М., 1964.

36. *Смирнов Н.Н.* Черемисы. – Казань, 1889.

37. *Козлова К.И.* Марийско-русские этнические границы и связи в XVII–XVIII вв. // Новые страницы в истории Марийского края / Труды МарНИИ. Вып 23. – Йошкар-Ола, 1971.

38. Полевые материалы автора 2008 г. Республика Башкортостан. Балтачаевский, Бирский, Бакалинский районы.

39. *Осипов А.* Чувашская свадьба. – Чебоксары, 2007.

40. Полевые материалы автора 2008 г. – Республика Марий Эл. Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Параньгинский, Сернурский районы.

41. *Молотова Т.Л., Токсубаева Л.С.* Функциональные особенности свадебной одежды марийцев // Современная обрядность народов Среднего Поволжья. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1990.

Victoria Belevtsova

PREWEDDING CEREMONIES IN TRADITIONAL MARRIAGE CEREMONIES OF MARIS AT THE END OF XIX BEGINNING OF XX CENTURY (THE STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS)

The prewedding ceremonialism most picturesquely shows all originality of culture of ethnos. At studying of wedding ceremonial rites of Maris before researchers there is a problem of its polyalternativeness. In given article the special attention is given to a prewedding cycle. It is presented in Mari wedding ceremonial rites by an abundance of variants.

At the end of I and the beginning of the XX-th centuries marriages at Maris consisted in two ways: on courtship and by abduction of brides. As to a marriage on courtship it was more widespread. Shows are one of the first acts of the prewedding period, which main objective to receive the consent of both parties to marriage. Courtship followed after shows. The main character was the matchmaker. A question of the given and abusive repayment is disccused at courtship. The culmination moment of courtship udyr jumo (drink by bride of a glass with wine presented by the matchmaker and the groom). To drink wine is a consent sign to marry. In ethnic groups of Maris there are also specific ceremonies.

So, predominant there was a first type (marriage on courtship). The second type (marriage by abduction) is also presented everywhere, but at meadow and mountain Maris it is known single instances.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Лариса Рощевская,
Наталья Миронова
Сыктывкар

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФИННО-УГРОВЕДА В.И. ЛЫТКИНА В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Василий Ильич Лыткин (1895–1981 гг.) – известный коми писатель и ученый-лингвист, крупный финно-угровед, прошедший путь от школьного учителя до доктора филологических наук. Он заложил основы коми языкознания, литературоведения и критики, является автором 11 монографий и более 300 научных статей. В.И. Лыткин – Отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный деятель науки и культуры РСФСР, заслуженный деятель науки и культуры Коми АССР, член Союза писателей СССР, зарубежный член Финской академии наук, почетный член Финно-угорского общества (Хельсинки), Урало-Алтайского общества (Гёттинген), Общества родного языка (Таллинн), Международного общества венгерской филологии, лауреат Государственной премии Коми АССР. В 1975 г. за большой вклад в развитие науки и литературы В.И. Лыткин был награжден орденом Дружбы народов.

Василий Ильич Лыткин родился 27 (15) декабря 1895 г. в д. Тентюково Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. (ныне г. Сыктывкар Республики Коми) в семье крестьянина. В начале 1920-х гг. он вместе со своими коллегами-учителями активно включился в строительство коми национальной школы и литературного коми языка. В 1922–1926 гг. учился на филологическом факультете Московского государственного университета, с 1926 г. – в аспирантуре НИИ народов Востока по специальности финно-угорское языкознание, два года стажировался в Финляндии и Венгрии. В 1927 г. получил ученую степень доктора философии Будапештского университета. В 1929–1933 гг. – доцент Московского госуниверситета, научный сотрудник НИИ национальностей Севера при ЦИК СССР. В 1933 г. В.И.Лыткин был репрессирован. Его обвинили в том, что он, якобы, входил в контрреволюционную организацию, целью которой было «объединение населяющих СССР финно-угорских народностей и путем вооруженного восстания отторжение Коми области от СССР под протекторат Финляндии». В действительности организация Союз освобождения финских народностей (СОФИН) не существовала, и дело было сфабриковано.

В.И. Лыткин был осужден на пять лет, затем срок сократили до трех лет. Отбывал наказание он в Дальневосточном трудовом лагере Хабаровского края. Только осенью 1938 г. В.И. Лыткин покинул Сибирь. Начались годы плодотворной научной

деятельности, защита кандидатской («Древнепермская графика», 1943), а затем и докторской диссертаций («Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков», 1946), работа в Оренбурге (Чкалове), Рязани, Москве. Являясь в 1945–1959 гг. заведующим кафедрой русского языка в Чкалове, Москве, Рязани, Лыткин определял там основные направления научной работы русистов и главные принципы подготовки учителей-филологов в провинции. В 1950–1960 гг. ученый занимал должность старшего научного сотрудника, в 1962–1972 гг. заведовал сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. В 1977–1978 гг. Лыткин был профессором-консультантом кафедры языкознания в Университете дружбы народов им. П.Лумумбы в Москве и вел обучение специалистов международного уровня.

Значительный вклад внес Лыткин в составление учебников для школ («Шонді югӧр», 1921; «Выль туйӧд», 1923; «Асъя кыа», 1924; «Ичӧт школалы коми грамматика», 1925) и вузов, в том числе изданных в Сыктывкаре («Современный коми язык», 1955; «Коми-пермяцкий язык», 1962; «Грамматика современного удмуртского языка», 1962 и др. (1; 2). Еще в молодости ученый подготовил методические указания о том, как собирать лингвистический материал (3). Эта работа доказывает, что В.И. Лыткин был блестяще образованным человеком, знал научные требования к подобного рода деятельности, применил эти требования к коми языковедению. Неоценим его вклад в развитие педагогики высшей школы, так как он заведовал кафедрами русского языка и финно-угроведения в разных пединститутах. Недаром В.И. Лыткин был отличником народного просвещения РСФСР.

О В.И. Лыткине написано немало исследований (4; 5; 6). Еще при жизни ученого, к его юбилейным датам ближайшие ученики и последователи публиковали разрозненные (довольно краткие) данные о его жизни и творчестве (7, с. 76–69; 8; 9; 10; 11; 12; 13 с. 301–303), преследуя главную задачу – систематизацию сведений об ученом и его трудах. Между тем для углубленного изучения научного творчества В.И. Лыткина необходимо ввести в научный оборот многие архивные материалы.

Для получения более полной характеристики научной деятельности Василия Ильича Лыткина требуется обзор его документов в архивах и музеях Республики Коми. Основными источниками являются путеводители по архивам, каталоги личных фондов и выставок.

Формирование личных фондов и коллекций документов о жизни и творчестве В.И. Лыткина стало возможным благодаря помощи вдовы ученого Т.И. Тепляшиной, его коллег и учеников, которые в течение длительного времени передавали его документы и личные вещи в музеи и архивы республики.

Первая характеристика документов о В.И. Лыткине, хранящихся в Национальном архиве Республики Коми, была опубликована в 1992 г. К тому времени в его личном фонде (ф. р-952) имелось только 9 дел за 1915–1981 гг. Это были произведения В.И.Лыткина: рукописи, машинописные экземпляры или оттиски, стихотворения, рассказы. Из научных произведений стоит выделить статьи по проблемам коми языка и литературы, в том числе о венгерском лингвисте Д.-Р.Фокош-Фуксе

(14). Сохранились также письма В.И. Лыткина в редакцию журнала «Войвыв кодзув» и к писателю Я.М. Рочеву, некролог на смерть В.И. Лыткина (15; 16). В других фондах Национального архива РК сохранилось еще немало документов В.И. Лыткина. В фонде первого коми поэта И.А. Куратова (ф. 288) отложилась переписка Лыткина и других исследователей об истории рукописей, издании сочинений и работе над литературным наследием Куратова (17, с. 41). Представляет интерес письмо Лыткина из Финляндии в Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области об отправке в г. Усть-Сысольск книг для организации научной финно-угорской библиотеки (1927 г.) (ф. р-3). Несколько писем В.И. Лыткина сохранились в личном фонде писателя П.Г. Доронина (ф. р-1346). В фонде редакции журнала «Войвыв кодзув» (ф. р-1348) сохранились рукописи Лыткина, в фонде Общества изучения Коми края (ф. р-710) – его статья «Графика и физиология звука современного зырянского алфавита. Зырянский алфавит». Имеется рецензия Лыткина на рукопись стихотворений коми поэта Е.В. Колегова (ф. р-949). Вместе с тем среди документов Национального архива имеется немало трудов, содержащих анализ творчества финно-угроведа. Современник В.И. Лыткина коми поэт и критик, редактор журнала «Ударник» М.П. Доронин делал выписки из журналов «Ордым» и «Ударник» о творчестве Лыткина (ф. р-1322). В его личном фонде сохранились статья о творчестве Лыткина. Заметки о творчестве Лыткина имеются среди бумаг ученого-этнографа и педагога Г.А. Старцева (ф. р-961).

Таким образом, в Национальном архиве РК имеются как документы самого Лыткина, так и документы о нем. Они относятся к разным периодам, но в целом значительно расширяют информацию о его деятельности.

Большую работу по сохранению наследия В.И. Лыткина проводит Сыктывкарский государственный университет. В.И. Лыткин принимал активное участие в становлении филологического факультета университета, занимался методической работой. С 1972 г. В.И. Лыткин регулярно проводил в СыктГУ научные консультации, читал спецкурсы, подготовил к изданию два учебных пособия. В.И. Лыткин также выступал инициатором и неоднократным председателем оргкомитета ежегодных Куратовских чтений, организованных Сыктывкарским государственным университетом, Институтом языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, литературно-мемориальным музеем И.А. Куратова и Коми отделением Союза писателей СССР. В 1985 г. во многом благодаря заслугам и выдающемуся таланту И.В. Лыткина г. Сыктывкар стал центром проведения VI Международного финно-угорского конгресса. Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета издала библиографический указатель работ В.И. Лыткина, опубликованных с 1919 по 1990 гг. (18), а Музей истории просвещения Коми края при СыктГУ опубликовал каталог выставки «В.И. Лыткин и финно-угорский мир» (19). В каталоге отражены экспонаты из фондов Музея истории просвещения Коми края, в том числе переданные в дар докторами филологических наук профессорами А.К. Микушевым, Е.А. Игушевым, А.И. Туркиным, кандидатом филологических

наук А.Е. Ванеевым. В каталог вошли материалы, поступившие в Музей из частных коллекций И.Г. Коюшева, П.И. Чисталева, К.И. Макаровой. Содержание выставки представлено в следующих разделах каталога: 1) фотоисточники; 2) письменные источники (рукописи и опубликованные источники: научные труды, художественные произведения, публикации о жизни и творчестве В.И. Лыткина; 3) вещественные источники; 4) изобразительные источники. Каталог сопровождается подробным именным указателем (19). Но на этом работа по сохранению литературного и научного наследия В.И. Лыткина в Сыктывкарском госуниверситете не закончилась. К 110-летнему юбилею ученого Музей истории просвещения Коми края выпустил сборник документов, материалов, воспоминаний, который включал и подробный каталог личного фонда В.И. Лыткина (20). Сборник состоит из двух частей. Первая включает воспоминания и статьи о В.И. Лыткине. Беседа с Т.И. Тепляшиной записана в Москве в 1996 г. Специально для данного выпуска представила воспоминания первый ректор университета доктор географических наук профессор В.А. Витязева. В книгу вошли неопубликованные воспоминания коми ученых А.С. Забоева (1972 г.), Г.А. Нечаева (1978 г.) и А.К.Микушева, венгерского языковеда Дьердя Лако (1992 г.), марийского ученого, профессора И.С. Галкина (1992 г.), а также опубликованные воспоминания Джона Гордона Коутса (Англия), Э.Итконена (Финляндия), Д.Фокош-Фукса (Венгрия), чл.-корр. АН СССР Б.А. Серебренникова. Вторая часть каталога отражает состав личного фонда В.И. Лыткина. Это его научные и литературные труды (монографии, сборники научных трудов, статьи в различных периодических изданиях), фотографии, документы, письма, личные вещи, сосредоточенные в фондах Музея истории просвещения Коми края. Особый интерес вызывают впервые представленные в каталоге видео- и аудиоисточники (выступление В.И. Лыткина по Коми радио, документальные фильмы и передачи о жизни и творчестве В.И. Лыткина). Материалы расположены в хронологической последовательности. К ним даны некоторые пояснения, а также краткая информация о друзьях, соратниках, родных Василия Ильича. В фонде В.И. Лыткина насчитывается свыше 1,5 тыс. экспонатов, в каталог вошло около 1,3 тыс. Сборник снабжен летописью жизни и творчества В.И. Лыткина, списком наград и именным указателем.

Переписка в музее просвещения при СыктГУ главным образом отложилась в фондах профессора А.К. Микушева и доктора филологических наук А.И. Туркина. В переписку разных лиц о В.И. Лыткине включены официальные ходатайства, просьбы, не всегда являющиеся письмами, а скорее деловыми информационными документами. В архивном деле сложилась практика отказа от поздравительных открыток в силу их многочисленности, особенно в конце советского периода российской истории при их массовом тиражировании. Однако музеи не отказываются от открыток. Один из разделов озаглавлен «Разные документы», но в него включены около 70 писем и открыток, воспоминания и поэтические произведения о Лыткине, а также заявления разных лиц, программы научных конференций «Лыткинские чтения», буклеты, главы диссертаций разных лиц и другие документы.

В группе изобразительных источников имеются преимущественно живописные портреты Лыткина, написанные в разное время профессиональным художником Э.В.Козловым.

Таким образом, для музейного хранения характерно подокументное описание, а для архивов – обобщенное (кроме фотодокументов). Такая разноплановая характеристика делает практически невозможным создание единой системы обобщения накопленных и сохранившихся сведений.

В 2005 г. в Сыктывкарском госуниверситете был выпущен компакт-диск «Электронная версия книжного собрания учёного финно-угроведа В.И. Лыткина» (21). Электронная версия создана в результате реконструкции собрания в максимально возможном варианте и включает в себя 4031 библиографическое описание, хронологический охват собрания – конец XVIII – начало XX века, воспроизведены инскрипты. Компакт-диск снабжен вспомогательными указателями.

Личная библиотека В.И Лыткина, как справедливо отметили составители компакт-диска, представляет собой огромный научный интерес. Можно согласиться с составителями, что правомерно рассматривать библиотеку учёного как отражение процесса освоения потока информации, процесса работы над научной литературой, необходимой для проведения исследований.

Процесс формирования библиотеки может быть разделен на несколько этапов: начальный этап, когда учёный приобретал самые необходимые для работы книги, сборники, выписывал необходимые периодические издания, тем самым, создавая основу библиотеки. В последующие этапы шло целенаправленное формирование собрания изданиями для более углублённого изучения отдельных направлений исследования. Собрание формировалось как книжная коллекция активно работающего учёного, интерес к собиранию книг вырос из специфики его научной работы, поэтому книжное собрание гуманитарного профиля имеет ярко выраженные профессиональные интересы владельца. Книги из библиотеки В.И. Лыткина образуют систему взаимосвязанных областей знаний, научные отрасли знания представлены вопросами теории и истории языка, литературоведением, большинство работ общего характера посвящено историческому, сравнительно-историческому и сравнительно-сопоставительному изучению финно-угорских языков, исследованиям отдельных аспектов грамматики, литературоведения, остальные науки даются в их приложениях. Эти особенности собрания отражают черты творческой индивидуальности. Каждая книга из этой коллекции до сих пор хранит в себе дух В.И. Лыткина в виде различных помет и записей на полях страниц, сделанных его рукой. Открывая любую работу, становишься участником творческой и научной дискуссии В.И. Лыткина с автором работы, имеешь редчайшую возможность следить за развитием мысли учёного, анализировать его сомнения, доводы, доказательства многих гипотез. Что интересно, при анализе личной библиотеки ученика В.И. Лыткина финно-угроведа В.А. Ляшева отмечается заметное сходство в ведении исследовательской лаборатории учителя и ученика, которое проявляется в совпадении тематических разделов библиотеки, принципов работы с научной литературой и т.д. (22, с. 87–91).

Анализ работ Лыткина показывает, что почти все его работы были опубликованы в Сыктывкаре или Москве, хотя он работал в пединститутах и на периферии. Преподавательская и учебно-организационная работа не нашла отражения в его публикациях, тем не менее работа в вузах по организации учебного процесса со студентами была составной частью его обязанностей как заведующего кафедрами. В его личной библиотеке сохранились только три книги, изданные в Чкалове (Оренбурге) и восемь – в Рязани. Для сравнения следует добавить, что 281 издание было из Сыктывкара. Это можно объяснить тем, что в годы, когда Лыткин работал в Рязани и Оренбурге, вузовская наука переживала не лучшие времена. Издание ученых записок в пединститутах было разрешено только в середине 1950-х гг. И в Рязани, и в Чкалове больше внимания уделяли истории края. Исследования по языкознанию, прежде всего русского языка, не особенно приветствовались, тем более по финно-угроведению (23). Необходимо напомнить, что после Великой Отечественной войны в стране остро не хватало школьных учителей и с этой целью была проведена реформа высшего образования, согласно которой на базе педагогических вузов были созданы учительские институты с двухлетним сроком обучения. Для успешной подготовки студентов учительских институтов были разработаны новые учебные планы и вузовские программы, а также краткие учебники, которые частично отложились в библиотеке Лыткина (24). В.И. Лыткин как преподаватель, а затем заведующий кафедрой русского языка Оренбургского (Чкаловского) пединститута участвовал в этой трудной научно-организационной работе по планированию и разработке учебных курсов (25, с. 45–47).

Учительские институты в целом выполнили свою задачу и обеспечили учителями семилетнюю школу. Через некоторое время стало необходимым из бывших выпускников учительских институтов подготовить учителей старших классов. С этой целью в пединститутах стали разрабатывать новые курсы по всем предметам, составляли учебные планы, главным образом для заочного обучения студентов. Подобная литература собрана ученым и для домашней библиотеки (26). Несмотря на то, что Лыткин не являлся автором вузовских программ, хрестоматий или учебников по русскому языку, в его личной библиотеке сохранились издания нормативных документов по реформированию школы и педагогического образования (27; 28), множество вузовских программ по филологическим дисциплинам и языкам (29; 30; 31), хрестоматий, а также вузовских учебников (32) и сборников упражнений (33), методические указания по написанию контрольных работ студентами пединститутов (34; 35; 36).

Другим направлением работы Лыткина в пединститутах было его давнее увлечение – сбор диалектологического материала. В его личной библиотеке имелись методические издания Главного управления высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР по диалектологии (37; 38). По всей вероятности, он организовал и руководил диалектологической практикой студентов в Чкалове, о чем свидетельствуют его публикации (39, с. 28–42; с. 78–81; 40, с. 28–42). В послевоенный период в пединститутах по образцу университе-

тов впервые стали вводить занятия специальных семинаров, которые, как правило, поручали вести наиболее опытным преподавателям, ведущим самостоятельные научные исследования. Вероятно, спецсеминары вел и Лыткин. Недаром в его личной библиотеке имелась соответствующая методическая литература (41).

Полное и многостороннее описание собрания – первый опыт осмысления исторического и культурного материала, авторы показывают библиотеку как цельный организм, как слепок духовного облика учёного и после смерти – свидетеля его творческих устремлений. Впервые привлечены к исследованию архивные материалы, эпистолярное наследие, инскрипты. До сих пор не исследована источниковедческая база для изучения языка и литературы финно-угорских народов, исследование книжного собрания – неоценимый вклад в её дальнейшее развитие. Книжное собрание не сохранилось как единое целое, наиболее значительные его комплекты находятся в научной библиотеке Сыктывкарского университета. в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН. Национальном музее Республики Коми. К сожалению, нет чётких количественных границ отсутствующих изданий, предстоит работа по дальнейшей реконструкции собрания.

В Научном архиве Коми научного центра УрО РАН документы Лыткина появились еще в 1950 г. как научные труды отдела коми языка. К 1976 г. относится заключительный 6-томный отчет по теме «История Коми литературы», в котором Лыткин был соавтором. В 2002 г. в архиве был обработан личный фонд В.И. Лыткина. В фонде насчитывается 102 ед. хр. за 1927–1985 гг. Документы личного фонда систематизированы в четырех описях (творческие, служебные, биографические документы и переписка) по хронолого-тематическому принципу.

В опись № 1 – Творческие материалы – включены: черновой вариант Коми вопросов языкознания финно-угорских народов, подготовительные материалы по коми-язьвинскому диалекту, конспекты работ разных авторов по финно-угорскому языкознанию, рецензии, аннотации. В опись № 2 – Служебные материалы – вошли справки, удостоверения, мандаты, отражающие научную деятельность В.И. Лыткина. Опись № 3 – Биографические материалы – содержит подлинники и копии документов о присвоении В.И.Лыткину научных званий, отзывы и рецензии на его научные работы, почетные грамоты, пригласительные билеты, записная книжка. Опись № 4 – Переписка – содержит переписку В.И.Лыткина. Письма систематизированы в хронологическом порядке. В основном, они содержат информацию о научной и литературной жизни Республики Коми, о вопросах кураторведения, подготовки научных изданий, учебников и научных кадров. Среди документов В.И. Лыткина в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН особую ценность представляют подлинники документов о его пребывании в местах заключения на Дальнем Востоке (учетный билет специалиста, книжка ударника, пропуск, удостоверение Госстраха) и личная записная книжка за два последних года жизни ученого (1980–1981) (42). В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН имеются 9 полевых дневников экспедиций Лыткина В.И. к коми-язьвинцам в 1949–1953 гг., в Свердловскую область и Коми-Пермяцкий автономный округ (рукописи, фотографии, негативы, схемы, кар-

ты), а также полевой дневник по изучению коми языка в школах в г. Сыктывкаре в 1958, 1965 гг. Обширен раздел подготовительных материалов В.И. Лыткина. К ним относятся конспекты разных работ по истории пермских народов, переводы по финно-угорскому языкознанию, тексты, словари к изучению финского языка, выписки удмуртских слов из разных словарей, начиная с 1785 г. Особый интерес представляют его рукописные записи о дискуссии по языкознанию за 1950 г., записи к этимологическому словарю (2 тетради). Черновой вариант Коми диалектологического словаря, составленный в 1928–1932 гг. коллективом авторов (Лыткин В.И., Сидоров А.С., Нечаев Г.А., Попов С.А., Шахов Н.А.) под редакцией В.И. Лыткина и А.С. Сидорова. Документы о представлении к защите диссертаций В.И.Лыткина на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук и об утверждении в ученых степенях за 1941–1947 гг. Отзыв Д.В. Бубриха о диссертации В.И.Лыткина по древне-пермяцкой письменности, справка о допущении Лыткина В.И. к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук при филологическом факультете МГУ. Сохранились документы комиссии Коми филиала АН СССР по оценке части творческого и научного наследия проф. Лыткина за 1981–1985 гг.

В.И. Лыткин был не только видным ученым, но и поэтом, одним из основоположников коми советской литературы. В.И. Лыткин плодотворно исследовал творчество и биографию И.А. Куратова, был инициатором проведения ежегодных Куратовских чтений в г. Сыктывкаре. Одним из лучших произведений коми литературы 1920-х гг. является поэма В.И. Лыткина «Мунцны», посвященная 10-летию Октябрьской революции. Большой популярностью пользуются стихи и сказки для детей. В.И. Лыткин известен переводами на коми язык произведений русских и зарубежных поэтов.

Личный фонд В.И. Лыткина в Литературно-мемориальном музее И.А. Куратова формировался со дня основания музея в 1969 г. и пополнялся в течение всего времени его существования. В настоящее время фонд насчитывает 637 экспонатов и включает вещественные, фотографические и письменные источники. В него вошли биографические, творческие, имущественно-хозяйственные и бытовые предметы, фотодокументы, коллекция книг, переписка, а также материалы юбилеев В.И. Лыткина (43, 1–68). В 1981 г. поступила часть большой библиотеки учёного, его личные вещи, семейные фотографии и рукописи (более 200 предметов). В 1996 г. писатель Г.И. Торлопов передал разные документы В.И. Лыткина о литературной, служебной и общественной деятельности учёного в 1950–1970-е годы. Кроме этого, в коллекциях архивов коми писателей И.М. Вавилина, И.В. Изъюрова, Н.П. Попова, С.Л. Попова, Я.М. Рочева, Г.А. Федорова хранятся книги В.И. Лыткина с дарственными надписями и его автографы – письма и открытки.

В опубликованных каталогах Национального музея не очень четкая классификация документов («Ответное заявление Лыткину военного прокурора», «Сообщение Лыткину помощника военного прокурора»). Имеется раздел дарственных автографов Лыткина на разных изданиях (книги, оттиски, машинопись), но текст этих

автографов не приведен. Владельческие автографы Лыткина отнесены к группе материалов о В.И. Лыткине (11 автографов). Автографы позволяют расширить круг чтения ученого и писателя. Интересным и разнообразным представляется раздел «Материалы о Лыткине», который включает справочники, статьи о Лыткине, газетные вырезки, буклеты, каталоги выставок, программы конференций, посвященных Лыткину, а также соболезнования по поводу кончины ученого. Выделен раздел фотографий, посвященных Лыткину, прежде всего групповые снимки участников научных конференций. Имеется список различных публикаций о Лыткине (21), подаренных музею.

Большую помощь в демонстрации вклада Лыткина в историю и культуру коми оказывают библиографические указатели. Одним из первых был подготовлен краеведческим отделом Коми республиканской библиотеки (44, с. 1–35).

В целом, в Республике Коми собрана богатая, но разрозненная коллекция документов о жизни и творчестве выдающегося ученого финно-угроведа В.И. Лыткина. Документы и вещественные источники имеются в разных архивах и музеях: Национальном архиве РК, Научном архиве Коми НЦ УрО РАН, литературном музее Дьяконова, Музее истории просвещения СыктГУ, научной библиотеке СыктГУ. Благодаря тому, что данные учреждения имеют опубликованные путеводители, обзоры фондов и каталоги выставок, посвященных В.И.Лыткину, можно дать достаточно полную характеристику документов финно-угроведа и попытаться выявить особенности научной обработки документального материала выдающейся личности, каким был Василий Ильич Лыткин.

Но и эта прекрасная, достаточно полная коллекция документов В.И. Лыткина может быть расширена, так как имеется неучтенный резерв: отчеты и творческие документы, отложившиеся в Институте языкознания АН СССР (с 1950 г.), Оренбургском, Рязанском и Московском областных педагогических институтах, Университете дружбы народов им. П.Лумумбы в Москве.

В существующих каталогах и путеводителях преимущественно практикуется хронологический принцип построения материала, не везде есть именные и географические указатели, нет единообразия в группировке документов, что значительно затрудняет работу исследователя. В данной ситуации дальнейшей задачей может стать подготовка сводного сборника документов о жизненном и творческом пути ученого и писателя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лыткин В.И.* В помощь учителю // Материалы научно-практической конференции по вопросам преподавания русского языка в коми школах. Институт усовершенствования учителей Коми АССР. – Сыктывкар, 1950;

2. *Лыткин В.И.* В помощь учителю русского языка и литературы // Сборник статей. Коми республиканский институт усовершенствования учителей; Коми отделение педагогического общества. – Сыктывкар, 1967.

3. *Лыткин В.И.* Вопросник для собирания сведений о коми говорах: прил. к «Сборнику комиссии по собиранию коми словаря». Вып. 2. – М., 1931.

4. *Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н.* В.И. Лыткин: жизнь и творчество. КомиНЦ УрО РАН. Серия «Люди науки». Вып. 21. – Сыктывкар, 1997.

5. *Ванеев А., Ракин А.* Лыткин Василий Ильич // Республика Коми: Энциклопедия. Т. 2. – Сыктывкар, 1999.

6. Российские исследователи коми языка : биобиблиогр. указ. / Нац. б-ка Респ. Коми / сост. Л.В.Давыдова, В.Н.Казаринова, Л.И.Латкина. – Сыктывкар, 2007.

7. *Майтинская К.Е.* Юбилей В.И. Лыткина (к 70-летию со дня рождения) // Советское финно-угроведение. 1966. №1.

8. *Майтинская К.Е.* Ученый и поэт // Красное Знамя. 1966. 10 дек.

9. *Бараксанов Г.Г., Гуляев Е.С., Туркин А.И.* Коми ученый и писатель В.И. Лыткин (Илля Вась). К 75-летию со дня рождения. – Сыктывкар, 1970;

10. *Бараксанов Г. и др.* В.И. Лыткин (К 80-летию со дня рождения) // Вопросы коми филологии. Вып. 18. Сыктывкар, 1975.

11. *Федорова Л.* О В.И. Лыткине // Красное Знамя. 1975. 26 дек.

12. *Микушев А.* Счастливый дар (К 85-летию со дня рождения В.И. Лыткина) // Красное Знамя. 1980. 25 дек.

13. *Туркин А.И.* К 85-летию со дня рождения В.И. Лыткина // Советское финно-угроведение. 1980. Т. 16. № 4.

14. *Рощевская Л.П., Чернышева В.Я.* Русские и зарубежные журналы начала XX в. о путешествиях Б. Мункачи и А.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // Венгерские ученые и пермская филология. – Устинов. 1987.

15. Центральный государственный архив Республики Коми. Путеводитель. Науч. ред. Л.П.Рощевская. – Сыктывкар. 1992.

16. Путеводитель. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. – Сыктывкар, 2001.

17. Центральный государственный архив Республики Коми. Путеводитель. – Сыктывкар. 1992.

18. Василий Ильич Лыткин. Библиографический указатель / сост. Г.Д. Осипова. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1995.

19. В.И. Лыткин и финно-угорский мир (посвящается 100-летию Илля Вася): Каталог выставки / Под ред. М.И. Бурлыкиной. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995.

20. Василий Ильич Лыткин – ученый, поэт, педагог (к 110-летию со дня рождения). Сб-к док., матер., воспом.: Каталог личного фонда. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2005.

21. Диск. Предисловие. Компакт-диск «Электронная версия книжного собрания учёного финно-угроведа В.И. Лыткина». Составители: Научный консультант, к. филол. н. Федина М.С., разработчик программного обеспечения и дизайна Кузнецов А.А., техническое сопровождение Кузьмина Т.Н. Координатор и руководитель проекта Акопова Н.Ф.

22. *Рощевская Л.П., Самарин А.В.* Книжная коллекция финно-угроведа В.А.Ляшева // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Материалы IX Международной научной конференции. – С.-Пб, 2003.

23. Труды второй научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов: Под общ. ред. А.М. Иорданского; Министерство просвещения РСФСР; Владимирский государственный педагогический институт им. П.И. Лебедева-Полянского. 1964.

24. *Шанский Н.М.* Современный русский язык. Лексика: Материалы к изучению курса и контрольная работа № 2. Пособие для студентов-заочников I курса факультета русского языка

и литературы педагог. институт. : Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР; Научно- методический кабинет по заочному обучению. – М.: Учпедгиз, 1958.

25. *Лыткин В.И.* Изучение русской фонетики в школе коми // Русский язык в школе. 1948. № 1.

26. Указания к учебному плану заочного отделения педагогического института по специальности «Русский язык и литература»: Для лиц, окончивших учительский институт: Сост. А.П. Болдырева, Р.Х. Перельмутер; Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР; Науч.-метод.каб. 1956.

27. Документы и материалы по перестройке школы. 1960;

28. О состоянии и задачах развития методики русского языка как науки: АПН РСФСР, 1956.

29. Программа курса сравнительной грамматики тюркских языков: Для филологического факультета Башкирского государственного университета: Сост. Дж.Г. Киекбаев. Отв. ред. И.П. Распопов. МВ ССО РСФСР. Башкирский государственный университет. Кафедра башкирского языкознания. 1967.

30. Современный русский литературный язык. Программы педагогических институтов: Для историко-филологических и филологических факультетов педагогических институтов: Отв. ред. И.А.Василенко. Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. 1957.

31. *Водовозов Н.В.* Древняя русская литература. Программы педагогических институтов: Ред. Л.М. Хмелецкая. Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. 1958.

32. *Абакумов С.И.* Программы и методические указания для заочников педагогических институтов. Факультет языка и литературы: Современный русский язык. (С кратким изложением некоторых разделов курса): Отв. ред. И.Г. Клабуновский. Управление подготовки учителей НКП РСФСР. Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей. 1941.

33. *Горбушина Л.А., Греков В.Ф.* Культура устной и письменной речи: Сборник упражнений для заочников педагогических училищ: Ред. В.И. Силландер. Главное управление высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей. 1950

34. *Павлович А.И.* Контрольные работы по исторической грамматике русского языка № 1–4: Для студентов-заочников III и IV курсов факультета языка и литературы педагогических институтов: Ред. В.В. Иванов. Главное Управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. Научно-методический кабинет. 1956.

35. *Василенко И.А.* Историческая грамматика русского языка: Контрольные работы для студентов-заочников: Ред. О. Г. Шихина; Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР; Научно-методический кабинет. 1953.

36. Введение в языкознание. Контрольные работы и материалы к изучению курса: Пособие для заочных отделений педагогических институтов: Главное управление подготовки учителей Министерства просвещения РСФСР. Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей. Составитель Мучник И.П. 1954.

37. *Баранникова Л.И.* Контрольные работы по диалектологии: Для студентов-заочников факультета языка и литературы педагогических институтов: Ред. Н.М. Шанский; Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР; Научно-методический кабинет. 1955.

38. *Сахаров Л.М.* Современный русский язык. Контрольные работы № 8 и 9. Синтаксис: Для студентов-заочников III курса факультета русского языка и литературы педагогических институтов: Ред. Г.Лебедева; Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР; Научно-методический кабинет. 1956.

39. *Лыткин В.И.* Краткие сведения о говорах Чкаловской области // Бюллетень диалектологического сектора Института рус. яз. АН СССР. 1946. Вып. 6.

40. *Лыткин В.И.* Краткие сведения о говорах Чкаловской области // Бюллетень диалектологического сектора Института рус. яз. АН СССР. 1949. Вып. 6.

41. *Кудрявцев А.А.* Специальный семинар по русскому языку: Для студентов-заочников факультета языка и литературы педагогических институтов: Ред. Богданова З.А.; Главное управление подготовки учителей Министерства просвещения РСФСР; Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей. 1953.

42. Личный фонд д.ф.н. В.И. Лыткина // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.21. Оп.1–4.

43. Поэт и ученый Василий Ильич Лыткин (1895–1981 гг.). Каталог личного фонда. – Национальный музей Республики Коми. – Сыктывкар, 2006.

44. В.И.Лыткин : библиографич. указатель / Сост. Е.П. Березина. – Сыктывкар, 1981.

Larisa Roshchevskaya, Natalia Mironova

REVIEW OF DOCUMENTS OF FINNO-UGRISTS V.I. LYTKIN IN ARCHIVES AND MUSEUMS OF REPUBLIC OF KOMI

The article is devoted to the review of documents on activity of well-known Finno-Ugrists V.I. Lytkin which are stored in various archives and Komi Republic museums. Various documents (manuscripts, photosources, the letters, the published literature, material sources) are stored in National archive of Komi Republic, Syktyvkar state university, in the Museum of history of education of Komi region, in archive of Komi of science centre of UrDRAS (Ural Department of Russian Academy of Science). The rich collection about a life and V.I. Lytkin's creativity is collected in Komi Republic.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Елена Ведерникова
Йошкар-Ола

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.ШКЕТАНА

Диалектизмы определяются как «характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. В потоке литературной речи они выделяются как отступления от нормы (языковой)» (1, с.331). Использование диалектизмов в художественных произведениях можно объяснить определенными стилистическими целями. Однако нередко диалектизмы можно встретить в произведениях в целях более точного выражения понятия из-за отсутствия синонимов в литературном языке. Таким образом, диалектные слова становятся общеупотребительными. Данное явление можно наблюдать на примере развития марийского литературного языка в 20–30-е годы XX века. В этот период существовала острая необходимость пополнения лексики литературного языка, и многие писатели, поэты вносили свой вклад путем словотворчества, использования заимствований, архаизмов и т.д. Использование диалектных слов было достаточно успешным способом восполнения лексической недостаточности. Однако из-за отсутствия единой литературной нормы многие литераторы в 20–30-е годы создавали свои произведения на своих диалектах. В данном отношении М.Шкетан был более дальновидным, правильно определив направление развития литературного языка. Писатель являлся представителем йошкар-олинского говора, однако признавал за основу марийского литературного языка моркинско-сернурский говор, а в свои произведения вносил слова других диалектов лишь по мере необходимости, т.е. для обозначения предметов, понятий, названий, которых не существовало в диалектной основе литературного языка. Это дало возможность диалектизмам стать общеупотребительными и способствовало сохранению своеобразия марийского литературного языка.

М.Шкетан советовал молодым писателям придерживаться данного направления. Например, в статье под названием «Кид дене возымо журнал нерген» (1923) он писал: «… у марийского народа можно развить его письменный язык. У марийцев, живущих в различных местах, в языке есть много разных слов. Если в журнал будут писать ученики из разных мест, то можно будет создать единый язык. Речь обогатится, будет больше народных выражений» (…марийын книга йылмыжымат ешараш лиеш. Тӱрлӧ верысе марийын тӱрлӧ мутшо уло. Журналыш тӱрлӧ вер гыч тунемше-влак возаш тӱнгалыт гын, ик куатле йылмым ышташ лиеш. Мут савыртышат шукемеш, оят ушна) (2).

Тем не менее существует разница в степени употребления диалектных слов в произведениях писателя в 20-х и 30-х годах. Это выражается в том, что в первой половине своей литературной деятельности М. Шкетан особенно активно использовал диалектную лексику. В некоторой степени это способствовало сближению диалектов, но в то время еще ощущался некоторый избыток диалектизмов в его языке, поэтому впоследствии произведения писателя (особенно написанные в 20-х годах) были значительно откорректированы. Язык произведений 30-х годов характеризуется меньшим содержанием диалектных слов, т.к. М. Шкетан к тому времени значительно вырос как писатель и использование диалектных слов стало более избирательным.

В писательском сленге М.Шкетана можно увидеть слова из следующих диалектов:

1) Йошкар-олинского говора: *кӱташ* 'следить' ~ лит. ончаш; *тӱкӧ* 'различный, разнообразный' ~ лит. тӱрлӧ; *югурич* 'безработный' ~ лит. пашадыме ес; *яраш* 'найти' ~ лит. муаш; *йырен налаш* 'оградить'; *кудо* 'дом' ~ лит. мӧнгӧ; *анят* 'опять' ~ лит. эшеат; *комака* 'печь' ~ лит. косга, *вӱлыкӧ* 'на что-либо' ~ лит. ӱмбаке, *мӧнгӧ* 'после чего-либо' ~ лит. почеш, *пысман* 'неглубокий' ~ лит. чыр, *рокнӧлтыш* 'груздь' ~ лит. курезе, *сонгой* 'глухой' ~ лит. сонгыра, *тапыр* 'время' ~ лит. жап', *тӱйо* 'худой' ~ лит. пытыше, *прогал* 'задний двор', *йумышташ* 'грызть' ~ лит. пураш, *таваш* 'топтать' ~ лит. тошкаш, *ӧрза* 'синий' ~ лит. канде, *савора* 'куча' ~ лит. ора, *крагат* 'бугор' ~ лит. чонга.

2) Моркинско-сернурского говора – диалектной базы литературного языка: *исак* 'немного' ~ лит. изиш; *пӧдыра* 'большой, крупный' ~ лит. кугу; *пӧрык* 'если' ~ лит. гын; *тӱвыт* 'совсем, окончательно' ~ лит. йӧршеш; *тып* 'тихо' ~ лит. шып; *упша* 'рот' ~ лит. умша, *чашкер* 'мелкий кустарник, заросли' ~ лит. вондер; *чонгата* 'возвышенность, бугор' ~ лит. кӱкшака; *ончаш* 'содержать кого-либо на своем иждивении' ~ лит. ашнаш; *сонар* 'охота'; *черле* 'страдающий какой-либо болезнью'; *мутланаш* 'беседовать с кем-либо, говорить' ~ лит. ойлаш; *шӱр* 'суп'; *ӱнар* 'сила' ~ лит. вий.

3) Восточного наречия: *мал* 'богатство' ~ лит. пого, поянлык; *казыр* 'сейчас' ~ лит. кызыт; *пастыраш* 'гнать' ~ лит. покташ; *тӧрза* 'окно' ~ лит. окна; *эплын* 'осторожно' ~ лит. шекланен; *сӧй* 'война' ~ лит. сар; *эсенлык* 'здоровье' ~ лит. тазалык, *алама* 'плохой' ~ лит. уда, *рыскал* 'счастье' ~ лит. пиал.

Одной из особенностей употребления писателем диалектизмов является использование слов из различных диалектов во избежание тавтологии, а также с определенной стилистической целью. Понятие 'бугор, возвышенность' в романе «Эренгер» писатель обозначил словами *крагат* (йошк.), *арка* (волжск.), *чонга* (морк.-серн.)*: *...Кушто лоп, кушто* ***чонга*** *вер, кушто энгер лаке – шинчалан иканаште ок кой* 'Где низина, где бугор, где речная впадина – в глаза сразу не

---

* Данные диалектизмы встречаются и в других диалектах лугового наречия, например, волжского говора.

бросается' (3, с.57). ... *Ик* ***аркам*** *волалын, весыш кӱзалын, / Йӱштӧ лай коклаш манылден, / Йӱде ок лий* 'Спускаясь с одного холма и поднимаясь на другой, нельзя не напиться, хотя ручей холодный' (3, с.57). *...Куп лонгаште верын-верын мланде коеда,* ***крагатлаште*** *кукшо, тушко шошым вӱд кӱзен ок шу* Среди болота местами виднеется земля, на буграх сухо, до них весной вода не поднимется' (3, с.57).

В настоящее время они употребляются в литературном языке, однако имеют различные оттенки значений. Следовательно, данные диалектные слова используются в различных контекстах и частота их употребления неодинакова, например, *чонга* имеет более нейтральное значение 'возвышенность, бугор', в то время как *арка* встречается преимущественно в устно-поэтической речи, а *крагат* 'бугор' сохранил диалектный оттенок и использование его специфично. В качестве другого примера можно указать диалектизмы *казыр* (вост.), *йыле* (вост., йошк.-ол.), *содор* (морк.-серн.), *вашке* (морк.-серн.), *тыманмешке* (морк.-серн.), использованные писателем для обозначения понятия 'быстрый, быстро': *Шошо* ***тыманмешке*** *толын шуо. Шошо кече мландым* ***вашке*** *топландарыш* 'Весна пришла очень быстро. Весеннее солнце быстро нагрело землю' (3, с.41); *Вешньыкым* ***содор*** *волтымо годым Сакар пелодарла* ***писын*** *ыштылын гынат, тудо раш ужын: вешньык тыртыш утларак пӱтырымӧ, ала-кӧ вӱдым утларак колтен* 'Хотя во время быстрого опускания вешняка Сакар все делал с сумасшедшей быстротой, он хорошо видел: кто-то круг вешняка раскрутил больше, чем, нужно, кто-то открыл воду' (3, с.144); – *Шамрай!* ***Йыле*** *пытарет мо? – йодеш Стапан* 'Шамрай! Скоро ли закончишь? – спрашивает Стапан' (3, с.78); *Тый, Роман, Шемагур лукыш кай веле, ме* ***казыр*** *миена* 'Ты, Роман иди в излучину Шемагура, мы скоро придем' (3, с.145). В качестве доминанта здесь выступает *вашке*, обозначающее обычный признак действия, может употребляться во всех ситуациях. Слово *содор* используется для обозначения движения, связанного с человеком, часто встречается в диалогах. Слова *казыр, йыле* со значением 'сейчас' до сих пор сохранили диалектный оттенок и нечасто встречаются в современных произведениях.

Писатель тонко чувствовал оттенок значения каждого диалектизма и использовал их избирательно, что и способствовало в дальнейшем их распространению в марийском литературном языке. Таким образом, многие диалектизмы, использованные писателем в своих произведениях, прочно вошли в разряд общеупотребительных слов. Определить их диалектное происхождение можно только с помощью специального лексического анализа.

Лексика марийского литературного языка значительно обогатилась диалектными словами в 20–30-х годах XX века, и вклад М.Шкетана неоспорим. Использование диалектизмов на основе семантического критерия позволило в дальнейшем избежать засилья лексики литературного языка и способствовало его правильному направлению развития.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. *Шкетан М.* Кид дене возымо журнал нерген // Йошкар кече. 1923. 23 март.
3. *Шкетан М.* Эрен-гер // М. Шкетан. III том. – Йошкар-Ола, 1991.

Elena Vedernikova

DIALECTICISMS IN M.SHKETAN'S WORKS

In the article the author gives the characteristic of M.Shketan's activity on use of dialect words in development of Mari literary language. She considered the question on a role of dialecticisms in works of the writer. The researcher discribes peculiarities of dialect words in M.Shketan's creativity.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

ПЕРСОНАЛИИ

Иван Тараканов
Ижевск

К 65-ЛЕТИЮ АТАМАНОВА МИХАИЛА ГАВРИЛОВИЧА

В сентябре 2010 года исполняется 65 лет одному из ведущих удмуртских лингвистов – этнологу-ономасту, диалектологу Атаманову Михаилу Гавриловичу, доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ, священнослужителю (протодьякону), переводчику на удмуртский язык Библии, богослужебной духовной литературы, члену Союза писателей РФ, автору десятков книг: монографий, сборников статей и более 200 публикаций по ономастике, этнической истории удмуртского народа, посвященных выяснению этногенеза, воршудно-родовых, племенных названий, личных имён удмуртов и региональных топонимов Приуралья.

Научный диапазон М.Г. Атаманова весьма широк – от лингвистики до этнографии, истории, фольклора, художественного творчества и перевода духовной христианской литературы. Однако основная тема его творческой деятельности – это удмуртская ономастика, выяснение воршудно-родовых, племенных названий, антропонимов, вопросов этногенеза удмуртов от языческой эпохи до современности, а также выяснение и анализ исторических пластов в географических названиях Удмуртии и удмуртских топонимов за пределами республики, где живут или в древности обитали удмурты (Кировская, Свердловская области, Пермский край, Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Чувашская Республика). М.Г. Атаманов впервые, опираясь на собранный им самим лингвистический, а также историческо-археологический материал, выделил в топонимии Удмуртии прапермские, собственно удмуртские пласты и топонимические элементы угорского, самодийского, тюркского, марийского происхождения.

Одной из значительных заслуг автора является обстоятельное изучение воршудно-родовой организации удмуртов. В результате многолетней, скрупулёзной работы по расшифровке 70 наименований воршудно-родовых групп ему удалось выяснить этимологии более половины из них (кстати, исследуя состав наименований удмуртских воршудов, он посетил более тысячи населённых пунктов). Что ка-

сается этимологии «загадочных», как считали учёные XIX–XX вв., воршудных имён, то М.Г.Атаманов считает, что в основе их лежат названия птиц (*глухарь, соловей*), насекомых (*пчела, овод*), пушных зверей (*белка, куница*), – предполагаемых тотемов рода. Есть среди них и этнонимы других финно-угров. Так, например, обско-угорские этнические группы *югра, мось, пор* участвовали в сложении удмуртских воршудно-родовых групп Эгра, Можга, Пурга; прибалтийско-финские группы, именуемые *чудь*, – в сложении удмуртских воршудно-родовых групп удмуртов *Чудья* (*Шудья*), следы которых выявлены в 76 населённых пунктах, та же этническая группа послужила основой воршудно-родовой группы *Чудна* (её следы выявлены в 14 селениях). Подробно изучив древнее и современное расселение родо-племенных и воршудных названий, а также древние названия экзо-этнонимов *одо, одо мари, ар, вотяк* (*воть, отяк*), данные соседними контактирующими народами, М.Г. Атаманову удалось, по нашему мнению, приблизительно определить этнотерриторию – границы расселения родоплеменных удмуртов в прошлом, позднее переселившихся с древних мест обитания на современную территорию Волго-Камского региона. Этнотопонимы, содержащие элемент *одо*, как назвали удмуртов марийцы, были распространены в Вятско-Ветлужском междуречье, тяготея к левобережью Ветлуги, а также несколько севернее – к Костромской и Вологодской областям. Южная граница расселения древних удмуртов выявлена М.Г. Атамановым по распространению этнотопонимов *ар*, которые полукольцом с юга окружают Удмуртию, располагаясь в низовьях р. Вятки, а также по среднему течению р. Белой и её притокам. Северо-западная граница проходит, судя по ареалу этнотопонима *вотяк*, по восточным ареалам Вологодской области, югу Республики Коми, а северная – по верховьям р. Вятки, Лузы, Ветлуги, низовьям р. Сухоны.

Большой интерес М.Г. Атаманова к истории родного народа не случаен. Через многочисленные статьи красной нитью проходят этногенетические вопросы. Им подготовлены и изданы сборники статей «Материалы по этногенезу удмуртов» (Ижевск, 1982), «Проблемы этногенеза удмуртов» (Ижевск, 1987), «Вопросы финно-угорской ономастики» (Ижевск, 1989). С этногенезом удмуртов связан научный доклад автора «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов», представленный в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук (Йошкар-Ола, 1996). На основе языкового, исторического, археологического материалов, используя данные лингвистической палеонтологии, этнотопонимики, М.Г. Атаманов очерчивает границы этнотерритории, на которой шло формирование удмуртов с древнейших времён до настоящего времени.

Кроме работ по ономастике и этногенезу удмуртов, положительные отзывы получили научные статьи по диалектологии, например, «Образцы речи сибирских удмуртов» (1982), «Бесермянский след в диалектах удмуртского языка», «Граховские говоры южноудмуртского наречия». Описание особенностей своего родного говора на разных уровнях структуры языка (фонетики, морфологии и лексики) ещё более подробно проведено в его книге «Песни, сказы ушедших эпох: Эгра кырӟа, Эгра вера» Эгра поёт, Эгра сказывает)» (Ижевск, 2005), где с использованием име-

ющейся научной литературы по лингвистике приводится богатый фольклорный и топонимический материал его родной деревни Вуж Эгра (Старая Игра) Граховского района в виде фольклорно-этнографических текстов, образцов речи, выполненных в фонетической транскрипции. Ценность рассматриваемой работы заключается ещё и в том, что в ней приводится список микротопонимов деревни и обширный словарь диалектной лексики, содержащий более 1250 слов. В качестве приложения публикуются материалы из исторических архивов, касающихся жизни староигринцев (Эграос). Таких полных документальных описаний удмуртских селений с точки зрения диалектологии, фольклора, этнографии, истории в Удмуртии ещё не было. Что ещё важно, все песенные напевы йотированы.

Ряд работ М. Г. Атаманова посвящен вопросам удмуртской этнографии. Таковыми являются «Обряды и поверия удмуртов, связанные с именами» (Устинов, 1985), «Погребальный ритуал (конец XIX – начало XX веков» (Устинов, 1985, в соавторстве), «Костюмные комплексы в связи с их этногенезом» (Ижевск, 1987, в соавторстве), «Происхождение воршуда у удмуртов» (Тарту, 1977) и др.

В начале 1990 года М.Г. Атаманов перешёл на службу в Русскую православную церковь, принял сан протодьякона и получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II для работы над переводом Библии на удмуртский язык (от 24 апреля 1991 года, № 1059). Начиная с 1991 года М.Г. Атамановым переведены, а богословским редактором М.Картано из Института перевода Библии в Хельсинки проверены его переводы. 16 библейских книг изданы большим тиражом. В издании православной литературы финны не участвуют. Он без их помощи перевёл и на местные спонсорские средства издал восемь книг: Молитвословы, Акафистник, Часослов, Каноник, Литургию и др. Им составлены две книги на евангельские темы; опубликована отдельная книга с очерками о христианах-удмуртах под названием «Кылё тодэм калыкъёс» (Ижевск, 2004). В 1994 году, побывав в святых местах Ближнего Востока, Греции, Кипра, Турции, Египта, он написал паломнический дневник и выпустил его отдельной книгой под названием «Ньыль зарезь пыр – Иерусалиме» («За четыре моря – в Иерусалим») (Ижевск, 1994). По просьбе русскоязычных читателей, дневник переведен автором на русский язык, дополнен историей перевода Библии и ответами на многочисленные животрепещущие вопросы читателей. Книга «Мой путь в Библию» увидела свет в 1999 г. (Ижевск, 1999). Вскоре она была переведена на финский язык и в конце 2003 года Институтом перевода Библии в Хельсинки напечатана двухтысячным тиражом.

М.Г. Атаманов проводит большую проповедническую работу среди удмуртского народа по внедрению христианской веры, ежемесячно публикует целую полосу церковного материала в республиканской газете «Удмурт дунне» под рубрикой «Оскон, оскиськон, яратон» «Вера, надежда, любовь». Автор не оставляет без внимания и другие СМИ республики «Герд», «Ӟечбур», «Православные вести», журналы «Кенеш», «Миссионерское обозрение» (Белгород), в которых ежегодно публикует не менее 20 статей, очерков, интервью. При этом следует особо подчеркнуть, что все они написаны безупречным литературным языком. В связи с этим

нельзя не отметить деятельность М.Г. Атаманова как члена Союза писателей РФ, создавшего и опубликовавшего под именем Эграпи Гавир Микаль удмуртский эпос «Тангыра» (Ижевск, 2008. – 320 с.), а также напечатавшего в журнале «Кенеш», начиная с 2002 года, серию статей-очерков о благочестивых христианах Удмуртии.

Вся работа автора направлена на просвещение народа и внедрение его в мировую христианскую цивилизацию. С другой стороны, это святое дело обогащает и развивает удмуртский язык, так как в процессе переводов им созданы десятки новых слов, библейских терминов, возрождены многие религиозные термины, утраченные активным словарём, введены заимствования из древнееврейского, арамейского, древнегреческого, латинского и других языков.

Многолетний и весьма плодотворный труд М.Г. Атаманова удостоен Патриаршей награды – ордена Русской православной церкви во имя Святого равноапостольного князя Владимира III степени (1994), медали святителя Иннокентия Московского «За миссионерские труды» (2004), ордена преподобного Серафима Соровского чудотворца III ст. (2005), а также государственной награды Российской Федерации – медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2000).

Несмотря на большую занятость проповедческой, миссионерской деятельностью М.Г. Атаманов находит время продолжать научно-исследовательскую работу, начатую ещё в свои студенческие, аспирантские годы и в годы работы в УдНИИ. Только с 1991 по 2010 годы им созданы и опубликованы такие фундаментальные научные работы, как «История Удмуртии в географических названиях» (Ижевск, 1997), «По следам удмуртских воршудов» (Ижевск, 2001), «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории формирования удмуртских регионов» (Ижевск, 2005), «Песни и сказы ушедших эпох» (Ижевск, 2005); многочисленные статьи, рецензии, он оппонировал 3 докторские диссертации, 5 кандидатских диссертаций. М.Г. Атаманов – бессменный активный участник двух ученых советов УдГУ по защите докторских и кандидатских диссертаций по истории, этнологии и археологии на историческом факультете и по специальностям – теория языка, языки народов Российской Федерации – на факультете удмуртской филологии. Не проходит ни одной защиты без вопросов и выступлений доктора филологических наук М.Г. Атаманова.

К своему 65-летию М.Г. Атаманов подготовил большой научный труд «Происхождение удмуртского народа» объёмом 30 печатных листов и завершил перевод всей Библии на удмуртский язык.

Учитывая его заслуги перед родным удмуртским народом, 25–27 ноября 2010 г. в Ижевске состоится Международная научная конференция «Этногенез удмуртского народа», посвященная его славному юбилею.

М.Г. Атаманов – это добросердечный, мягкий, светлый и обязательный человек, принесший славу удмуртскому народу своей научной и просветительской деятельностью, и, несомненно, он приумножит эту славу и в будущем.

Так пожелаем ему в день его славного 65-летия доброго здоровья, долгих-долгих лет жизни и благополучия. Да сохранит его Господь!

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Елена Мокшина,
Юлия Сушкова
Саранск

Н.Ф. МОКШИН – ЭТНОГРАФ, ИСТОРИК, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

(к 75-летию со дня рождения)

Николай Федорович Мокшин – личность многогранная, широко известная не только в нашей республике, но и за ее пределами. Он – историк и этнограф, педагог и общественный деятель, писатель и журналист, один из наиболее ярких деятелей науки и культуры современной Мордовии. С его именем связано формирование целого ряда новых для Мордовии направлений: этнической истории и историографии, этнической ономастики и картографии, этнического религиоведения и этномифологии, этнической культурологии и краеведения. Заметный вклад внес Н.Ф. Мокшин в вузовскую научно-педагогическую среду, впервые начав в Мордовском государственном университете преподавание таких фундаментальных научных дисциплин, как история первобытного общества и основы этнографии, оригинальных авторских спецкурсов по этнографии финно-угорских народов, этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья, этнографии мордвы, истории Мордовии. Кроме того, он снискал себе признание и известность как организатор науки, общественный деятель, талантливый журналист и писатель.

Н.Ф. Мокшин родился 22 июня 1936 г. в эрзя-мордовском селе Иванцеве Лукояновского района Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье учителя. Его отец Мокшин Федор Захарович преподавал ботанику и зоологию в Иванцевской средней школе, одновременно после окончания рабфака учился на заочном отделении естественного факультета Горьковского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны он был призван в Красную армию и погиб в 1942 г. под Ленинградом. Мать Николая Елена Артемьевна Мокшина (в девичестве Кузюткина), закончив в Нижнем Новгороде медицинское училище, работала в Иванцеве заведующей сельской больницей, затем, когда больница в годы войны закрылась, работала в колхозе. Она умерла в 1997 г. на 94-м году жизни.

Многие учителя-мужчины ушли на фронт, поэтому Иванцевская средняя школа стала семилетней, окончив которую в 1950 г. Николай Мокшин поступает в Лукояновское педагогическое училище. В 1954 г. он заканчивает его, получив диплом учителя начальной школы. Именно в педучилище он начинает увлекаться творческой деятельностью как литературной, так и журналистской, сотрудничает с редколлегией стенной газеты. Его стихи печатались в «Литературной газете», которую редактировал в ту пору директор Лукояновского педучилища, известный педагог, заслуженный учитель школы РСФСР А.А. Куманев, оказавший значительное влияние на формирование мировоззрения Н.Ф. Мокшина. Об этом человеке – организаторе народного просвещения, участнике Великой Отечественной войны, лауреате премии им. Н.К. Крупской, создателе оригинальной педагогической системы, не утратившей своей эвристической значимости поныне, которому в августе 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, рассказывает Н.Ф. Мокшин в своей книге «Учитель учителей», опубликованной в Саранске в 2010 г. в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции».

В 1954 г. Н.Ф. Мокшин поступает на первый курс исторического факультета Мордовского государственного педагогического института им. А.А. Полежаева, преобразованного в 1957 г. в Мордовский государственный университет. В 1959 г. он с отличием окончил его, получив квалификацию учителя истории, русского языка и литературы средней школы. В студенческие годы Н.Ф. Мокшин все больше увлекался творческой работой, писал статьи, стихи, печатавшиеся в газетах и журналах, которые выходили в Саранске на русском и мордовских (эрзя и мокша) языках. В период летних каникул он участвовал в работе Мордовской экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством В.Н. Белицер. Экспедиция эта была комплексной, включавшей не только этнографов, но и антропологов, лингвистов, фольклористов, историков, фотографов, художников. Антропологический отряд экспедиции возглавляла видный эстонский антрополог Карин Марк. Студент Николай Мокшин, которого она называла «своим ассистентом», в течение ряда лет помогал ей собирать и обрабатывать антропологические материалы, одновременно вел и этнографические наблюдения. В экспедиции принимали участие ученые не только из научно-исследовательских учреждений Москвы, Ленинграда, Таллинна, но и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

Помимо этнографии и антропологии, Н. Мокшин занимался в историческом кружке (руководитель М.Г. Сафаргалиев) и литературном объединении, которым руководил Л.Г. Васильев. За отличную учебу и активную общественную деятельность он был удостоен Сталинской стипендии. В течение шести лет, будучи студентом, а затем аспирантом, Н.Ф. Мокшин избирался председателем Совета студенческого научного общества (СНО) Мордовского государственного университета. Названное общество проводило ежегодные студенческие научные конференции, выпускало типографским способом сборники студенческих научных работ, в которых публиковались первые научные изыскания будущего ученого, налаживало свя-

зи с аналогичными обществами других вузов, в том числе Казанского, Тартуского, Горьковского, Петрозаводского университетов.

1959–1962 гг. – время обучения Н.Ф. Мокшина в аспирантуре. С 1962 г. по настоящее время он работает в Мордовском государственном университете, в котором вырос от студента до профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории, затем – дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. На протяжении ряда лет он в качестве декана руководил историко-географическим факультетом.

В мае 1964 г. Н.Ф. Мокшин защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы». Ему тогда было 27 лет, и он был в то время самым молодым в Советском Союзе кандидатом исторических наук по специальности «Этнография». В 1967 г. он стал доцентом на кафедре всеобщей истории (курс этнографии), а затем в течение 15 лет заведовал этой кафедрой. В 1986 г. в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Н.Ф. Мокшин защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса». 22 июня 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре дореволюционной отечественной истории, которая с приходом к руководству ею Н.Ф. Мокшина и его инициативе стала называться кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. Соответствующее решение было принято Ученым советом МГУ им. Н.П. Огарёва 29 декабря 1988 г. 13 января 1989 г. оно было утверждено приказом ректора.

Н.Ф. Мокшин – специалист широкого профиля: историк и этнограф, религиовед и ономатолог, музеевед и географ. Он опубликовал несколько книг и более 350 статей по различным проблемам истории и этнографии, религиоведения и ономастики, картографии и музееведения, исторической географии и краеведения. Его научные интересы в первую очередь охватывают вопросы истории и этнографии родного ему мордовского народа, хотя, разумеется, не только его. Это хорошо прослеживается по самим названиям его книг: «Религиозные верования мордвы», «Этническая история мордвы», «Мордовский этнос», «Тайны мордовских имен», «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников», «От Карелии до Урала», «Материальная культура мордвы», «Мифология мордвы», «Мордва и вера», «Мордва: мокша и эрзя». В этих и других работах ученый исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского народа, его общественного строя, семейного быта и духовной культуры, в том числе религии, мифологии и фольклористики. Особенно велики и неоспоримы заслуги Н.Ф. Мокшина в разработке проблем мордовской бинарности, макро- и микроконсолидационных процессов у мордвы, этноструктуры мордовского народа, как одного из архогенетических народов Восточной Европы, на различных этапах его истории, этногенетических, этнокультурных и этноконфессиональных связей мордвы, типологии мордовского этноса, мордовской историографии, в расширении и обогащении источниковой базы историко-этнографических

исследований, в сборе этнографических материалов и коллекций для организованного им и открытого 19 декабря 1979 г. в стенах Мордовского государственного университета Этнографического музея.

Исследования Н.Ф. Мокшина не остаются незамеченными. За книгу «Религиозные верования мордвы» он был удостоен диплома лауреата Республиканского смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам (1969); за монографию «Этническая история мордвы» – лауреата Огарёвской премии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (1979); за работу «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» – лауреата Государственной премии Республики Мордовия (1995). Книга Н.Ф. Мокшина «От Карелии до Урала», написанная им в соавторстве с доктором исторических наук, профессором Н.Л. Жуковской (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), была занесена по итогам конкурса «Пушкинская библиотека. Лучшие книги для российских библиотек», посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1999), в перечень лучших книг, рекомендованных для российских библиотек. Согласно условиям конкурса тиражи вошедших в этот список книг приобретались на средства фонда Сороса и бесплатно рассылались по библиотекам, участвовавшим в данном мегапроекте. За книгу «Мордва и вера» Указом Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина от 21 июня 2006 г. Н.Ф. Мокшину присуждено звание «Лауреат премии Главы Республики Мордовия».

Научные труды Н.Ф. Мокшина пользуются признанием не только в России, но и за рубежом, публикуются в ряде стран Европы и Америки. Он является автором ряда оригинальных статей о мордве, других финно-угорских народах и не только их, в энциклопедиях «Искусство стран и народов мира» (В 5-ти томах. Т. 3. М., 1971), «Народы России» (М., 1994), «Народы и религии мира» (М., 1998), «Рязанская энциклопедия» (В 3-х томах. Т. 1. Рязань, 1999), «Мордовия» (В 2-х томах. Саранск. Т. 1. – 2003, т. 2 – 2004), «Marit, Mordval-aiset ja Udmurtit» (Helsinki, 2006), «Расы и народы» (М., 2007).

В 1994 г. Президиум Российской академии наук по рекомендации Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН присудил Н.Ф. Мокшину, как выдающемуся ученому, Государственную научную стипендию (на срок с 1 января 1994 по 31 декабря 1996 г.), а Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) – грант на проведение научных исследований по этнографии мордовского народа. В 1994 г. он был избран действительным членом (академиком) Академии социальных наук РФ, в 1995 – ассоциированным членом Международного товарищества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии; в 2005 г. XII съезд Русского географического общества избрал Н.Ф. Мокшина Почетным членом Русского географического общества. 4 декабря 2008 г. правление Союза писателей России приняло его в члены Союза писателей России.

Н.Ф. Мокшин имеет правительственные награды: он удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1990), «Заслуженный деятель науки Республики Мордовия» (2001), награжден нагрудным серебряным знаком «За

отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР, удостоен почетных грамот ЦК КПСС, Русского географического общества и его Московского филиала, Государственного собрания Республики Мордовия, Государственного комитета по национальной политике при Правительстве РМ, администрации г. Саранска, Союза журналистов РМ, ректората Мордовского государственного университета и др.

Н.Ф. Мокшин ведет большую общественную работу, как председатель правления общественной организации «Краеведы Республики Мордовия», председатель Мордовского отдела Русского географического общества. На X съезде этого Общества (1995, С.-Петербург) избирался членом Ученого совета и Президиума РГО. Он является заведующим этнографической редакцией, членом главной редакционной коллегии энциклопедии «Мордовия» и редколлегии многотомной энциклопедии «Мифология уральских народов», создаваемой учеными России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Германии и других стран, ряда журналов («Этнографическое обозрение» (Москва), «Finno-Ugrica» (Казань), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Вестник Мордовского университета», «Краеведческие записки» (Саранск), членом комиссии по присуждению Государственных премий РМ по науке и технике и экспертной комиссии при Министерстве культуры РМ по особо ценным объектам культурного наследия народа, членом экспертного совета при Исполкоме Ассоциации финно-угорских народов РФ и совета Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа.

Преподавая в Мордовском университете этнографию и историю первобытного общества, руководя кафедрой всеобщей истории, а затем дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии, ежегодной полевой этнографической практикой студентов-историков, ведя спецсеминар и читая спецкурсы по этнографии финно-угорских (шире уральских) народов, руководя курсовыми и дипломными работами, аспирантами и докторантами, Н.Ф. Мокшин вносит существенный вклад не только в науку, но и в подготовку научно-педагогических кадров, популяризацию историко-этнографических знаний, имеющих принципиально важное значение в деле воспитания высокой культуры межэтнического общения, что всегда актуально. Он заслуженно снискал высокий авторитет не только как ученый, но и как педагог, журналист и писатель, культуролог, общественный деятель. За большой вклад в развитие науки и образования стал победителем конкурса «Профессор года (1998–1999)» и награжден соответствующим дипломом Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Н.Ф. Мокшин неоднократно выступал с интересными научными докладами на международных конгрессах финно-угроведов, других международных, всероссийских, региональных форумах и конференциях, был инициатором проведения совместной (Эстонского национального музея и Мордовского государственного университета) этнографической экспедиции, работавшей с 1984 по 1989 г. включительно на территории Мордовии. Благодаря этой экспедиции серьезно пополнился и обогатился этнографический фонд по мордве, хранящийся в указанном музее.

Характеристика творчества Н.Ф. Мокшина была бы неполной без анализа еще одной самобытной грани его интеллекта, а именно художественной, поэтической, писательской, органически вытекающей из всего его этнологического образа мышления, мировидения и миропонимания. Стихи Николая Федоровича, написанные на мордовском (эрзя) и русском языках, публиковались на страницах ряда печатных органов Мордовии, в том числе в поэтических сборниках «Валске» («Утро») и «Толбандят» («Костры»), выпущенных Мордовским книжным издательством соответственно в 1962 и 1996 годах. Стихам Н.Ф. Мокшина присуща яркая образность, глубокая лиричность, задушевность, национальный колорит, мелодичность. Не случайно они привлекли внимание известных композиторов Мордовии. В 2000 г. в Саранске вышел в свет сборник песен «Моронь пусмо» («Песенный букет»), написанных ими на стихи поэта. В 2008 г. Государственный комитет по национальной политике при Правительстве Республики Мордовия выпустил диск «Тиринь веле» («Родное село») Николая Мокшина с песнями на его стихи, сочиненными Г.И. Сураевым-Королевым, Г.Г. Вдовиным, Н.Н. Митиным и другими популярными композиторами республики (автор проекта Н.Н. Митин, музыкальный редактор А.Ф. Генералова). Эти песни любимы народом, они широко исполняются как профессиональными, так и самодеятельными коллективами, артистами не только Мордовии, но и других республик, краев и областей Российской Федерации, особенно тех, где проживает мордва, а также за рубежом.

За заслуги перед государством, многолетнюю и плодотворную деятельность в области культуры и искусства Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 7 июня 1996 г. Н.Ф. Мокшин был награжден орденом Дружбы. Для этнографа такая награда особенно ценна, поскольку она не только констатирует, но и символизирует суть его этнографического мировидения, его созидающее начало, направленное на гармонизацию межнациональных отношений, формирование этнической толерантности. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 14 октября 2002 г. Николай Федорович был награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения».

Н.Ф. Мокшин полон энергии и творческих замыслов. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых успехов в осуществлении своих планов на благо отечественной науки и народов России.

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Иван Иванов
Йошкар-Ола

ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ
(к 80-летию И.С. Галкина)

Иван Степанович ГАЛКИН! Кому сегодня не известно это имя у нас в республике? Да и не только! Он был выдающимся сыном своего народа, талантливым ученым, признанным лидером марийского языкознания, патриотом своей республики, прекрасным человеком и надежным другом. Научная и культурная общественность республики готовилась торжественно отметить его 80-летний юбилей. Но вот, словно удар молнии, печальное известие: перестало биться сердце Ивана Степановича. Ушел из жизни настоящий ученый, талантливый организатор науки, замечательный товарищ, не дожив до своего юбилейного дня рождения чуть больше месяца.

И.С. Галкин родился 16 сентября 1930 года в д. Рошня Ронгинского района. После окончания Ронгинской средней школы каким-то чудом попал в далекий Карело-Финский университет на отделение финского языка. Успешно окончил его в 1953 году и стал первым из марийцев дипломированным специалистом по финно-угроведению, финскому языку, которым он владел прекрасно. В университете он близко познакомился с зарубежным финно-угроведением, которое в то время в Советском Союзе почти не было известно, оно считалось буржуазным. Это, надо полагать, заинтриговало пытливого юношу и в конце концов определило его дальнейшую судьбу как исследователя-финноугроведа. После окончания университета, преодолев немалые трудности (побывав даже на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова), поступил в аспирантуру Тартуского университета. Здесь он стал аспирантом великого финно-угроведа XX века академика Пауля Аристэ. Под его влиянием начинающий исследователь вплотную стал заниматься классическим финно-угроведением, сравнительно-историческим изучением марийского языка и его родственных связей с другими финно-угорскими языками. Профессор П.Аристэ сыграл решающую роль в становлении И.С.Галкина как исследователя, в формировании его научного интереса: он окончательно определился со своим научным направлением – стал заниматься проблемами исторической морфологии марийского языка.

В 1958 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке». Свою научную карье-

ру начал в МарНИИ после возвращения в Йошкар-Олу в 1956 г. с должности младшего научного сотрудника.

Марийское языкознание в то время в республике находилось в упадке. Огромные достижения 20–30-х годов были преданы забвению. В области марийского языкознания тогда трудились лишь два кандидата наук – В.М.Васильев, основоположник марийского языкознания (кандидатскую диссертацию защитил в 1947 г.) и Н.Т. Пенгитов, кандидат наук с 1951 г. Они в какой-то мере сумели сохранить уже затухающие угольки научной мысли бурных 20–30-х годов. Благодаря этому во второй половине 50-х годов, когда после почти двадцатилетнего застоя вновь подул живительный свежий ветер, они начали снова возгораться. В марийском языкознании нарождалась новая волна подъема. В науку пришла целая плеяда молодых лингвистов, получивших блестящее филологическое образование в ведущих научных центрах Советского Союза: Москве, Ленинграде, Тарту – Л.Васикова, И.Галкин, Г.Патрушев, Л.Грузов Н.Исанбаев, Ф.Гордеев, А.Саваткова, О.Сурикова и др. Это было второе поколение марийских филологов. Молодые исследователи внесли в марийское языкознание свежее веяние, повернули его в сторону классического сравнительно-исторического финно-угроведения. Они положили первый камень в фундамент будущего здания марийского языкознания, получившего в последующие годы признание в мировой финно-угроведческой науке. Они были «марийскими младограмматиками», которые, подобно своим европейским коллегам, создали в марийском языкознании второй половины XX столетия новую научную школу. Возглавил её И.С. Галкин. И не только потому, что вскоре после защиты кандидатской диссертации в 1960 г. стал директором МарНИИ, но главным образом потому, что выделялся среди коллег своей финно-угроведческой подготовленностью, современными научными взглядами, своим отношением к науке и умением прислушиваться к чужим мнениям и считаться с ними.

И.С. Галкин был одним из тех представителей марийской интеллигенции, кому посчастливилось родиться в период бурного развития марийской науки и культуры. Его поколению достались лишь жалкие остатки той свободы мысли, которою упивался марийский народ в бурные 20–30-е годы, когда еще можно было учиться, развивать науку, печатать на родном языке, пользоваться им на равных во всех областях своей жизни. Он успел всё же чуть прихватить то время, когда марийский язык еще являлся средством получения образования – в школе марийские дети тогда учились на родном языке. Это, наверное, помогло сохранить в его сердце чувство уважительного отношения к родному языку и культуре, которое возгорелось ярким пламенем, когда он попал в финно-угорскую среду, и особенно в период обучения в аспирантуре Тартуского университета. Поэтому я осмеливаюсь утверждать, что мировоззренческие и научные взгляды И.С. Галкина формировались на фоне глубокого уважения к родному языку и культуре, в русле классического финно-угроведения, достигшего наибольших успехов в зарубежных финно-угорских странах – Финляндии, Венгрии, Эстонии.

И.С. Галкин был крупнейшим специалистом в области марийского языкознания. Он оставил глубокий след во всех областях марийской лингвистической науки. Почти в каждой из них, будь то историческая морфология, сравнительная лексикология, диалектология, топонимия или современная лексикография, являлся первопроходцем. Он был разносторонним исследователем. Но в науке все же зарекомендовал себя как историк языка. Талант историка языка обнаружился у него прежде всего в его двухтомной «Исторической грамматике» (1964, 1966) и в докторской диссертации «Историческая морфология марийского языка», защищенной в Таллинне в 1968 году. Своими последующими работами, такими как «Историческая лексикология марийского языка» (1986), «Развитие системы глагольного времени в марийском языке» (1979), «Финно-угорское и не финно-угорское в системе глагольных времен в марийском языке» (1981), «К вопросу о расселении древних мари» (1988), «Народные названия месяцев в марийском языке» (1993) и другими он подтвердил свою приверженность к историческим исследованиям. Этой до него ещё почти не тронутой области марийской языковедческой науки ученый посвятил более 50 работ. Своими историческими исследованиями он получил признание и известность в отечественном и зарубежном финно-угроведении. Зарубежным специалистам И.С. Галкин известен прежде всего как исследователь истории финно-угорских языков.

Более полутора десятка своих работ И.С. Галкин посвятил этимологическим изысканиям. Помня, что это также часть истории языка, он как ученый не мог остаться в стороне от этого интересного для любого лингвиста занятия. Свою первую статью о происхождении слов «Из истории общефинно-угорской лексики» он опубликовал еще в 1958 году. Это была первая публикация подобного рода в марийском языкознании. В период работы в МарНИИ ученый опубликовал ещё ряд статей: «*Тялем, телим* или *элем, илем*». (1978), «Этимологические заметки» (1978, 1986, 1990, 1996, 1997), «Русские фамилии марийского происхождения» (1983), «Слова, обозначающие людей мужского пола и их происхождение» (1995). Но наиболее значительным этимологическим исследованием ученого является «Историческая лексикология марийского языка» (1986), подготовленная как учебное пособие для студентов. В ней автор представил на суд читателей большое количество неизвестных доселе этимологии марийских слов. Они научно обоснованны, поэтому многие из них нашли признание в финно-угроведении, в т.ч. и зарубежном. В данной книге И.С. Галкин анализирует исторические пласты лексики марийского языка, приводит примеры слов, сохранившихся в марийском языке от уральского, финно-угорского, финно-пермского, финно-волжского праязыков, дает список тюркских (булгарских, татарских, чувашских) заимствований с их этимологическими соответствиями в этих языках. В своей работе И.С. Галкин отмечает в марийском языке и монгольские слова. На присутствие этого пласта в марийском языке он обратил внимание ещё раньше в опубликованной в сборнике «Вопросы марийской грамматики и лексикологии» статье (1980). Он находит в марийском языке более ста лексических единиц, уходящих своими корнями к монгольскому языку. О мон-

голизмах в марийском языке говорили и другие исследователи. Но И.С.Галкин здесь взглянул на них с другой стороны и пришел к выводу, что большинство из них проникли в марийский язык через тюркское посредничество. Это, безусловно, заслуживает внимания исследователей.

На втором месте в научной деятельности И.С.Галкина по своей значимости находится ономастика, в частности, один из её разделов – топонимика. В исследовании топонимов марийского края он является, безусловно, пионером. Он основал марийскую топонимическую науку. До него у нас не было серьезных исследований по топонимике края. Ему принадлежит заслуга организации сбора и изучения географических названий на территории, занятой марийцами.

В 1963 г. в газете «Марий коммуна» (от 12 сентября) он опубликовал статью «Вер-шӧр лӱм-влакым погыза», в которой обратился к населению с призывом записывать и присылать в МарНИИ названия сёл, деревень, рек, оврагов и даже их прозвища. По поводу последнего, помнится, в той же газете вскоре был опубликован весьма неудачный фельетон журналиста В.Иванова «Ялетын лӱмжым кузе мыскылат?». Однако зарождение марийской научной ономастики, наверное, нужно отнести к 1965 году, когда И.С. Галкин выступил сразу с двумя докладами на топонимическую тему: в Сыктывкаре на всесоюзной конференции по финно-угроведению «К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР» и в Йошкар-Оле на научной сессии по этногенезу марийского народа на тему «Топонимика марийского края в связи с происхождением марийского народа». Это была серьёзная заявка на зарождение марийской топонимической науки. С этого времени начинается системное изучение ономастики. В 1978 г. по его инициативе и под его научным руководством начинается собирание топонимических названий края. В МарНИИ создается картотека по марийской топонимии. Изучением ономастики начинают плодотворно заниматься молодые исследователи, которые в виде диссертационных работ выполнили ряд исследований по марийской ономастике (В.Кузнецов, А.Ефремов, В.Васильев, М.Кузнецова, О.Воронцова и др.). Накапливается богатый материал в фондах МарНИИ. Все это происходит под непосредственным научным руководством И.С. Галкина. Большая организаторская и собирательская работа привела к тому, что МарНИИ начал в 1978 г. выпуск серии «Вопросы марийской ономастики», организатором и научным редактором которой был все тот же И.С. Галкин. В этой серии было издано около 10 томов. Весьма весомый вклад внёс, конечно, сам инициатор этого дела. Всего И.С. Галкин по проблемам ономастики опубликовал около 20 серьёзных работ, среди которых четыре книги: «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал?» (1991), «Марий ономастика» (2000), «Топонимика Республики Марий Эл». В них ученый на основе научных данных объясняет происхождение множества названий местностей нашего края. Его этимологии убедительны, научно обоснованны, поэтому представляют существенный интерес как дополнительный материал для создания картины расселения марийцев на современной территории.

И.С. Галкин являлся также одним из ведущих специалистов по лексикологии. Об этом свидетельствуют его многочисленные публикации по вопросам марийской лексикологии. С точки зрения исторического развития марийской лексики и её современного состояния представляют значительный интерес его книги «Марий исторический лексикологий» (1986) и «Кызытсе марий йылме. Лексика» (2003), написанная в соавторстве с Л.И. Барцевой.

Весьма существенен вклад И.С. Галкина в марийскую лексикографию. Он был организатором подготовки и одним из авторов большого русско-марийского словаря, который был издан в Москве в 1966 г., давно ожидаемого марийскими читателями словаря толкового типа «Марий мутер» («Словарь марийского языка»), изданного в 1990–2005 годах. По его инициативе была начата работа по подготовке их к изданию. Я хорошо помню, как всё это происходило, так как мне было поручено тогда составить проспект-инструкцию, которая в 1981 году была издана нами в соавторстве. Могу сказать даже больше: идею издания словаря толкового типа подсказал я же, когда была завершена моя плановая работа по истории марийского литературного языка. И.С. Галкин заинтересовался этой идеей и начал активно внедрять её в жизнь. В первое время мы с ним по этому проекту работали вместе, и у нас были большие планы. Но в связи с моим переходом в университет он один продолжил эту кропотливую работу и весьма успешно завершил её изданием большого словаря в десяти томах. Я уверен, если бы не И.С. Галкин и его целеустремлённость, его стойкость как руководителя проекта и директора института словарь вряд ли увидел бы свет в таком виде. В процессе работы, мне кажется, он сам убедился в важности и нужности начатого дела, изменил свое отношение к проблеме обогащения лексики литературного языка на современном этапе. Это чувствовалось в личных беседах с ним по проблемам литературного языка, хотя публично он не высказывался по этому поводу и внешне был как бы нейтральным в дискуссиях по вопросам лексического обогащения словарного состава современного литературного языка. Работа над словарём заставила его по-новому взглянуть на возможности пополнения лексики марийского языка за счет собственных словообразовательных средств. Наверное, именно это обстоятельство убедило его как главного редактора словаря более терпимо относиться к включённым в него так называемым диалектизмам. Я думаю, что он как научный редактор занимал правильную позицию в отношении подобных слов, потому что диалекты для марийского литературного языка всё еще остаются важным резервом его лексического пополнения.

Заслуги И.С. Галкина очевидны и в лексикографии. Он был одним из авторов орфографических словарей 1972 и 1992 годов, большого финско-марийского словаря, изданного в Финляндии в 1995 г., русско-марийского словаря 1966 г., десятитомного словаря марийского языка. Он являлся научным редактором многих специальных словарей: «Словаря северо-западного наречия» И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова, «Словаря синонимов марийского языка» Е.Н. Мустаева, двухтомного «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева и т.д. В них И.С. Галкин показал себя как прекрасный знаток и ценитель лексического богат-

ства марийского языка, запасы которого полностью еще не выявлены, особенно диалектные. И.С. Галкин понимал это и по возможности способствовал их сохранению как бесценное лингвистическое достояние.

Как историк языка И.С. Галкин не мог пройти мимо таких важных проблем языкознания, как языковые контакты. В его научном активе имеется более десятка научных статей, посвященных этой интересной для истории теме. Вопросами языковых взаимодействий он заинтересовался в 1970 году. На международном конгрессе финно-угроведов в Таллинне он выступил с докладом «Некоторые вопросы проницаемости языков». В последующие годы на данную тему написал и опубликовал в различных изданиях ещё несколько статей. Среди них «Некоторые вопросы контактирования языков» (Петрозаводск, 1974), «О некоторых явлениях русско-марийского языкового взаимодействия» (Йошкар-Ола, 1979). Несколько статей посвятил языковым взаимодействиям финно-угорских языков (марийско-саамским, марийско-удмуртским, марийско-мордовским и т.д.).

Заметное место в научных изысканиях И.С. Галкина занимают проблемы современного литературного языка. Как лидер марийского языкознания, как директор МарНИИ и, наконец, как патриот своего языка он не мог оставаться в стороне от решения насущных проблем литературного языка. Можно сказать даже больше: именно с приходом в науку И.С. Галкина связано возникновение среди ученых-лингвистов интереса к проблемам литературного языка, обогащения его лексики, совершенствования орфографических норм и т.д. Здесь он проявил себя как ученый, хорошо представляющий языковые процессы, происходившие в советском обществе второй половины XX в., как патриот своего народа, как его сын, беспокоящийся о судьбе родного языка. Он как ученый сумел нащупать ту ниточку, которая незримо тянется от литературного языка к диалектным богатствам, найти тот камень, который можно положить в фундамент здания общенационального литературного языка. И.С. Галкин полагал, что это здание всё равно придётся соорудить, если мы хотим сохранить свой язык для будущих поколений, если мы хотим чтобы наш литературный язык действительно стал той могучей силой, которая объединяет народ, сплачивает общество и способствует его сохранению. В вопросах литературного языка И.Галкин, я думаю, придерживался верной ориентации: при решении проблем литературного языка необходимо опираться прежде всего на потенциальные возможности собственного языка, а не копировать слепо чужие образцы, как это практиковалось в марийском языкознании послереформенного (1938) периода. Это мы наблюдаем в его работах, посвященных вопросам орфографии, лексического обогащения литературного языка, совершенствования грамматических и орфоэпических норм литературного языка.

И.С. Галкин являлся инициатором и организатором трех последних усовершенствований марийской орфографии (1972, 1990 и 2003). Современная марийская орфография, вызвавшая большой резонанс у общественности, формировалась при его непосредственном участии и под его идейным влиянием.

Ещё одна проблема, волновавшая И.С. Галкина и марийскую общественность – это вопрос: сколько же всё-таки языков имеет народ, который известен в мире под названием *марийцы?* Ответ на него у И.С. Галкина был четкий и однозначный: как и положено одному народу – один. Как истинный финно-угровед он, конечно, придерживался точки зрения, принятой в финно-угроведческой науке, которая давно научно доказала, что марийский язык един, что луговая и горная разновидности – диалекты одного общего языка. Поэтому И.С. Галкин считал, что здесь нет необходимости ломать копья. Думаю, что он был прав.

Наконец, конечно же надо говорить об огромных заслугах И.С. Галкина как организатора гуманитарной науки в РМЭ. Будучи директором одного из ведущих научных учреждений республики – МарНИИ, он сумел поднять марийское языкознание до уровня международного финно-угроведения. Благодаря его усилиям была решена кадровая проблема. Под его руководством было подготовлено новое поколение специалистов-филологов, которые успешно продолжают его дело. По его инициативе была организована подготовка молодых исследователей в аспирантуре Тартуского университета. Под научным руководством знаменитого финно-угроведа профессора П.Аристэ там было подготовлено 16 кандидатов наук, четверо из них защитили докторские диссертации. Образовалась в марийском языкознании целая языковедческая школа, которую иногда называют «тартуской».

Марийское языкознание стремительно набирало темпы. МарНИИ в период директорства И.С. Галкина превратился в ведущий научно-исследовательский центр республики по гуманитарным наукам, на равных вошел в мировое финно-угорское научное сообщество. Как широко мыслящий ученый, финно-угровед с глубокими научными познаниями, как специалист, уловивший ход развития языковых процессов в современном ему обществе, хорошо представляющий наболевшие проблемы марийского общества и пути их решения, И.С. Галкин сумел направить развитие марийского языкознания в послереформенный период по правильному руслу. В этот период во многом благодаря ему марийская лингвистическая наука достигла своего расцвета, вышла на уровень европейского финно-угроведения.

В годы подъема финно-угроведческой науки в РМЭ по инициативе И.С. Галкина в Йошкар-Оле был создан специализированный Совет по защите кандидатских диссертаций, который затем был преобразован в докторский. В течение двадцати лет до последних дней своей жизни он являлся его бессменным председателем. За период существования Совета было защищено около 90 кандидатских и докторских диссертаций по уральским языкам, боле 30 из них – по марийскому языку. Совет под руководством И.С. Галкина получил признание в научном мире, у нас защищались ученые со всей России, в т.ч. из таких далеких регионов, как Томская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Коми, Карелия и, конечно, из соседних Удмуртии и Мордовии.

И.С. Галкин был умелым наставником молодых исследователей, учителем и «крёстным отцом» многих современных марийских лингвистов. Как и его учитель П.Аристэ, он постоянно проявлял заботу о молодом пополнении. Под его научным

руководством защитили кандидатские диссертации 5 человек. Тысячи его учеников трудятся в школах республики, в редакциях газет, радио и телевидения. Они несут в массы идеи своего учителя.

Работая в вузе в течение многих лет, он внес заметный вклад в подготовку учебников и учебных пособий для студентов. По его учебникам студенты приобщаются к высокой науке по финно-угроведению, по лексике марийского языка, исторической грамматике, исторической лексикологии.

И.С. Галкин активно участвовал в редактировании, рецензировании трудов своих коллег, являлся официальным оппонентом многих кандидатских и докторских диссертаций.

Иван Степанович бережно относился к молодым талантам. Всегда помогал им, поддерживал и воодушевлял, и делал это умело, тактично, не навязчиво. Поэтому начинающие исследователи видели в нём «своего Аристэ». Он ко всем относился доброжелательно, внимательно, с пониманием. Он уважительно относился к взглядам и мнениям других и никогда не считал единственно правильной только свою точку зрения.

И.С. Галкин был несомненно выдающимся ученым. Думаю, не ошибусь, если скажу, что И.С.Галкин был одним из тех истинных, прекрасно подготовленных, настоящих финно-угроведов, которых у нас в республике единицы. Он автор около 200 научных работ, среди которых 15 книг. Его труды печатались в Йошкар-Оле, Москве, Таллинне, Тарту, Ижевске, Сыктывкаре, Хельсинки, Будапеште, Турку, Мюнхене, Дебрецене. Они принесли ему, а вместе с ним и марийскому языкознанию, славу и признание в отечественном и зарубежном финно-угроведении.

Научные заслуги И.С.Галкина высоко оценены правительством и научной общественностью. Он был награжден орденом Почета, медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», почетными грамотами Президиума Верховного Совета Марийской АССР. Иван Степанович был удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки РСФСР», «Заслуженный деятель науки Марийской АССР», являлся членом Финно-угорского общества (Хельсинки), действительным членом Национальной академии Чувашской Республики, почётным профессором МарГУ.

Всё это в сочетании с его такими человеческими качествами, как порядочность, исключительная скромность, трудолюбие, щедрость души, обаятельность, снискали ему славу настоящего ученого, человека с большой буквы. Подобно своему учителю Паулю Аристэ, он был одинаково открыт и доступен всем – и студентам, и начинающим исследователям, и умудренным жизненным опытом зрелым ученым.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – 872 с.: ил.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева осуществил издание Энциклопедии Республики Марий Эл

Огромная роль, которую играют энциклопедии, представляется неоспоримой. Достаточно вспомнить, какую неоценимую помощь оказывают в повседневной работе ученым, журналистам и всем специалистам Большая советская или российская энциклопедии. Любое энциклопедическое издание – это источник большого объема ценной, достоверной информации, незаменимый и удобный для использования справочник. Энциклопедии выполняют также образовательные, культурно-просветительские функции.

В последние годы в России большое внимание уделяется изданию региональных энциклопедий. К настоящему времени энциклопедии, посвященные своим регионам, издали почти все края, области и республики. Например, составленный в 2006 г. Российской национальной библиотекой «Библиографический список универсальных региональных энциклопедий России» насчитывал 183 издания, включая электронные.

На сегодняшний день изданы универсальные энциклопедии большинства субъектов Федерации. В этой связи особую ценность для нас представляют энциклопедические издания финно-угорских республик (Карелии, Коми, Мордовии, Удмуртии), а также областей с проживанием в них этнических диаспор, относящихся к уральской языковой семье. Например, Краткая башкирская энциклопедия, многотомные, пока не завершенные полностью, издания Башкирской, Татарской, Чувашской энциклопедий и т.д. Все регионы с компактным проживанием финно-угорского населения содержат сведения о своих этнических соседях. Это, например, изданные в Екатеринбурге «Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия», Уральская историческая энциклопедия, или Большая Тюменская энциклопедия, энциклопедический справочник «Тюменская область: народы, языки, культуры», в который вошли описания 151 этноса и субэтноса, представители которых проживают или проживали на территории Тюменской области.

Вышедшее в начале 2010 года однотомное издание Энциклопедии Республики Марий Эл (872 стр.) представляет собой обобщающий труд универсального

содержания национально-регионального типа. Главная задача издания – ознакомить читателей с природой Республики Марий Эл, показать ее историю, охарактеризовать современное социально-экономическое состояние и дать наиболее полное представление о марийском этносе и его культуре. Таким образом, это научно-справочное издание представляет собой систематизированный свод знаний о Республике Марий Эл, марийском народе, его месте и роли в истории, культуре и экономике России. Это первый опыт создания энциклопедического труда в республике.

Энциклопедия Республики Марий Эл – это прежде всего гуманитарное издание. В нем главное место отведено людям, их труду и достижениям, светлым и трагическим страницам жизни. Здесь широко освещены вопросы этнополитической истории марийского народа, этнография и языкознание, обычаи и традиции, народное искусство и фольклор, просвещение и социальная защита. Значительная часть словарных статей (1217) – биографические, посвященные государственным, политическим, общественным и религиозным деятелям, военачальникам и воинам, известным ученым, деятелям культуры, образования и здравоохранения, труженикам промышленности и сельскохозяйственного производства, выдающимся спортсменам и др. – всем, кто внес большой вклад в развитие нашего края в разные годы и разные исторические периоды.

Книга состоит из двух частей. Первая часть представляет собой обзорные тематические статьи, которые знакомят читателей с обобщенными сведениями по общественному и государственному устройству, по истории, археологии и этнографии, культуре, о природе и географии, населении, экономике и народном хозяйстве, торговле, о здравоохранении и социальной защите, о важнейших направлениях науки, литературы, искусства, о философии и религии, средствах массовой информации и книгоиздательском деле, о физкультуре и спорте, туризме, о международных связях Республики Марий Эл. Вторая часть содержит 3119 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке и посвященных событиям и явлениям, отдельным понятиям, промышленным и аграрным предприятиям, учреждениям науки и культуры. Энциклопедия снабжена необходимым иллюстративным материалом (1120, в том числе 36 карт и картосхем), что, несомненно, поможет читателю более наглядно представить то или иное явление, событие.

Энциклопедия Республики Марий Эл – это своеобразная «визитная карточка» республики, важный этап в реализации приоритетного национального проекта «Образование». Главная цель ее подготовки и издания – повышение образовательного и культурного уровня населения на основе систематизации наиболее важных и значимых знаний о Марий Эл, углубление патриотической любви к родному краю, его природе и истории, к людям, чей самоотверженный труд и доблестный героизм создали авторитет и славу одному из самых динамично развивающихся, уютных и комфортных для жизни регионов Российской Федерации.

Книга предназначена не только для специалистов, она рассчитана на широкий круг читателей и призвана в значительной мере удовлетворить интерес к древней марийской земле, ее истории и культуре, к ее жителям, а также к современному состоянию республики. Содержание и оформление воплощает исторически сложившиеся государственные идеалы России и Республики Марий Эл, опирается на исторические, национальные и культурные традиции.

Энциклопедию наряду с гербом, флагом и гимном условно можно считать одним из государственных символов. Наличие собственной энциклопедии – один из важных показателей уровня культуры данного региона, барометр состояния науки.

Владимир Шаров
Йошкар-Ола

**Рец.: Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen ja modernisaatio.
Ош Юмын ӱдырышт-влак. Марий ӱдырамаш модернизаций корныштo.
Toim./ Ред. Ildiko Lehtinen. Suomalais-Ugrilainen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja 19. 2009. – 304 с.: ил.**

Рецензируемая монография представляет собой коллективное исследование различных аспектов жизни современной марийской сельской женщины. Книга опубликована на финском и марийском языках. Научный труд основан на результатах ряда экспедиций, которые проводились с 2001 по 2006 гг. в село Шоруньжа Республики Марий Эл. Монография состоит из семи разделов, введения и заключения. Каждая глава книги снабжена обширным списком цитированной литературы. В работе широко представлены рисунки, фотографии, наглядно иллюстрирующие комментарии, выводы и заключения авторов. Коллективный труд обобщает результаты совместного исследовательского проекта, в котором приняли участие преподаватели и студенты факультетов этнографии университетов городов Турку и Хельсинки. Работа над проектом субсидировалась Финно-угорским обществом, Фондом культуры Финляндии. За это время участниками проекта было сделано много записей, рисунков, фотографий, был снят видеофильм по различным аспектам проекта. По результатам экспедиции в университете Турку был выпущен журнал, на основании созданных фотографий была организована выставка, проведено три семинара в 2003, 2004, 2005 году в Хельсинском университете. В 2006 году собранные фотографии легли в основу выставок в Хельсинки и Страсбурге. Руководитель проекта Ильдико Лехтинен перечисляет первоначальные трудности работы над темой, к которым она относит способы исследования менталитета и гендерной этнической идентичности на примере жителей одного села. В работе сочетается изложение общих и частных методов изучения темы исследовательского проекта с детальным описанием всего процесса творческой деятельности коллектива, начиная с выбора и обоснования темы.

В **первом разделе** *«Рассматривая марийскую деревню ближе»* (с.10–43), автором которого является *Ильдико Лехтинен*, объясняется выбор села Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл в качестве исследовательского объекта, а также идея саморепрезентации его жителей. И.Лехтинен достаточно подробно знакомит читателей с историей села, описывает его географическое положение, рассказывает о жизни и деятельности известных шоруньжинцев. Однако основной целью многостороннего исследования является определение изменений в жизни марийской сельской женщины в результате модернизации жизни и быта в течение

прошлого столетия, которые могли повлиять на ее идентичность. Проводится и исторический анализ общества, структура которого претерпела значительные изменения в XX веке, так как одним из основных вопросов подраздела является сравнительный анализ положения марийских сельских женщин во времена царской России, при советской власти и в современной Российской Федерации. И.Лехтинен, анализируя существующую литературу по проблеме, напоминает читателям о том, что права, равные с мужчинами, женщина в России получила лишь после революции 1917 года, в 1920-е годы. В разделе показано, как равные права и обязанности, закрепленные законодательно, получали реализацию в многонациональном государстве в действительности, в зависимости от культуры народа, которая также обусловливает особенности этнической идентичности, а также гендерное распределение ролей в социуме. Идентичность марийской сельской женщины это результат сложного взаимодействия нескольких факторов. Она является членом российского общества, по половому признаку входит в группу женщин, принадлежит к финно-угорской группе народов и проживает в сельской местности. Автор рассматривает положение марийской сельской женщины в семье, селе, общественном производстве в историческом ракурсе. В этом разделе также указано, что нет серьезного научного исследования о жизни современной сельской марийской женщины.

Второй раздел монографии написан профессором Туркуского университета Хеленой Руотсала, *«Власть женщины в семье есть, но глава семьи все-таки мужчина». Место женщины в марийской деревне»* (с. 44–78). Он состоит из нескольких частей, каждая из которых описывает различные виды пространства, традиционно соотносимые с работой и положением женщины и мужчины. Вначале автор представляет свое знакомство с селом и его жителями, описывает пространство домов, в которые была приглашена, подробно анализируя части пространства, «принадлежащие» мужчине и женщине. В разделе обобщены результаты исследования пространства дома, подворья, показаны виды пространства за воротами усадьбы, за селом и его границами, а также пространство, связанное с религиозными ритуалами. Убедительно показано, что виды пространства и их гендерная соотнесенность связаны с хозяйственными функциями членов семьи в доме, т.е. «чисто мужскими» и «чисто женскими» видами работы, что определяет и их социальное положение. Но исследователь отмечает и новую тенденцию в семейной жизни села: многие матери считают, что и мальчиков надо приучать к приготовлению пищи и наведению порядка в доме. В домах, в которые была приглашена исследователь, достаточно явно выделяются виды пространства и их гендерная закрепленность, хотя и указывается, что жестких границ нет, так как территории бывают достаточно проницаемы. По ее наблюдениям, марийское пространство делится горизонтально (по гендерным отличиям и функциональным обязанностям) и вертикально (по религиозным представлениям).

Рассматривая пространство за пределами подворья, автор раздела снова акцентирует внимание на его гендерном подразделении. Вне усадьбы самым глав-

ным пространством женщины считаются колодец и родник. Вода играет определяющую роль в поддержании чистоты и порядка, за который в семейной жизни отвечают женщины.

На территории села, за воротами своего дома, пространством женщины может считаться место ее работы: ферма, буфет или столовая, швейная мастерская, магазин. Рабочее место женщины за пределами села – ферма коллективно-долевого предприятия «Передовик». Рабочее пространство мужчины за пределами села значительно больше и включает в себя машинную мастерскую, склад, сушилки, столярную мастерскую и др.

Следующей группой пространства автор называет территории за пределами села. По мнению автора, это пространство мужчины, так как именно здесь можно встретить заготовленные срубы для построек, дрова для топки печей. Недалеко от села расположены пастбища для домашних животных: пастухами обычно работают мужчины. Жители Шоруньжы не ограничивают себя пространством села: их жизнь распространяется и за его пределы: учеба, работа и поездки к родственникам в другие города и села дают новые возможности для изменения своего положения и улучшения качества жизни.

Особого внимания заслуживает и подраздел главы, посвященный роли и месту женщины в этнической религии и религиозных ритуалах. Автор отмечает наметившиеся изменения в этой области, когда женщины начинают играть более активную роль в осуществлении религиозных ритуалов. Подводя итоги исследования, Х.Руотсала указывает, что марийские женщины становятся все более заметными в жизни своего общества, так как они, как и прежде, ответственны в первую очередь за этническое воспроизводство. Они активно сохраняют и воспроизводят духовную культуру этноса, тем самым поддерживая этническую идентичность. Передавая культуру от одного поколения к другому, они защищают интересы общины, активно участвуют в политической и экономической жизни села, республики и страны. Эти сферы применения сил – новые пространства современных марийских женщин. И хотя главой семьи считается мужчина, и все важные решения принимает он, женщины, рожденные в 1960-е годы, обладают в хозяйстве и семье уже большей властью.

Исследование Ильдико Лехтинен, результаты которого представлены в **третьем и четвертом разделах** (с. 79–214), логически связанных между собой, посвящено изучению чистоты, процессу ее наведения и соблюдения как неотъемлемой части жизни женщины. Опрятность, аккуратность и чистота, будучи жизненными принципами, являются нормой жизни женщины, поэтому эти понятия необходимы для характеристики гендерной идентичности марийской женщины и ее роли в процессе модернизации быта. Автор развивает тему применительно к различным аспектам личной, семейной и общественной жизни женщины. Личная чистоплотность и аккуратность, чистота пространства общины свидетельствуют о понятиях порядка. Применяя теоретические обоснования для описания чистоты, опрятности и аккуратности, автор в третьем разделе рассматривает эти понятия на

разных уровнях на примере жителей села Шоруньжа. Анализируется личная чистота и опрятность в одежде, чистота и порядок в доме и во дворе, на улице, на территории самого села, которые достигаются ежедневной кропотливой работой по наведению порядка и поддержке чистоты. Кроме ежедневной работы регулярно проводятся генеральные уборки дома, двора, улицы, связанные с подготовкой к определенным праздникам. Автором подробно описываются все виды домашних работ по соблюдению чистоты. Рассказывается о том, что и как убирается перед праздниками, а также распределение некоторых видов работы по сезонам: что нужно делать весной, а что рекомендуется выполнять летом или осенью. Чистота всегда была неотъемлемой частью естественной природы марийской женщины, символом аккуратности и опрятности. О чистоте свидетельствует и символика белого цвета, который преобладает в национальной одежде. Соблюдению чистоты и аккуратности учатся в семье: у интервьюируемых женщин первым учителем была мать, вторым – свекровь. И. Лехтинен с большой теплотой и участием приводит рассказы информантов о себе и своих матерях, которым пришлось жить в трудные годы коллективизации, второй мировой войны и в послевоенный период, сочетая работу на производстве (колхозы, лесозаготовки, лесоразработки и пр.) с заботой о семье, в которой не было мужчин. Все помнят своих матерей как постоянно работающих.

Автор также анализирует динамику понятия «чистота», приводя параллели из жизни, относящейся к недалекому прошлому, когда партийными органами и женсоветами большое внимание уделялось соблюдению гигиены для перехода к новой жизни, исходя из концептов советской идеологии.

Поддерживание чистоты в доме и порядка во дворе подразумевало чистую одежду, обувь, а также соблюдение личной гигиены женщины, будущей мамы. В **четвертом разделе** И.Лехтинен особое внимание уделяет теме материнства и возможности сохранения здоровья будущих мам и их детей. Автор делает исторический экскурс в советские времена, рассказывает об уравнивании женщин в правах с мужчинами, начиная с 1918 года, что обернулось значительным увеличением нагрузки на женщину в Советском Союзе. И.Лехтинен пишет о том, как различные партийные и правительственные органы, общественные организации реализовывали постановления о здоровье и материнстве женщин страны, постепенно переходя к историческому анализу ситуации в селе Шоруньжа в описываемый период. Сельский медпункт был открыт в 1933 году, а в 1960-м открыли роддом, сотрудники которого играли важную роль в обучении гигиене родов, охране здоровья матери и ребенка. В книге приводится статистика родившихся детей в исследуемом селе. Информанты отмечают, что в то время матери и дети были более здоровыми, и матери, быстро восстановившись после родов, выходили на работу. В разделе описываются будни роддома, обязанности работников, которые учили женщин, ставших мамами, новым правилам гигиены. До открытия родильного дома женщины рожали в банях. В настоящее время в селе роддома нет, и будущие мамы встречают много трудностей на пути материнства: в медпункте Шоруньжи можно получить лишь консультацию, а на обследование и роды необходимо ехать в Морки, при

этом не все этапы обследования и лечения бесплатны. Для поездки в роддом надо заказывать машину, а их в этом хозяйстве мало, они не всегда доступны в необходимый момент. Помощь от мужчин, имеющих реальную власть на селе, получить очень трудно. Информантов расспрашивают и об их процессе взросления. Многие не помнят свой пубертатный период: мамы ничего не рассказывали о теле и об изменениях в организме, бабушки эти темы считали запретными. Однако понятия стыдливости и смущения также связаны с понятием чистоты. В настоящее время информацию о своем организме, сексуальной жизни можно получить из разных источников, в том числе и от работников сельского медпункта, которые проводят беседы и в средней школе. В Шоруньже женщины рожают рано – тридцатилетних нерожавших нет. Говоря об интимной гигиене, нельзя обойти тему наготы и отношения к ней. В марийской традиционной культуре обнаженным считается хождение босоногими и с непокрытой головой. Исследователь привлекает внимание читателя к подробному описанию одежды марийской женщины, в том числе и нижнего белья. Разделы три и четыре богато иллюстрированы фотографиями, рисунками, удачно дополняющими текст книги. На фотографиях представлены женщины, жители села Шоруньжа, в своих вышитых фартуках, платьях, нагрудных украшениях; на снимках внутреннего убранства дома видны вышитые белые полотенца, платки, салфетки; на некоторых фотографиях информанты демонстрируют свои свадебные костюмы, сшитые и вышитые своими руками в дни молодости, и хранящиеся в сундуках. И.Лехтинен представляет кадры с редко носимым в настоящее время женским головным убором «шымакш». Указывая на способы этнической саморепрезентации, автор проекта представляет различия между народной, национальной одеждой, подчеркивая, что именно праздничная одежда, как никакая другая, подчеркивает этническую принадлежность. Информанты исключительно бережно относятся к своей одежде. На фотографиях в книге показано, что одежда хранится в сундуках, где все разложено по порядку: белые рубахи, онучи, платки, полотенца, пояса, нижнее белье, разные ткани (из магазина и сотканные своими руками), *шымакш* вместе с украшениями. Мужские и женские вещи гардероба располагаются отдельно. Однако богато украшенная вышивкой одежда, кафтаны, украшения, *шымакш*, онучи у многих мужчин и женщин хранятся лишь в памяти и на фотографиях. Отдельный раздел главы посвящен уникальным и характерным чертам марийской вышивки. С вышивкой связано и производство национального костюма. И.Лехтинен пишет о возрождении интереса к национальной одежде, о современной попытке ее стилизации, связывая этот процесс с политическими и экономическими изменениями в стране, которые получили отражение и в жизни села Шоруньжа.

Пятая глава коллективной монографии, написанная Мари Иммонен, посвящена исследованию и описанию марийской свадьбы (с. 215–240). Этот раздел – важная часть проекта, так как свадьба – событие в жизни любого человека, имеющее особое значение и определяющее гендерную схематизацию дальнейшей жизни. Еще одной из причин выбора темы автор выделяет тот факт, что о марийской свадьбе

писали сто лет назад*, поэтому аспиранту было важно проанализировать динамику свадебного ритуала, определить сохранившиеся элементы многоэтапного действа, а также описать изменения и нововведения, появившиеся за последнее столетие. М. Иммонен трижды довелось присутствовать на свадьбах в Шоруньже, и она справедливо указывает, что марийская свадьба – многоэтапный процесс, охватывающий несколько ритуальных этапов. В подготовке к свадьбе и ее проведении задействованы родственники и соседи. Свадьба ведет не только к созданию новых социальных связей, но и укреплению старых. Из существующей литературы по исследованию патриархальной семьи известны трудности прихода невесты в дом семьи жениха, так как молодую женщину рассматривали в первую очередь как рабочую силу семьи. По мнению автора раздела, некоторые элементы старого уклада сельской жизни наблюдаются и в настоящее время.

М.Иммонен подробно описывает все этапы проведения свадьбы, акцентируя внимание читателей на поведении участников процесса во время дороги, указывая, что во время свадьбы все находятся в движении. В разделе детально рассказывается о событиях в доме невесты и жениха. Описывая свадебный стол, М.Иммонен упоминает незаменимые компоненты праздничного стола, пишет о том, что и как едят во время свадьбы будущие супруги, какой смысл имеют эти действия. Разнообразие блюд и их качество говорят о том, что хозяева уважают гостей. С угощением во время марийской свадьбы связаны традиции, которые помогают проводить праздник, придавая ему особый ритм.

Еще одной характерной чертой марийской свадьбы является дарение большого количества подарков. В разделе подробно анализируется их перечень, указывается, что больше всего подарков должна подготовить невеста. Автор пишет об изменении традиции изготовления подарков, отмечая, что среди подарков преобладают купленные вещи, а не приготовленные самой невестой или ее родней.

Иллюстрируя текст замечательными фотографиями каждого этапа, автор отмечает и некоторые изменения в проведении свадьбы: в частности, исчезает покрывание головы невесты, но, как это и было в прошлом, почетную и важную роль играют посажёная мать и посажёный отец. В разделе приводятся снимки начала XX века и можно сравнить одежду невесты того периода с современным свадебным платьем и головным убором, которые предпочитают невесты в XXI веке.

Свадьба – это начало новой жизни, и обучение новой роли начинается сразу после свадьбы. Справедливо замечено, что на селе из-за бытовых отличий по сравнению с городом, молодой невестке приходится выполнять больше различных дел

---

* В 1915 году вышла работа профессора этнографии университета Хельсинки А. Хяммалайнена о сватовстве и свадебных традициях марийцев, мордвы, удмуртов. Еще раньше, начиная с 1905 года, сельский учитель Тимофей Евсеев, впоследствии ставший зарубежным членом Финно-угорского общества, посылавший материалы, в том числе и фотографии в архив Финно-угорского общества, также писал о различных формах и этапах свадебного обряда, которые помогли автору понять связи с другими традициями. Эти работы служили своеобразным связующим «мостиком» между прошлым и настоящим.

каждый день. При появлении невесты в доме жениха даже во время свадьбы в некоторых семьях молодая женщина сразу принимается за работу по дому. Невестка должна принести воду или из родника или из колодца, поставить чай, приготовить блины, убраться в доме и затопить баню. Начинаются будни по созданию собственного дома в его многочисленных значениях.

В шестом разделе (с. 241–250), написанном Тамарой Молотовой, кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником отдела этнологии МарНИИЯЛИ, подробно описаны подготовка и проведение праздника *Семык*, который отмечали в Шоруньже в 2002 году 11 июня. Этот праздник объединяет в себе несколько особенностей: отмечающие его жители села радуются приходу лета, показывают, что они умеют ценить и ценят жизнь, проявляют уважение к памяти предков. Изначально этот день был связан с культом предков, в честь которых совершались различные обряды, связанные с почитанием и поминанием умерших. Исследователь анализирует этапы, предваряющие проведение самого праздника, указывает на его значение в календаре праздников марийской культуры.

По традиции в каждом доме во вторник (спустя семь недель после Пасхи) топят баню, приглашают помыться умерших предков. Исследователь подробно описывает, как проводится эта часть праздника. Далее автор раздела обращается к событиям июня 2002 года, когда карт К.Ф. Фёдоров начал процедуру моления с просьбы к доброму светлому богу о хорошем проведении праздника Семык. Внимание читателя привлекает и описание различных традиционных и обязательных блюд, которые присутствуют во время праздника. В главе рассказывается об этапах моления и ритуала, которые проводятся дома, на подворье, а также около священной липы недалеко от деревни Ямбатыр. Рядом с липой зажигается свеча и читается молитва. На моление в 2002 году пришло много людей, женщины были в марийской одежде. После моления все угощали друг друга принесенной едой, под звуки гармони собравшиеся пели и плясали. Затем был зажжен костер, через который надо было перепрыгнуть три раза, чтобы быть здоровым и удачливым в жизни. Праздник продолжался до позднего вечера. В Шоруньжинской округе во время Семыка рядом со старой священной липой с давних времен проводят моления. По словам жителей Шоруньжы, Семык, с одной стороны, время поминовения ушедших родственников, а с другой стороны, веселый праздник пожелания здоровья и счастья родственникам.

Со среды на четверг многие жители села не ложатся спать, так как в это время молодежь весело проводит время – может и поозорничать, что не возбраняется традицией. Автор описывает всевозможные проделки, на которые охочи сельские девушки и юноши. Поэтому хозяева тщательно охраняют свой дом. Ночью топят баню дровами из трех разных поленниц. Существует поверье, что если принесешь воду из трех колодцев, сделаешь настой из 41 травы, то, омывшись такой водой утром со среды на четверг, будешь здоров всю жизнь. Выйдя из бани с утренней зарей, жители села ложатся спать часа на четыре. Днем в четверг, взяв соответствующую случаю еду для поминовения умерших, все идут на могилы родствен-

ников на кладбище, распложенное рядом с селом. Свечи здесь не зажигают. Сейчас на могилах некрещеные марийцы (чимарий) ставят кресты, на которые вешают полотенце. Около могил оставляют лопату и шест, так как, по мнению опрошенных, шест помогает умершим стирать, а лопата – поддерживать чистоту. Всю свою родню стараются хоронить рядом. У своих покойных родственников каждая семья просит что-то свое: удачи и здоровья для тех, кто находится далеко или в дороге, а также служит в армии. После кладбища возвращаются домой. Соблюдение этапов ритуала свидетельствует о сохранении праздника.

Еще одним способом исследования репрезентации гендерной и этнической идентичности может быть изучение фотографий в альбомах. Описание содержания снимков и их качества, ценность фотографий для информантов, тематика снятых кадров, особо значимых для интервьюируемых женщин, были представлены **в седьмом разделе** монографии (с. 252–283). Исследование Теллерво Саукониеми «Рассматриваем фотоальбомы» носило этнологический характер с использованием герменевтического и культурно-аналитического подходов. Фотографии есть в каждом доме. Но до 1970 годов они рассматривались в качестве объекта исследования в основном в искусствоведении или социологии. Иногда к ним обращались и исследователи гендера. В этнологии фотографии были вспомогательным материалом, поэтому в научной литературе интерпретация фотографий не получила должного освещения, что объясняет актуальность и необходимость проведенного исследования. В разделе автор приводит результаты анализа фотографий семейных альбомов шоруньжинских женщин. Т.Саукониеми считает фотографии частью, отдельной формой визуальной культуры и повседневного быта народа. Последовательность расположения в альбоме и логическая обоснованность рассказа-комментария о снимках показывают степень значимости той или иной фотографии для рассказывающего человека. Фотоснимки также сохраняют личные ощущения от связи с родными людьми, особенно с дальними родственниками, которых нет рядом. Фотоснимки передаются из поколения в поколение как семейное духовное наследие. Как показало изучение фотоальбомов жителей села Шоруньжа, тематика снимков отражает основные события в жизни (начало учебы в школе, свадьба, служба в армии). Отмечает наличие лишь небольшого количества фотографий интервьюируемых в детском возрасте, что объясняется отсутствием материального достатка, когда на селе было мало фотоаппаратов и не развита служба быта. В разделе также прослеживается история появления любительских и профессионально выполненных фотографий в селе Шоруньжа, рассказывается, как и где фотографировались жители. С помощью фотографий организуется своеобразная периодизация жизни человека. Интерес вызывают также и места расположения фотоснимков. В домах, где была исследователь, фотографии встречаются в отдельных фотоальбомах, располагаются на стенах комнат, в виде коллажа под стеклом, при этом настенные снимки висят очень высоко. Фотографии женщин во время празднования 8 Марта как ничто лучше характеризует женскую идентичность информантов. Ее также подтверждают немногочисленные снимки, сделанные во время молодо-

сти, когда информанты, с их точки зрения, были внешне привлекательными. Цветные фотографии, фотографии свадеб стали появляться только в альбомах у молодых женщин Шоруньжы. После обсуждения снимков и анализа содержания фотоальбомов исследователь указывает на следующие аспекты гендерной идентичности, которые получили отражение в фотографиях альбомов: переход от девичества к семейной жизни (свадьба), материнство, празднование 8 Марта, как праздника женщин, мастерство и искусность хозяйки (праздничные столы, нарядные одежды). По сравнению с Финляндией, в фотоальбомах жителей Шоруньжы не встречаются снимки природы, любимых животных, предметов быта, составляющих гордость хозяев, хобби. На снимке запечатлевается лишь особое, исключительное событие. При этом ощущается влияние советской идеологии – черты отдельной личности и ее символы считались неглавными при строительстве новой общности. Этим фактом объясняется преобладание групповых снимков. Можно было бы предположить о наличии снимков во время трудовых будней, на производстве, на рабочем месте. Однако в личных альбомах жителей села таких снимков нет. В сельской библиотеке, имеющей специфические фотоархивы жизни села, фотоальбомы запечатлели черты коллективной идентичности: на снимках представлена жизнь села, работа на колхозных полях, победители соцсоревнования, праздники, начиная с 1920 года по нынешний день. Фотоальбомы оформлены руководителем сельсовета. Еще одна особенность фотоальбомов марийских женщин – наличие большого количества снимков, запечатлевших похороны и поминовение родственников, которых нет в живых. По мнению автора раздела, фотографии и сегодня представляют коллективную этническую идентичность, которая ярче всего проявляется во время молений, при осуществлении ритуальных действий. Анализ фотоальбомов показал еще одну характерную черту: в культуре повседневности явно присутствуют эстетические принципы. Понятие красоты исключает съемки злых, сердитых, плачущих, выпивших, грязных и пр. людей. На фотоснимках надо показывать только хорошие стороны жизни, ее позитивное восприятие, чтобы затем, глядя на фотографии, было приятно вспомнить моменты фотосъемки.

В завершении раздела исследователь отмечает, что оформление фото в альбомы как сохранение памяти о семье – это занятие женщин. Фотографии шоруньжинских женщин визуализируют их собственную жизнь, а также жизнь их семей на основных, наиболее значимых для информантов этапах.

Заключительная часть написана Ильдико Лехтинен и называется «*Дочери светлого бога*» (с. 284–304). Автор подводит итоги исследования способов репрезентации гендерной этнической идентичности в будни и праздники, а также при проведении ритуальных действий марийского религиозного календаря. Кратко анализируются изменения в повседневной жизни марийской сельской женщины, характеризующие ее современное положение в семье и общине. В разделе обобщаются ценности, которыми руководствуются женщины Шоруньжы и которые, в основном, сосредоточены на семье. Автор подчеркивает исключительную роль женщины в сохранении этнической идентичности и передачи ее подрастающему поколению. В

разделе исследователь делает ссылку на известную марийскую легенду о дочери Бога и ее роли в жизни марийского народа, проводя параллель с значимостью современной марийской женщины для марийскоязычного социума. В названии коллективной монографии неслучайно встречается слово *корно,* метафора жизненного пути *и* судьбы: автор проекта проводит параллель с известной книгой Ш.Осыпа «*Ӱдырамаш корно*», в которой марийский писатель проследил жизнь и судьбу сельской марийской женщины в первые годы советской власти. К событиям, описанным в романе, неоднократно обращается И.Лехтинен при анализе различных сторон жизни и положения в обществе современной женщины-мари.

Несмотря на сложный объект исследования – гендерная этническая идентичность – монография написана доступным языком. Ряд разделов книги представлен в дискуссионной манере и побуждает к дальнейшему обсуждению ее содержания. При реализации проекта, особенно при общении с информантами и использовании их воспоминаний и личных данных, были соблюдены нормы исследовательской этики, принятые для осуществления полевых экспедиций. Книга написана с ярко выраженным сочувствием и теплом, уважением и восхищением своими героинями. Работа актуальна, так как показывает динамику гендерной этнической идентичности в ее главных проявлениях, отличается новизной подходов и полученных результатов, благодаря вышеперечисленным факторам, имеет большую теоретическую значимость для культурной антропологии и финно-угроведения, представляя интерес для самой широкой аудитории читателей.

Наталья Глухова
Йошкар-Ола

Рец.: Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Коллективная монография. – Ижевск, 2009. – 244 с.: ил. + цв.вкл.

Коллективная монография «Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона» – одно из немногих изданий, которое, безусловно, привлекает внимание не только специалистов – археологов или этнографов, но и всех кто интересуется историческим прошлым Волго-Камья. Этот интерес обусловлен, прежде всего, актуальностью научной проблемы, широтой охвата фактического материала, а так же грамотным и доступным стилем изложения.

Выбор тематики данного исследования четко определен авторами. Это необходимость осмыслить сложные многоплановые процессы адаптации сообществ людей к природной среде в разные хронологические периоды (с.3). В соответствии с этим разработана структура монографии, ее смысловые блоки. Хронологический охват материала весьма широк – практически 1500-летний отрезок истории края (с. 5). Цель исследования – выявление общих тенденций и локальных особенностей формирования и развития (трансформации) культурного ландшафта Камско-Вятского края в разные исторические периоды.

Ключевым в данном случае является понятие культурного ландшафта. Во введении оно было детально объяснено, что внесло ясность в концептуальные основания данного исследования. По мнению авторов, культурный ландшафт это многоплановое понятие, где сочетаются различные исследовательские направления – культура природопользования, расселения, жизнеобеспечения и т.д., и пониматься оно может в широком и узком смысле (с. 6). Представляется, что такой подход и предложенная трактовка весьма продуктивна и даже, можно сказать, больше перспективна в комплексных междисциплинарных исследованиях, что отвечает современным научно-исследовательским методикам (1, с. 29–39).

Отметим, что одним из направлений исследования культурных ландшафтов является изучение историко-археологических или этнографо-археологических комплексов, много лет практикующееся томскими учеными под руководством Н.А. Томилова (2, с. 32–41; 3, с. 43–48) , а так же в ряде регионов России, в том числе и в Предуралье (4, с. 58–64). Было бы интересно сравнить эти методики или обозначить принципиальные позиции каждой из них, тем более, что данная тема подробно рассмотрена в специальной статье (4).

Здесь же авторы оговаривают и сопутствующие понятия, такие как округа и микрорайон. Хотя в тексте монографии эти понятия используются не часто, но важно, что авторы дали свои пояснения им. Надо сказать, что микрорегиональная тематика в последние десятилетия становится весьма актуальной. Начиная с начала

1990-х гг. и по сей день обсуждаются принципиальные подходы к выделению археологических микрорегионов или микрорайонов, а так же методика такого рода исследования в российской археологии (5, с. 95–99).

В рецензируемой монографии авторы понимают под микрорегионом локальную территорию, имеющую четкие географические границы, расширяя и дополняя это понятие анализом явлений социального порядка (с.7). Выбранный вариант соответствует поставленным задачам исследования и, безусловно, наиболее приемлем в контексте имеющегося в распоряжении авторов фактического материала. Это тем более важно, что микрорегиональные исследования являются важным методическим приемом в исследованиях многих археологов в Центральных и Северных областях Европейской России. Применяются микрорегиональные исследования и учеными Волго-Вятского края (4; 6; 7, с. 91–114).

Стоит отметить и тот факт, что аналитическая часть исследования дополняется документальными приложениями – списком памятников (с.140–156) и списком информантов (с. 221–222).

В первой главе исследуется культурный ландшафт эпохи Средневековья. Материал анализируется по категориям археологических объектов и завершается очень интересным очерком, в котором рассматривается феномен почитания археологических памятников (с. 36–38). Это, безусловно, важный исследовательский сюжет, поскольку если мы имеем представление об археологизации древних поселений, то последующий процесс их сакрализации специально не исследовался. Сам факт почитания мест древних поселений (особенно городищ) был известен достаточно давно (8, с. 5–35), а в последние десятилетия это явление исследовалось специально (9). Почитание мест древних поселений анализировалось учеными так же в связи с системой верований населения в регионе как отражение древней культурной традиции (10, с. 239–242). Тем не менее, акцентирование внимания на этом аспекте, что сделано авторами коллективной монографии, представляется очень важным.

Кроме того, здесь же подчеркнут весьма важный аспект существования археологических объектов в настоящее время. Это, с одной стороны, исчезновение (утрата) духовной (сакральной) значимости их в историко-культурной среде, и, с другой стороны, наделение их новым смыслом, связанным с современными культурными традициями (с.38). В сущности, это непосредственное отражение исторического сознания этноса в динамике, зафиксированное конкретными фактами и событиями.

Глава вторая посвящена изучению Кузебаевского микрорегиона. Основное внимание было уделено итогам археологических исследований, но, тем не менее, стоит отметить многоплановый подход к теме: изучение природно-географических факторов, микротопонимии (с. 40–54). Археологические штудии открываются раннесредневековой эпохой – IV–VII в. н.э. и посвящены мазунинским и именьковским древностям (с. 56–64–87). Материалом для анализа стали раскопки Кузебаевского I городища. Здесь научные описания весьма удачно сочетаются с живыми сюжетами из реконструкций хозяйственной жизни обитателей городища, основывающимися на научных исследованиях остеологических находок (с. 67–68). Важ-

ным представляется и заключение по особенностям материальной культуры этого памятника и функционирования его в качестве крупного ремесленного центра. Т.И. Останина, автор этого раздела, утверждает, что в городище были развиты железообработка и бронзолитейное дело (с. 70). Подтверждает это, по ее мнению, наличие производственных площадок, а так же металлургических шлаков и т.п. Верхней границей существования городища, по мнению исследователя, является третья четверть VII в.

Интересной особенностью материалов этого городища и близлежащих селищ является наличие здесь фрагментов кушнаренковской и караякуповской керамики (с.79), с которыми связываются находки деталей бронзовой гарнитуры геральдического типа (с. 80). Было отмечено, что эти находки маркируют северную границу распространения кушнаренковских древностей. Представление этого материала дается на фоне происходивших в Предуралье исторических событий (с. 81), что, несомненно, является очень важным для понимания особенностей историко-культурного ландшафта этого времени. Отметим, что данный памятник находит интересные аналогии в синхронных ему археологических объектах Казанского Поволжья, например, Тетюшского II городища, и в Предуралье – городище Уфа II в Башкирии.

Дополняют эти сведения данные о кладе ювелира VII в., найденном близ д. Кузебаево (с. 82–84). Это открытие является важным шагом в понимании многих явлений функционирования ремесленного производства и ремесленной деятельности обитателей этого микрорегиона. Кроме того, эти находки позволяют исследовать широкий спектр вопросов, связанных с культурными, торговыми связями населения региона в период Тюркских каганатов. Будем надеяться, что эти уникальные материалы в ближайшее время будут полностью введены в научный оборот.

В целом, рассмотрение и интерпретация памятников Кузебаевского микрорегиона подводит нас к весьма важным проблемам археологии середины – второй половины I тыс. н.э., связанным с формированием и развитием ряда крупнейших археологических культур региона, в частности, именьковской, в трактовке которой (в первую очередь, этнического состава оставившего ее населения) в последние годы выдвинуты новые интересные гипотезы.

В монографии детально проанализированы древности и исторические свидетельства XVI – конца XIX вв. (с. 87–107), а так же материалы, касающиеся последующего времени. Они дают возможность уточнить дату основания деревни Кузебаево (с.106), выявить связи современных населенных пунктов с археологическими памятниками, расположенными поблизости от них, проанализировать легенды и предания, относящиеся к ним (по результатам этнографических исследований). Причем здесь же приводятся данные экологического мониторинга природно-культурных объектов (священных мест) (с. 117 и сл.), что дает читателям представление об их современном состоянии.

В третьей главе рассматриваются процессы формирования историко-культурного ландшафта кукморских удмуртов, проблемы этнической истории локальных групп населения на основе различных источников, в том числе и впервые введенных в научный оборот (фольклорно-этнографических).

В Заключении подведены итоги. Важный вывод, полученный в ходе этого исследования, заключается в том, что культурные ландшафты изученных микрорегионов менялись во времени, находясь в прямой зависимости от деятельности локальных сообществ людей, а сама система расселения в них базировалась на географических особенностях местности (с. 213). Кроме того, было установлено, что одновременно с этим формировалась и система организации духовного пространства сельской округи (с. 215). Данная система существовала не менее 600 лет и начала меняться (с формированием новой картины культурного пространства) только после вхождения территории Удмуртии в состав Московского государства (с. 216–217).

Выделение и обоснование исторического виртуального пространства локальных территорий на фоне общетипологических особенностей в формировании историко-культурного пространства, в котором доминирует интеллектуальное и духовное содержание (с. 220), безусловно, значительное достижение, полученное в результате проведенного исследования. Актуальна и проблема сохранности таких ландшафтов, непосредственно связанная не только с антропогенным воздействием на окружающую среду, но и в целом с современными процессами глобализации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Калуцков В.Н.* Культурное ландшафтоведение как направление междисциплинарных исследований // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Вып. 4. – М., 2009.

2. *Томилов Н.А.* Из истории археолого-археологических сообществ (к 30-летию конференции по этнической истории тюркских народов в Омске) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2010.

3. *Томилов Н.А.* Этнография (этнология) и ее интеграция с гуманитарными науками // Интеграция археологических и этнографических исследований. Часть 1. – Казань-Омск, 2010.

4. *Шутова Н.И.* Археолого-этнографические исследования Удмуртской археологической экспедиции: итоги и перспективы // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск, 2004.

5. *Руденко К.А.* Микрорегионы и поселенческие агломерации Среднего Поволжья X–XIV вв.: проблемы выделения, структура, изучение // Археологические микрорегионы Северной Евразии: материалы научной конференции / под ред. С.С. Тихонова – Омск: изд-во «Апельсин», 2009.

6. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность: Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. – Йошкар-Ола, 2006.

7. *Руденко К.А.* Проблемы изучения булгарского села в трудах Е.П.Казакова // Казаков Евгений Петрович. Сборник материалов к 70-летию со дня рождения. – Казань: Школа, 2004.

8. *Шутова Н.И.* Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. – Ижевск, 2004.

9. Культовые памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. – Ижевск, 2004.

10. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в Удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования.– Ижевск, 2001.

Константин Руденко
Казань

ХРОНИКА

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

В августе 2005 г. в Йошкар-Оле, во время X Международного конгресса финно-угроведов, Международным комитетом конгрессов финно-угроведов (ICFUC) было принято решение о том, что очередной конгресс будет проводиться в Венгрии. Венгерский национальный комитет финно-угроведов организатором конгресса 2010 г. предложил кафедру финно-угроведения Католического университета им. Петера Пазманя. Соответственно XI Международный конгресс финно-угроведов (CIFU XI) проходил 9–14 августа 2010 г. в Пилишчаба, в прекрасном городке университета им. П.Пазманя. Комитетом во главе с профессором Шандором Чучом успешно проведена огромная подготовительная работа по организации конгресса – прием заявок на участие в конгрессе, прием тезисов докладов, рецензирование тезисов и отбор докладов, информирование авторов о результатах отбора, подготовка и издание программы конгресса, сборников пленарных докладов, тезисов секционных докладов и выступлений на симпозиумах (программами и сборниками были обеспечены все участники конгресса), подготовка экскурсий и культурной программы, приемов, решение вопросов проживания, питания и трансфера участников конгресса, сбор необходимой информации от зарубежных участников для оформления приглашений и рассылка приглашений, своевременное размещение необходимой информации на сайте конгресса и т.д.

Учитывая то, что в начале XXI века изучение языков и культур малочисленных народов стало одним из приоритетных направлений, в качестве основной темы конгресса было определено «Финно-угорские народы и языки в XXI веке». Таким образом, главным предметом обсуждения ученых стали общественное, культурное и языковое положение и перспективы уральских (финно-угорских и самодийских) народов. Однако при этом участникам была дана возможность выступать и по традиционным вопросам финно-угроведения.

Рабочую часть программы данного конгресса, как и предыдущих таких форумов, составляли пленарные доклады и доклады на заседаниях секций и симпозиумах. Организованы и проведены 3 пленарных и более 20 секционных заседаний, 30 симпозиумов. Кроме того, был представлен ряд постерных докладов по языкознанию и этнологии и фольклору.

Наиболее актуальные доклады были вынесены на пленарные заседания. Заслушано 8 пленарных докладов (три – в день открытия, два – 11 августа, три – в день закрытия) по важным проблемам различных областей финно-угроведения – языкознания, семиотики, археологии, истории и этнологии. В пленарных докладах и содокладах освещались вопросы экспрессивной лексики раннего периода финно-угорского языка, литературных языков финно-угорских народов в свете современных переводов Библии, экспериментального изучения просодии в финно-угорских языках, финно-угорских народов России в социальных трансформациях XX века (опыт и проблемы адаптации), процесса модернизации у финно-угорских народов Советского Союза (карелы), пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам), саамского диалекта уме, финно-угорской семиотики.

На конгрессе работали 4 основные секции: языкознание (параллельно шло несколько, от трех до семи, заседаний); этнография и фольклористика; литература; история, археология и антропология. Отдельные секционные заседания были посвящены проблемам религии и современным исследованиям. Работа секций по лингвистике была построена так, что на ряде заседаний рассматривались в основном вопросы какого-либо одного языка.

На симпозиумах обсуждались проблемы финно-угорского (уральского) языкознания, литературы, этнографии, религии, а именно, вопросы развития и культивации литературных языков в условиях глобализации, контактов уральских языков, типологии, типологической эволюции уральских языков в результате контактов с индоевропейскими и алтайскими языками, синтаксиса финно-угорских языков и универсальной грамматики, ареальных связей между языковыми явлениями, отрицания в финно-угорских языках, языкового планирования (для прибалтийско-финских языков), преподавания финно-угорских языков, финно-угристики в культурологии, многоязычия и мультикультурализма в финно-угорской литературе, традиционной музыки и хореографии, семиотики в финно-угристике, повседневной жизни и идентитета, мифологии уральских народов, языка и культуры вепсов в XXI веке, шаманизма и некоторые др.

В фойе одного из зданий университета была организована выставка новых книг по финно-угроведению, благодаря которой ученые могли познакомиться с последними достижениями своих коллег, а также приобрести некоторые издания.

Рабочими языками конгресса были английский, немецкий, русский, а также языки уральской группы (например, часть секционного заседания, посвященного вопросам марийского языка, с учетом аудитории была проведена на марийском языке).

Культурная программа включала в себя экскурсии и концерты. 13 августа участникам был предложен ряд экскурсионных маршрутов (по Будапешту, посещение различных городов по излучине Дуная и на озеро Балатон). Перед участниками конгресса предстали живописные пейзажи Венгрии, великолепная архитектура и примечательные места венгерской столицы и некоторых других городов. На концертах финно-угроведы имели возможность познакомиться с венгерским фольклором (танцами и песнями), классической музыкой и современным балетом.

В конгрессе приняли участие около 400 человек из 25 стран, в том числе из таких далеких, как Австралия, Япония, Америка. Самой большой была делегация из Российской Федерации (более 100 участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Салехарда и разных финно-угорских регионов, в т.ч. из Марий Эл – 16 человек). Также многочисленные делегации прибыли из Финляндии и Эстонии. На различных заседаниях было представлено более 200 интересных докладов по актуальным проблемам уралистики.

12 августа состоялось заседание Международного комитета конгрессов финно-угроведов, на котором по предложению Национального комитета финно-угроведов Финляндии вынесено решение провести очередной XII конгресс в августе 2015 г. в городе Оулу Финляндии. Председателем Комитета конгресса в Оулу избран Харри Мантила. На заседании также избраны 14 новых членов Международного комитета конгрессов финно-угроведов, в т. ч. из России И.Муллонен (Петрозаводск), О.Сергеев (Йошкар-Ола), А.Загребин (Ижевск). Комитет избрал также 5 членов и 5 заместителей исполнительного комитета, российских финно-угроведов будут представлять в нем А.Ракин (Сыктывкар) и О.Сергеев.

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2010, № 2

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ»

16 сентября 2010 г. в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева состоялась Всероссийская научная конференция «Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения», посвященная 80-летию со дня рождения всемирно известного марийского языковеда Ивана Степановича Галкина. Она была организована МарНИИЯЛИ, Марийским государственным университетом и Марийским региональным комитетом финно-угроведов. Для обсуждения был предусмотрен круг вопросов, тематически связанных с основными направлениями научно-исследовательской деятельности И.С. Галкина, а именно: вклад И.С. Галкина в финно-угроведение, проблемы описательной и исторической грамматики и лексикологии, вопросы теории и практики ономастических исследований, вопросы контактирования финно-угорских языков с другими, современные проблемы развития и функционирования финно-угорских языков.

В оргкомитет поступило 30 заявок на участие в конференции из разных городов страны (Бирска, Перми, Саранска, Сыктывкара, Ханты-Мансийска, Чебоксар). Однако по разным причинам не все заявившие смогли участвовать в работе конференции. Главная причина, к сожалению, в том, что после продолжительной тяжелой болезни 11 августа ушел из жизни сам Иван Степанович Галкин. Конференция, которую первоначально было предусмотрено провести как юбилейную в торжественной атмосфере, все же состоялась, она прошла в глубокой скорби. На конференции присутствовало около 100 человек, в т.ч. студенты Института финно-угроведения университета.

На открытии со вступительным словом выступили заместитель директора МарНИИЯЛИ Т.Б. Никитина, исполняющий обязанности директора Института финно-угроведения МарГУ Р.А. Кудрявцева и председатель Марийского регионального комитета финно-угроведов О.А. Сергеев. На пленарном и двух секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 19 докладов и сообщений по лингвистике, литературоведению, этнографии и археологии.

На пленарном заседании было представлено два доклада – профессором И.Г. Ивановым «И.С. Галкин – видный ученый и организатор науки» и Т.Б. Никитиной «Теория происхождения марийского народа в трудах И.С. Галкина, и современные археологические исследования». На секции I сделано 9 докладов главным об-

разом по актуальным проблемам марийского фольклора, литературы, а также по истории изучения отдельных вопросов марийского языка: И.С. Иванов «Жанры марийских календарно-обрядовых песен», Л.А. Абукаева «Компоненты *ал, гял* в частушках мишкинских мари», Н.Н. Глухова, В.А. Глухов «Методы исследования этнической идентичности по материалам марийского фольклора», М.Т. Ипакова «Состояние изучения соматической лексики марийского языка», Л.В. Калашникова «Психологизм в рассказах М.Илибаевой», О.А. Калинина «Народный календарь марийцев», Е.Н. Мустаев «Место портрета в художественной литературе», О.А. Сергеев «Просветитель И. Моляров как переводчик», Г.А. Эрцикова «Из истории изучения союзов марийского языка». На секции II заслушано 8 выступлений по проблемам лексикологии, топонимики, межъязыковых контактов, диалектологии, грамматики: Л.И. Барцева «Лексические особенности шоруньжинского говора лугового наречия марийского языка», Н.В. Бутылов «Мещерская топонимика на территории Центральной части России», В.И. Вершинин «О топонимах в «Энциклопедии Республики Марий Эл», М.Н. Кузнецова «О совместном падеже в марийском языке», В.Н. Максимов «Фонетические особенности мари-ернурского подговора лугового наречия марийского языка (на материале гласных фонем)», Э.В. Фомин «Финно-угорский материал в словаре асемантов чувашского языка», Э.И. Пекшеева «История изучения ихтиологической лексики в финно-угроведении», С.С. Сибатрова «Вопросы влияния русского языка на марийскую грамматику в исследованиях И.С. Галкина». Тексты докладов будут опубликованы в виде отдельного сборника.

Участники конференции отметили огромный вклад И.С. Галкина в исследование актуальных проблем не только марийской лингвистики и истории марийского народа, но и всего финно-угроведения, его большую организаторскую роль в развитии гуманитарных наук в Республике Марий Эл. В целях увековечения памяти и сохранения наследия крупнейшего российского финно-угроведа И.С. Галкина конференция приняла ряд рекомендаций, в т.ч. об издании его научного наследия, организации Галкинских чтений, установлении мемориальной доски на доме, где он проживал (или работал), присвоении школе, где учился И.С. Галкин, его имени и др.

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2010, № 2

«МАЙАТУЛ» – 2010

18–27 ноября в г. Йошкар-Оле прошел VIII Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул». В его работе приняли участие 13 творческих коллективов из республик Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа, а также театры из Норвегии, Финляндии и Эстонии. Впервые в репертуарной афише фестиваля появились спектакли Эстонского драматического театра и Творческого объединения TEINE LAINE («Вторая волна») из г. Таллинна. Первый раз в фестивале принял участие и Национальный саамский театр из г. Каутокейно, расположенного в арктической Норвегии. Радует, что от встречи к встрече растет число участников фестиваля, следовательно, фестиваль востребован, интересен и актуален.

VIII фестиваль «Майатул», работавший под девизом «Язык театра XXI века», прошел на высоком художественном уровне. Показанные спектакли были настолько интересны и разнообразны, что жюри – К.Мооринг (Хельсинки), И.Мягкова и А.Никольский (Москва), Н.Кульбаева и Г.Шкалина (Йошкар-Ола) – сочло необходимым изменить номинации призов для победителей. Было определено пять основных номинаций, победителям в которых была вручена бронзовая статуэтка девушки-птицы (скульптор С.Яндубаев).

Приза фестиваля «Майатул» была удостоена Сара-Маргарет Оскал, автор и исполнительница спектакля «Все при себе» Национального саамского театра. С.-М. Оскал, дочь потомственных оленеводов, профессиональная актриса, имеющая докторскую степень по актерскому мастерству, посвятила свою жизнь сбору саамского фольклора и поиску средств его передачи, раскрытия языком театра. В своей работе она мастерски использует йойки. *Йойк* – это сохраняющаяся из поколения в поколение личная песня человека, способ коммуникации и выражения чувств, древний язык общения саамов с живой и неживой природой. Используя специальную компьютерную программу перевода Power Point, с помощью которой монолог исполнительницы реплика за репликой титрами переводится на экране, актриса разрушает языковой барьер, устанавливает тесный контакт со зрительным залом. Три истории, рассказанные в духе древних шутовских традиций, три ярко и самобытно раскрытых образа (Девушка, Быстрый Олень и Старуха) органично сплетаются в сагу о трех возрастах женщины, о решаемых ею важнейших нравственных проблемах.

Приз фестиваля за спектакль «Когда гром грянет» и весомый вклад в развитие марийского театрального искусства был вручен режиссеру Марийского театра юного

зрителя Олегу Иркабаеву-Этайну. В спектакле по сатирической комедии Г.Гордеева был разыгран своеобразный ремейк революции, узнаваемо и ярко изображены типические персонажи и типические ситуации современности, а также и типический результат: народ никогда и ничего не выигрывает от революций. На нынешнем фестивале это был единственный спектакль национального театра по современной национальной пьесе. Жюри высоко оценило сценографию Лиона Тирацуяна, игру актеров Игоря Актуганова (Кузьма), Андрея Васильева (Когой), Евгения Ибраева (Степаныч) и др.

Лучшим спектаклем (I место) был назван спектакль Театра марионеток из Финляндии «Мальчик-лебедь. Йўксэрге». Его авторы – сценарист и режиссер Ойли Садеойа, постановщик Хеини Мааранен и исполнительницы Анне Лихавайнен, Тейна Мююринен – представили зрителям поэтичную зрелищную сказку, созданную по мотивам марийского фольклора. Универсальная марийская сказка с ее идеей единения с природой и гармонии мира преподнесла колоссальные нравственные уроки. По адресному посылу спектакль можно назвать «семейным»: маленького зрителя он готовит к вхождению в Большой Мир, а взрослым – дает благодатную пищу для размышления о нем. Работа финских кукольников устанавливает связь с культурами многих народов, кроме того, в спектакле воссозданы размер и ритм «Калевалы». Удивительная ясность и простота спектакля стала проявлением высшего мастерства его создателей.

Как лучший спектакль (II место), был отмечен спектакль Горномарийского драматического театра «Панночка», режиссер Татьяна Лядова. Театр из Козьмодемьянска выбрал чрезвычайно сложный драматургический материал: повесть Н.Гоголя «Вий» в переложении современного драматурга Н.Садур. Жюри высоко оценило оригинальность режиссерского решения, яркую театральную форму спектакля, ансамбль в игре актеров, а также мастерскую работу исполнителя роли Хомы Брута актера Александра Сильвестрова. Безусловно, в истории горномарийского театра этот спектакль стал важной творческой вехой.

III место за лучший спектакль было присуждено Театру обско-угорских народов – «Солнце». Молодой коллектив из г. Ханты-Мансийск показал на фестивале спектакль «Легенда о Душианте и Сакунтале», созданный на основе древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и бессмертного творения Калидаса «Шакунтала». Спектакль буквально завораживал своей магией, чистотой и удивительной пластикой. Жюри отметило удачный творческий союз режиссера Анны-Ксении Вишневской (г. Москва) и хореографа-постановщика Екатерины Добровской, а также яркую работу актеров Вадима Важенина (бог Индра) и Евгении Малдановой (Сакунтала).

«За лучшую актерскую работу» – этим специальным призом жюри VIII Международного фестиваля «Майатул» были отмечены три человека: актер Эстонского драматического театра Тыну Оя за блестящее исполнение моноспектакля «Петушок из букваря» (автор пьесы и режиссер Андрус Кивиряхк); актер Марийского государственного театра драмы им. М.Шкетана Сергей Данилов за создание образа Вани в комедии Владимира Гуркина «Саня, Ваня, с ними Римас» (режиссер

УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ТЕАТРОВ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ «МАЙАТУЛ»

	1997 III	2002 IV	2004 V	2006 VI	2008 VII	2010 VIII
МАРИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР ДРАМЫ ИМ. М.ШКЕТАНА	А.Пудин **«Ой, куница играет..!»** драма Реж. В.Пектеев	В.Абукаев-Эмгак **Под солнцем светлым** драма Реж. В.Домрачев	З.Долгова **Белый цвет борщевика** легенда Реж. В.Домрачев	В.Шекспир **Сон в летнюю ночь** комедия Реж. О.Иркабаев	Ф.Буляков **Святое дело** комедия Реж. А.Ямаев	В.Гуркин **Саня, Ваня, с ними Римас** грустная комедия Реж. Р. Алексеев
МАРИЙСКИЙ ТЕАТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ	Г.Гордеев **«Не преклонюсь!»** драма Реж. О.Иркабаев	М. Рыбаков **Денежный мешок** трагикомедия Реж. О.Иркабаев	Г.Гордеев **Бабье лето** драма Реж. О.Иркабаев	М.Горький **На дне** драма Реж. О. Иркабаев	З.Долгова **Печаль моя с запахом ромашки** драма Реж. О.Иркабаев	Г.Гордеев **Когда грянет гром** сатирическая комедия Реж. О.Иркабаев
ГОРНОМАРИЙСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР		М.Кудряшов **Горькая судьба** драма Реж. В.Матюкова	Л.Марье **Тайна шелкового озера** мелодрама Реж. Н.Корчаков	М.Шкетан **Две с половиной свадьбы** комедия Реж. А.Сильвестров	Ф.Буляков **Выходили бабки замуж** комедия Реж. Н.Корчаков	Н.Садур **Панночка** драма Реж. Т.Лядова, А.Сильвестров
МОРДОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР	И.Кильпинен **Белые розы на столе** драма Ю.Хвостиков	В.Мишанина **Не убий, не укради** драма Ю.Хвостиков	А.Шаронов **Тюштя** (по эпосу «Масторава») Реж. Ю.Андреев	И.Кузьмин **Крыша поехала** (по рассказам В.Шукшина) Реж. И.Кузьмин	А.Островский **Не в свои сани не садись** комедия Реж. А.Блинов (Удмур.)	А.Толстой **Алюха** комедия Реж. В. Рузанов
ДЕТСКИЙ ЦЕНТР ТЕАТРА И КИНО «КРОШКА» г. Саранск МОРДОВИЯ					Г.Чернышова, О.Гонцова **Сияжар** (по о.и. эпосу) Реж.Г.Чернышова	Г. Чернышова **Сказка о храбром Сурале и друге его Лисенке** сказка (по эпосу «Масторава») Реж. Г.Чернышова

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР ДРАМЫ им. М.ГОРЬКОГО	В.Климов **Брат и сестра** сказка Реж. С.Андреев	А.Радостев **Гузи да Мези** эксцентрическая комедия Реж. С.Мещангин
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР РЕСПУБЛИКИ КОМИ		А. и С.Горчаковы **Охотничий домик** нереальная реалия Реж. С.Горчакова
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ им. В.САВИНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ	Г.Юшков **Коми-бал** народная комедия Реж. Ю.Юшкова	А.Попов **Чудное преображение** трагикомедия Реж. Е.Монофеев
ТЕАТР КУКОЛ (г. Воркута) РЕСПУБЛИКИ КОМИ		
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ	Р.Мустонен **Где твой дом, ангел?** драма Реж. Л.Владимиров	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	Е.Загребин **Эш-Тэрэк** трагедия Реж. В.Ушаков	Т.Чернова, В.Ушаков **Айна** музыкальная драма Реж. В.Ушаков

А.Радостев **В нашей деревне** посиделки Реж. А.Попов	В.Климов **Жениться, так жениться** свадебная хроника Реж. С.Мещангин	В.Климов, С.Андреев **Сказание о Кудым-Оше** эпическая поэма Реж. С.Андреев	Н.Гоголь **Женитьба** комедия Реж. А.Потапова (Москва)
И.Торопов, С.Горчакова **«Ну-у, залетные!..»** легенда-быль Реж. С.Горчакова		Г.Горчаков **Счастье, не исчезай** драма Реж. С.Горчакова	Э.Пейннанен **Мать и сын** психологическая драма Реж. С.Горчакова
А.Попов **Мудрая Парма** драма Реж. Н.Корчаков (Чебоксары)			
	Заяц, Лиса и Петух сказка Реж. А.Афанасьев	Д.Сиротин **Земные боги** сказка Реж. А.Алманов	
Э.Лённрот **Творение мира** (по эпосу «Калевала») Реж. А.Андреев	Б.Ахлфорс, Й.Баргум **Есть ли тигры в Конго?** драма Реж. В.Михельсон	С.Кантерво **Лемби** драма Реж. С.Пронин	*Видеоверсия спектакля* ***«Бьярмия»*** *рок-опера Реж. С. Пронин*
Н.Сидоров **Как живете-можете?** драма Реж. А.Верещагин	П.Григорьев, В.Сологуб **Дочь русского актера. Беда от нежного сердца**		А. Макаёнок **Трибунал** трагикомедия Реж. В.Сафонов

				водевили Реж. А.Сергеев		
МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР «КАТАНЧИ» УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	**Жизнь-колесо** (представление по удмуртским обрядовым песням)					
ТЕАТР ОБСКО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЮГРЫ			**За солнцем идущие, за миром смотрящие** (представление по хантыйскому и мансийскому фольклору) Реж. О.Александрова			Калидаса **Легенда о Душианте и Сакунтале** (по древнеиндийскому эпосу) Реж. А.-К.Вишневская
ДЕТСКИЙ ТЕАТР ТАРТУ ЭСТОНИЯ	**Прочь, прочь, дождичек!** сказка Реж. автор и исполнит. П.Карм					
ТЕАТР г. РАКВЕРЕ ЭСТОНИЯ		**Жена оленя** легенда (по фольк. северн. и ф/у народов) Реж. А.Тюрнпу	Видеоверсии спектаклей Лемминкайнен: игра на тему «Калевалы»; Р.Рейман **Кузнец-ворожей и незнакомые** Реж. Й.Тооминг, А.Тюрнпу, Е.Клеметс			

Высшая театральная школа ЭСТОНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ			**Белые паруса и небоходы** (сны, видения, сказания, песни) Реж. А.Тюрнпу			
ЭСТОНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР г. Таллинн						А.Кивиряхк **Петушок из букваря** моноспектакль Реж. А. Кивиряхк
ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ TEINE LAINE ЭСТОНИЯ						Тоомас Винт **Жажда** драма Реж. У. Аллик
ТЕАТР ГОЛОСА ЕВЫ КАНАЛАШ ВЕНГРИЯ			**Любовная песня богини Иннин к королю Шу-су-эн** Худ. дир. Анатолий Васильев (Москва)			
ТЕАТР ПЕСНИ РЕСПУБЛИКИ ВЕНГРИЯ				**Народные песни** Исп. Ильдико Бардоси, Миклош Молнар		
ТЕАТР «ФЕНИКС» ФИНЛЯНДИЯ	Е.Линден **Прыгающая мышь** смелая история о страхе Реж. Марьяана Кастрен	*Видеоверсия спектакля* ***«Седна»*** *(по мотивам эскимосского фольклора)* *Реж. Инке Росило*				

ФИНЛЯНДИЯ			Дуэт Мари и Илари **Финские искатели приключений** театрализованное представление			
ТЕАТР МАРИОНЕТОК г. Хельсинки ФИНЛЯНДИЯ					**Офелия и театр теней** история для детей и взрослых	О.Садеойа **Мальчик-лебедь Йуксэрге** сказка по мотивам марийского фольклора Реж. О.Садеойа
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР САМИ НОРВЕГИЯ						Авт. и исполнитель С.- М. Оскал **Все при себе** комедия
Приехало театров	10	9	12	10	11	13

Роман Алексеев); актер Национального музыкально-драматического театра Республики Коми Андрей Епанишников за раскрытие образа Сына в мелодраме Эйлы Пейннанен «Мать и сын» (режиссер Светлана Горчакова).

Важным событием VIII фестиваля стало создание Ассоциации финно-угорских театров Российской Федерации. Её председателем был избран заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей РМЭ В.А. Актанаев.

В рамках фестиваля состоялась презентация интернет-сайта «Майатул» (WWW. Mayatul. ru), который призван служить расширению информационного поля и сплочению финно-угорских театров. На сайте созданы страницы, посвященные непосредственно фестивальному движению, его настоящему и истории, работе Ассоциации финно-угорских театров России, информации о текущей жизни театров и др. Впервые создана библиотека финно-угорской драматургии: на виртуальной книжной полке уже представлены – в подстрочном переводе на русский язык – пьесы Сеппо Кантерво (Карелия), Алексея Попова (Коми), Василия Регеж-Горохова (Марий Эл) и других авторов.

Изначально фестиваль задумывался как переходящий. Впервые он прошел в столице Удмуртии г. Ижевске (1992), затем его принимал финский город Нурмес (1994), в 1997–2010 годах фестивальные встречи «Майатул» проходили в Йошкар-Оле. На нынешнем форуме было принято решение вновь сделать фестиваль переходящим. В 2012 году его будет принимать город Саранск. Во главу угла этого фестиваля будет поставлена национальная драматургия. Десятый юбилейный фестиваль пройдет в 2014 году в городе Ижевске.

Наталия Кульбаева
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2010, № 2

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2010 ГОД

Общество «Финляндия-Россия» совместно с межрегиональными общественными движениями «Коми Войтыр» и «Удмурт Кенеш» при поддержке Фонда культуры Финляндии и Международного консультативного комитета финно-угорских народов продолжают реализацию Финляндско-Российского проекта «Обучение представителей финно-угорских организаций Российской Федерации». В 2010 году три обучающих семинара: Первый обучающий семинар 3–13 марта в Йошкар-Оле, Республика Марий Эл, второй обучающий семинар 2–13 июня в Петрозаводске, Республика Карелия, третий обучающий семинар в сентябре 2010 года в Финляндии.

Январь г. Хельсинки	20 лет Общество М.А.Кастрена ведет свою работу по развитию сотрудничества с финно-угорскими народами России, оказывает поддержку в развитии культуры этих народов
13–18 января г.Таллинн-Тарту	Дни удмуртской культуры в Эстонии
2–7 февраля г. Саранск	Лагерь актива финно-угорской молодежи «Созидание – 2010». Цель проведения лагеря – создание условий для образования, взаимодействия творческой молодежи, решение совместных задач в области инновационного бизнеса и социального проектирования. Около 200 участников представляли студенческие и молодежные организации Мордовии, Удмуртии, Карелии, Коми, а также Пензенской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской, Московской областей
19 февраля г. Петрозаводск	Межрегиональная выставка «Мы есть и будем». На выставке 30 фотопортретов представлено авторами из Карелии, Коми, Коми-Пермяцкого округа, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Мурманской области, г. Санкт-Петербурга
25–26 февраля г. Ижевск	Встреча представителей Ассоциации финно-угорских университетов.Обсуждался вопрос: «Взаимодействие университетов с органами власти регионов». В работу ассоциации включились Мордовский и Петрозаводский университеты

5 марта г. Саранск	Заседание Президиума Ассоциации финно-угорских народов
18 марта г. Саранск	II Межрегиональный фестиваль семейных творческих коллективов финно-угорских народов. Открытие выставки «Финно-угорский триптих»
Март г. Москва	Телемост «Москва-Хельсинки» по проблемам финно-угорских народов в российских регионах, в котором приняли участие главные редакторы ведущих газет Финляндии, Мордовии, Марий Эл, Коми, Удмуртии
8–10 апреля Республика Коми	Дни культур финно-угорских и самодийских народов
13 апреля г. Санкт-Петербург	В Доме правительства Ленинградской области Международный консультативный комитет финно-угорских народов провел очередное заседание. В ходе мероприятия обсуждался порядок проведения конференции, посвященной актуальным проблемам финно-угорских народов, которая будет проходить в ноябре 2010 года в Саранске. В рамках этой конференции будут работать секции по демографии, здравоохранению, молодежной политике, культуре и СМИ. Также будут рассматриваться предложения по организации всемирного конгресса финно-угорских народов, который будет проходить в Венгрии в 2012 году
19–30 апреля г. Нью-Йорк	В штаб-квартире ООН прошло заседание IX сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. Основная тема форума «Коренные народы: Развитие и сохранение культуры и самобытности». На форуме активно работала молодежная фракция, которая преобразовалась в Международный комитет молодёжи коренных народов. В состав комитета вошел А. Цыкарев, представитель Карелии – президент Молодежной ассоциации финно-угорских народов. Целью комитета будет объединение усилий молодежи по отстаиванию прав коренных народов, совместное участие в работе экспертных механизмов и Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов, а также обеспечение доступа молодежи коренных народов к инструментам системы ООН
26–27 апреля г. Йошкар-Ола	Заседание Совета общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов России»
13 мая г. Таллинн	Совет Программы родственных народов Эстонии объявляет конкурс на соискание премии «Древо мира». Премия «Древо мира» объявлена в день весеннего праздника води – «maaentšäüz», бу-

	дет вручена представителю коренного финно-угорского народа или человеку, деятельность которого снискала благодарность на местном уровне, тесно и результативно связана с культурным самоопределением и сохранением родственного народа
14–16 мая г. Кудымкар Пермский край	XXVI Международная научная конференция студентов финно-угроведов IFUSCO. В конференции приняло участие более 180 студентов из финно-угорских регионов России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Германии и Польши
14–16 мая г. Саранск	Межрегиональный фестиваль «Кштима». Танцевальное мастерство продемонстрировали около 200 исполнителей из Башкирии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Кировской, Самарской областей и Ханты-Мансийского автономного округа
14 мая г. Ижевск	Детский финно-угорский фестиваль-выставка традиционных ремесел и декоративно-прикладного творчества «Ки не уж»
17–20 мая г. Петрозаводск	Молодежная организация «Nuori Karjala» («Молодая Карелия»), общество «Финляндия-Россия» и Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) объявила о старте Межрегионального творческого проекта «Мастерская будущего финно-угорской молодежи», который призван объединить средствами культуры творческую молодежь финно-угорских народов Северо-Запада России. Темой первого года обучения стало «Музыкальные инструменты финно-угорских народов Северо-Запада России: традиции и современность». В проекте приняли участие 40 человек из Коми, Карелии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого автономного округа, Тверской, Ленинградской, Вологодской областей, г. Санкт-Петербурга
24–27 мая г. Петрозаводск	Международный информационный обучающий семинар по «языковым гнездам». Участниками семинара были заведующие, воспитатели дошкольных учреждений образования, методисты, ученые, представители органов исполнительной и муниципальной власти, общественных организации из республик Коми, Удмуртия, Марий Эл, Карелия, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Пермского края, Мурманской и Тверской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа, Финляндии – всего около 50 человек
26–27 мая г. Сыктывкар	III Межрегиональная конференция «Функционирование финно-угорских языков в сети Интернет». На базе Финно-угорского культурного центра России собралось около 30 участников из Коми, Марий Эл, Пермского края, Москвы и города Тромсо (Норвегия).

	На форуме ученые, активисты финно-угорского движения, разработчики компьютерных программ представили результаты своих наработок в заявленной области, а также обсудили опыт использования финно-угорских языков во Всемирной сети. Первая конференция состоялась в 2001 году в Сыктывкаре, вторая – в Йошкар-Оле. Организаторами выступили Министерство национальной политики Коми и филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации»
31 мая – 2 июня г. Ижевск	Совместный визит послов Финляндии, Эстонии и Венгрии в Удмуртию, а также делегации Культурного, научного и информационного Центра Венгерской Республики. Послы Финляндии – Матти Анттонен, Венгрии — Дьёрдь Гилиан, Эстонии – Симму Тийк встретились с руководством республики и ее столицы – Ижевска
1–11 июня г. Петрозаводск	Второй семинар Финляндско-Российского проекта по обучению представителей финно-угорских организаций Российской Федерации
3–5 июня г. Петрозаводск	I Международный молодежный фестиваль искусств «Вместе-Together» с участием музыкантов, танцоров и художников Карелии и Финляндии
13–19 июня г. Самара	VIII Международная этнокультурная экспедиция «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов». Третий семинар финно-угорских фотожурналистов из Мордовии, Коми, Карелии, Удмуртии, Ханты-Мансийска
18 июня г. Ижевск	Заседание Президиума Совета общественного движения «АФУН». Тема: «Взаимодействие общественных организаций с органами государственной власти по сохранению и развитию культур, языков, традиций финно-угорских народов»
23–27 июня г. Ханты-Мансийск	Международный фестиваль ремесел финно-угорских народов «Югра–2010», посвященный 80-летию региона. В рамках фестиваля состоялись семинары, мастер-классы, выступления творческих коллективов
24–26 июня г. Ижевск	Международная конференция «Финно-угорский мир в условиях глобализации: актуальные проблемы развития». Организована Уральским отделением РАН
Июнь г. Йошкар-Ола	В свободном доступе размещен лист рассылки «Цифровое обеспечение финно-угорских языков» https//list/linu_ink.ru/mailman/listinfo/muter

29 июня г. Петрозаводск – г. Пряжинск, Карелия	Заседание правления МАФУН. Приняли участие члены правления и наблюдатели из республик Карелия, Коми, Мордовия, Марий Эл, Ямало-Ненецкого автономного округа, Пермского края, Тверской области и г. Москвы. Состоялась встреча с председателем В.Марковым и членами Международного консультативного комитета финно-угорских народов
3–4 июля г. Ханты-Мансийск–Сургут	Двухдневный велосипедный марафон, который проводится в рамках всероссийского проекта «Здоровая Югра – здоровая Россия», посвященный 80-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Общая протяженность маршрута – 300 км. Приняли участие более 40 человек. Молодые участники представляют разные города Югры, а также Екатеринбурга, Челябинска. Это начало следующего этапа – многодневного супервеломарафона Ханты-Мансийск (Россия) – Прага (Чехия). Организаторы: общественная молодежная палата Югры, МАФУН, окружная телерадиокомпания «Югра», учредители веломотоклуба «Югра»
5–23 июля г. Саранск	Международные курсы финского языка и культуры. Слушатели: 25 студентов из Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Коми-Пермяцкого автономных округов
5–25 июля г. Йошкар-Ола	Курсы марийского языка организованы на базе Марийского государственного университета. Слушателями были представители Польши, Нидерландов, Франции, Великобритании, Люксембурга
8–17 июля Коми-Пермяцкий округ Пермского края	I Международный летний творческий лагерь финно-угорской молодежи «FUгорт» («Дом будущего»). Проведены: обучающие семинары по проектной деятельности (разработка и реализация социально-культурных мини-проектов); мастер-классы по народно-прикладному творчеству финно-угорских народов (приобретение практических навыков); коммуникативные тренинги (раскрытие лидерских и креативных способностей участников лагеря); создание на территории лагеря арт-объектов с этнокультурной составляющей. Организаторы – Министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Автономная некоммерческая организация Академия развития творчества «Доживем до понедельника»
18–25 июля г. Сыктывкар	Лагерь-семинар для молодых финно-угорских семей «Зарни Шыдос» («Золотые зерна»). Организатор – МАФУН

18–21 июля Уезды Южной Эстонии	«Дни удмуртской культуры в Сетумаа». В программе – мини-фестиваль духовной музыки, концерты, мастер-классы по традиционной удмуртской кухне, круглый стол по реализации совместного финно-угорского проекта «Роль общин в реализации Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» в 2010–2011 гг.
29 июля – 1 августа Пермский край	V Международный этнофутуристический фестиваль KAMWA. В рамках форума ENHNOFUTURE прошли деловые встречи, презентации, обмен научными и практическими знаниями
1–15 августа Коми-Пермяцкий округ	Международная летняя языковая школа финно-угорской молодежи. Две недели молодые люди из Финляндии, Венгрии, Удмуртии, Республики Марий Эл, Коми и Пермского края изучали коми-пермяцкий язык и знакомились с культурой народа. Организатор школы – Пермская региональная общественная организация «Роза ветров» при поддержке администрации губернатора Пермского края, Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края и АНО «Институт гражданской активности»
9–14 августа г. Пилишчаба, Венгрия	XI Международный конгресс финно-угроведов. Конгресс проходил под знаком 50-летия первого в истории форума ученых – исследователей языков и культур уральских народов мира. Основная тема: общественное, культурное, языковое положение и перспективы финно-угорских народов. Более 350 ученых из Финляндии, Эстонии, Италии, Франции и России рассматривали вопросы лингвистики, этнографии, фольклора, археологии, антропологии, истории, литературоведения, культурологии. Международный конгресс финно-угроведов – самый крупный научный форум ученых финно-угорского мира, который проводится один раз в пять лет
10–25 августа г. Сыктывкар	IV Международный скульптурный симпозиум «Финно-угорский мир. Вместе – Тшотш»
14–15 августа г. Будапешт	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов
18–25 августа г. Йошкар-Ола	XIX смена международного лагеря детей финно-угорских народов
24 августа – 11 сентября Финляндия	Тур финно-угорских ансамблей по Финляндии SUGRI-ROCK. Мероприятие организовано обществом «Финляндия-Россия» в целях ознакомления финнов с финно-угорской культурой в ее современных формах. Всего дано 23 концерта в 18 городах, включая Хельсинки, Турку, Оулу, Тампере, Порвоо и др. Участники: удмуртские инди-фолкеры Silent Woo Goore (Ижевск), саамский

	ансамбль Spire&Stalut и финские группы Folkswagen, FadeOut и LIFE, марийская группа Pairem (Марий Эл), екатеринбургская группа H-Ural, карельские фолкеры Santtu Karhu&Talvisovat из Петрозаводска
25–28 августа г. Оулу, Финляндия	XI Международный финно-угорский литературный конгресс «Крылья водяной птицы» (Вопросы перевода произведений финно-угорских литераторов). Президентом Ассоциации финно-угорских писателей избран профессор университета Оулу Кари Салламаа. Он сменил Арво Валтона эстонского писателя, который находился на этом посту 14 лет
27–29 августа Псковская область	III Международный этнокультурный фестиваль народа сету «Сетомаа. Семейные встречи»
9–11 сентября г. Хельсинки	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов. Основной вопрос: подготовка к проведению 19–21 ноября в Саранске конференции, на которой предстоит обсудить ход выполнения рекомендаций V Всемирного конгресса финно-угорских народов, состоявшегося в июне 2008 года в Ханты-Мансийске. В ходе работы заседания были утверждены план работы и бюджет комитета на 2011 год. Члены комитета заслушали информацию о работе в Удмуртии, Марий Эл, Карелии, а также Вологодской и Тверской областях. Члены Консультативного комитета финно-угорских народов были приглашены в Парламент Финляндии, где состоялась встреча с вице-спикером Парламента Сеппо Кяярияйненом, руководителем парламентской группы друзей России Олли Нерроненом и статс-секретарем МИДа Финляндии Пертти Торстила
12 сентября п. Эссойла Пряжинского района Карелии	Пятый финно-угорский фестиваль мужской культуры «Медолапый – диво леса». Программа фестиваля включает 9 необычных конкурсов: метание камня, гонка на лодках, переправа по параллельным веревкам и по бревну, передвижение по болоту, «лыжи», стрельба из рогатки и др.
17 сентября – 15 октября г. Сыктывкар	VI Международная выставка детского художественного творчества «Завещание предков». На выставке представлены более 100 работ: живопись, графика, скульптура, предметы декоративно-прикладного искусства, игрушки, национальные костюмы. Все композиции посвящены легендам, преданиям, сказкам и мифам финно-угорских народов. Это работы, полученные из различных регионов России: Карелии, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов, Пермского

	края, Мурманской и Донецкой области (Украина), Белоруссии, Чувашии, Башкортостана. Торжественное открытие выставки «Завещание предков» состоялось в Москве в ноябре 2008 года. С тех пор детские работы побывали в Удмуртии, Ханты-Мансийском автономом округе – Югре, Мордовии, Карелии, Мурманской области, Марий Эл
С 23 по 26 сентября Ленинградская область	I Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов. Музыкальная встреча была посвящена Международному году сближения культур, объявленному ЮНЕСКО. Участниками праздника стали фольклорный ансамбль «Бесермян крезь» («Бесермянские напевы») из Удмуртии, национальный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле», фольклорный коллектив ХМАО – Югры «В песнях и танцах купающиеся люди», фольклорный ансамбль «Супрядки» из Эстонии, фольклорный ансамбль «Леело» из Псковской области, этнофольклорная группа «Дентэдиэ» с Таймыра, танцевальный коллектив из НАО, два детских ансамбля из Вологодской области «Kastkuine» и «Келлойне», а также творческие коллективы Ленинградской области. В рамках фестиваля прошли мастер-классы по народному пению, хореографии и декоративно-прикладному творчеству, круглый стол «Проблемы работы с финно-угорскими певческими коллективами: пение, язык, хореография, национальная работа». Фестиваль проходил при поддержке Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО и Российского комитета по сохранению нематериального культурного наследия. Учредителями и организаторами фестиваля выступили Министерство культуры Российской Федерации, Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Комитет по культуре Ленинградской области, Ленинградское областное ГУК «Учебно-методический центр культуры и искусства», представительство Республики Коми в Северо-Западном регионе Российской Федерации
23–26 сентября г. Санкт-Петербург	I Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов, посвященный Международному году сближения культур
23 сентября г. Йошкар-Ола	В Национальном музее имени Т.Евсеева состоялось торжественное открытие караванной выставки «Финно-угорский триптих». Проект – результат многолетнего сотрудничества четырех финно-угорских музеев и Музейного Ведомства Финляндии. Старт

был дан в 2009 году с первого показа в Национальном музее Удмуртской Республики имени К.Герда в городе Ижевске. В Марий Эл этот проект завершается. «Финно-угорский триптих» – это преимущественно фотовыставка, где общие истоки мировоззренческой модели мира трех родственных народов преподносятся в весьма оригинальной форме. Выставка состоит из разделов: «Три тотема» (Марий Эл), «Три свадебных напева» (Удмуртия), «Узоры столетий» и «Прошлое глазами будущего через настоящее» (Мордовия)

23–25 сентября
г. Йошкар-Ола

Международная научно-практическая конференция «Музей и современный мир: воспитание толерантности в поликультурном пространстве». Организаторами выступили Музей культур при музейном ведомстве Финляндии, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т.Евсеева. В работе конференции приняли участие Ассоциация музеев Финляндии, музей г. Хельсинки, музеи Мордовии, Удмуртии, Коми, Ханты-Мансийска, районные и городские музеи Марий Эл, частный музей д.Тюм-Тюм Уржумского района Кировский области

23–25 сентября
г. Саранск

V Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы Российской ассоциации финно-угорских журналистов – РАФУЖ. В его работе принимали участие более 40 представителей печатных средств массовой информации и журналистских организаций из республик Удмуртии, Марий Эл, Башкортостана, Коми, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа, а также гости из других регионов России. Соучредителями фестиваля выступали Министерство печати и информации Республики Мордовия, Ассоциация финно-угорских народов РФ, Поволжский центр культур финно-угорских народов, исполком Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. В заседании приняли участие представители государственных структур финно-угорских субъектов России. Они рассказали о положении национальной прессы в их регионах. На заседании отмечено, что в России издается 65 журналов и газет на финно-угорских языках. С докладом «Финно-угорская пресса России: опыт и перспективы» выступил председатель Российской ассоциации финно-угорских журналистов Александр Абдулов. Проведен «круглый стол», подведены итоги фестиваля, утвержден состав секретариата фестиваля

5–9 октября
г. Петрозаводск

В Доме бокса проведен V Всероссийский турнир по боксу среди финно-угорских народов. В нем приняли участие около 50 спортсменов из Карелии, Мордовии, Ханты-Мансийска, Санкт-Петер-

бурга, Ленинградской области, Вологды, Череповца, Мурманской области, Коми. В первый раз Всероссийский турнир среди финно-угорских народов провели в 2006 году. Тогда в нем участвовало около 40 спортсменов

6–8 октября
г. Хямеенлинна, Финляндия

XI Российско-Финляндский культурный форум в рамках межправительственного соглашения Министерства культуры Российской Федерации и Министерства образования и культуры Финляндии. Главная тема форума этого года – «Художественное воспитание и развитие творческой индустрии». Организаторы форума – Министерство культуры Российской Федерации, Министерство образования Финляндии, общество «Финляндия-Россия», город Хямеенлинна, а также Комитет по культуре, кино и туризму Великого Новгорода. В рамках форума проходили двусторонние переговоры партнеров из России и Финляндии, состоялись дискуссии представителей учреждений культуры, образования, госструктур, МИДов России и Финляндии. Российско-Финляндский культурный форум был создан в 2000 году. Цель работы форума – привлечение внимания к культуре как фактору общественного и экономического развития, содействие культурному обмену между Финляндией и Россией. Форум проходит ежегодно поочередно в Финляндии и в России. Следующий Российско-Финляндский культурный форум состоится в Саранске

20–22 октября
г. Сыктывкар

XV Международный фестиваль телепрограмм и фильмов «Финно-угорский мир». На суд жюри было представлено 90 фильмов и программ из России, Венгрии, Эстонии, Швеции, Финляндии. 15 фильмов, представленные Евразийской академией телевидения и радиовещания, демонстрировались вне конкурса. Специальный приз «За художественное исследование общих корней финно-угорских культур» получил телефильм «Северное сияние» (авторы – Анна Баженова, Олег Митюшёв, Сергей Гулько). Дипломом лауреата телефестиваля награжден фильм «Финно-угорский транзит: культура народов» (авторы – Андрюс Стакионис, Олег Митюшёв, Сергей Гулько), за второе место в номинации «Дебют». Гран-при XV Международного фестиваля телевизионных программ и телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» получил фильм «Старик Пётр» Ивана Головнёва из Екатеринбурга.Фильм рассказывает о Петре Сенгепове – последнем шамане казымских ханты. Девиз фестиваля – «Мой народ и время». Учредители телефестиваля: Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) при участии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Правительство Республики Коми

20 октября г. Хельсинки	В Российском центре науки и культуры прошел Международный семинар «Между прошлым и будущим: 20 лет на благо языков и культуры», посвященный 20-летию Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН). Рассказать о своей работе в РЦНК приехали около 40 представителей молодежных общественных организаций из финно-угорских регионов России, Эстонии и Финляндии. Темой для дискуссии стали «Приоритеты развития молодежного финно-угорского движения: язык и культура или социально-экономические блага?» В результате оживленного обсуждения были сделаны следующие выводы: миссия МАФУН по сохранению языков и культур финно-угорских народов остается неизменной, однако реалии сегодняшнего дня побуждают молодых финно-угров активнее участвовать в социально-экономическом развитии своих территорий
23–24 октября г. Хельсинки	Заседание правления МАФУН, встреча представителей общественных организаций России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, выставка молодежных проектов, презентация интернет-сайта МАФУН, панельная дискуссия о стратегии развития финно-угорской молодежи
26 октября г. Москва	Творческий финно-угорский молодежный фестиваль «Нас подружила Москва!», посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Главными гостями праздника стали ветераны, участники Великой Отечественной войны, труженики тыла из финно-угорских объединений столицы
Начало ноября	Корпорация ЭЛАР завершила работу для Министерства регионального развития РФ по созданию электронной библиотеки изданий финно-угорских народов, входящих в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ. В ходе работы было отсканировано более 100 тысяч листов редких книг из фондов Российской государственной библиотеки (РГБ). Цель данного проекта заключалась в создании систематизированной электронной базы изданий на языках финно-угорских народов для формирования единого культурно-информационного пространства финно-угорских народов России
11–13 ноября г. Йошкар-Ола	Семинар, посвященный развитию и применению методики «Языковое гнездо» в дошкольных образовательных учреждениях национальных регионов России. В семинаре принимали участие руководители и воспитатели детских садов Республики Марий Эл, ученые, представители органов управления образованием. Цель семинара – информирование о методике «Языковое гнездо» и

анализ ситуации в дошкольном образовании финно-угорских регионов. В семинаре принимали участие руководитель финно-угорского проекта «Языковое гнездо» Анника Пасанен, профессор финно-угорского языкознания Университета г. Хельсинки Янне Саарикиви и доктор педагогических наук, доцент Университета г. Хельсинки Екатерина Протасова.
В организации семинара в Йошкар-Оле приняли участие общество «Финляндия-Россия», Министерство образования и науки Республики Марий Эл, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, ГОУ ДПО (ПК) С «Марийский институт образования», общественная организация «Марий туныктышо». В феврале 2011 года подобный семинар пройдет в Республике Коми

12–13 ноября
г. Санкт-Петербург

III научно-практическая конференция «Национальное движение финно-угорских народов Северо-Запада России: молодежь и будущее». В конференции приняли участие представители органов государственной власти, учреждений образования и культуры, СМИ, религиозных организаций и национальных общественных объединений финно-угорских народов Ленинградской и Вологодской областей и Республики Карелия. Участники конференции поделились опытом работы в области государственной поддержки коренных народов, проведения этнокультурных и этносоциальных мероприятий, повышения профессиональной и социальной компетентности специалистов. Участники конференции обратили особое внимание на объединение усилий органов государственной власти, местного самоуправления и представителей местного сообщества в действиях, направленных на популяризацию языкового и культурного потенциала коренных народов, развитие сельского туризма как ресурса для развития территорий проживания этих народов, развитие устойчивого познавательного интереса у детей и молодежи из числа коренных народов к историко-культурному наследию своих предков

17 ноября
г. Сыктывкар

Международная видеоконференция «Сотрудничество молодежи финно-угорских регионов», организованная Представительством Республики Коми в Северо-Западном регионе РФ. Видеомост связал Сыктывкар, Санкт-Петербург, Петрозаводск, финляндский Инари, эстонский Тарту, венгерский Сомбатхей. Цель видеоконференции – знакомство с молодежными организациями финно-угорских регионов и обмен опытом проектной деятельности. Организаторами-партнерами выступили филиал ГРДНТ «Финно-

угорский культурный центр Российской Федерации», МОД «Коми войтыр», РОО «Санкт-Петербургское коми землячество «Невотас», Союз коми молодежи «МИ», МАФУН, Эстонское молодежное объединение, ЮНЕСКО, Центр образования саамского региона Финляндии, кафедра уральской (финно-угорской) филологии Западно-Венгерского университета. Конференц-залы в трех городах собрали представителей органов законодательной власти, министерств и ведомств культуры и национальной политики, этнокультурных центров, общественных объединений и СМИ

18–27 ноября
г. Йошкар-Ола

VIII Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул» – «Язык театра XXI века». В фестивале приняли участие 16 театров из Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Эстонии, Финляндии и Норвегии. Дипломом I степени в номинации «Лучший спектакль» награжден спектакль Театра марионеток (Финляндия). Это сказка «Мальчик-лебедь. Йӱксэрге» по мотивам марийского фольклора (режиссер Ойли Садеойа). Дипломом II степени в этой номинации награжден спектакль по пьесе Нины Садур «Панночка» Горномарийского драматического театра (Марий Эл). Дипломом III степени награжден спектакль по древнеиндийскому эпосу «Шакунтала» Театра обско-угорских народов «Солнце» (Ханты-Мансийский автономный округ).Следующий IX Международный фестиваль театров финно-угорских народов будет проходить в Саранске Республики Мордовия в 2012 году

20–21 ноября
г. Саранск

Международная промежуточная конференция «Реализация решений V Всемирного конгресса финно-угорских народов». В работе конференции приняли участие 130 делегатов и наблюдателей из 23 субъектов России и зарубежных стран – Венгрии, Финляндии, Эстонии, Норвегии. Делегатами конференции заслушана информация председателя Международного консультативного комитета финно-угорских народов Валерия Маркова «О реализации резолюции V Всемирного конгресса финно-угорских народов». Проинформировали о работе своих организаций представители венгров (Д. Нановски), финнов (С. Лалукка), эстонцев (Т. Сейленталь), квенов (Б. Сеппола). Работали секции по этнополитике в области права, языка и образования; по вопросам культуры, экологии и здоровья, проведен «круглый стол» по молодежной тематике.

Заседание Совета общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации»

23 ноября
г. Саранск

V Всероссийская выставка-ярмарка народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов «Тев», на которой

были представлены работы мастеров и умельцев из Финляндии, Венгрии, Карелии, Эстонии, Марий Эл, Удмуртии, Мордовии и Ульяновской области

25–26 ноября г. Сыктывкар — Международная научная конференция «В.И. Лыткин: грани наследия», посвященная 115-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Василия Лыткина (Илля Вась). Обсудить актуальные вопросы современного финно-угроведения приехали ученые из Франции, Эстонии, Венгрии, Москвы, Санкт-Петербурга, Чувашии, Башкирии, Мордовии, Карелии, Марий Эл, Удмуртии, Ханты-Мансийска и других городов России. Пространственные границы конференции расширил телемост с родственным финно-угорским регионом –Удмуртской Республикой. Гостей сыктывкарского форума приветствовали участники Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященной 65-летию доктора филологических наук, члена Союза писателей России Михаила Атаманова

26 ноября — В глобальной сети появился интернет-сайт фестиваля «Майатул» http://www.mayatul.ru/

27 ноября г. Екатеринбург — Впервые проведен фестиваль культуры финно-угорских народов «Уральская финно-угория – 2010». Более ста участников представили на фестивале финно-угорские народы Мордовии, Марий Эл, Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа. На фестивале были организованы выставки-продажи книг, декоративно-прикладного творчества и изобразительного искусства финно-угорских народов

1–3 декабря г. Кудымкар Коми-Пермяцкого округа — II Международный социально-экономический форум финно-угорской молодежи. В мероприятиях форума принимали участие делегации из Финляндии, Эстонии, Республики Коми, Республики Марий Эл, Ханты-Мансийского автономного округа, Удмуртии, Мордовии, Ямало-Ненецкого автономного округа, городов Тверь, Екатеринбург и Санкт-Петербург. На форуме обсуждались вопросы этноэкономики, культуры, образования, гражданского общества, как основные факторы сохранения и развития самоидентичности малых этнических групп

1 декабря г. Сыктывкар — Заключительный концерт Фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: этническая феерия». На сцене Коми республиканской филармонии впервые встретились артисты из Карелии, Марий Эл, Коми и Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Организаторами выступили: филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», ГУК

«Коми республиканская филармония», МОД «Коми войтыр», Союз коми молодежи «Ми», МУК «Центр коми культуры города Сыктывкар». Учредители фестиваля: Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации

1–3 декабря
г. Пермь –
г. Кудымкар

II Международный социально-экономический форум финно-угорской молодежи. Более 60 активистов финно-угорских молодежных организаций и эксперты из России, Финляндии и Эстонии обсудили проблемы экономического развития территорий и участия молодежи в жизни гражданского общества. Работали секции «Интернет и гражданское общество», «Права коренных народов. Российский и международный аспект», мастер-классы «Этнокультурные проекты: соединение культуры и бизнеса», «Развитие духа предпринимательства у молодежи» и «Формирование мотивации к изучению языков этнических меньшинств с помощью инструментов гражданской активности». Организаторами II Международного социально-экономического форума финно-угорской молодежи являются: Министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Пермская региональная общественная организация «Роза ветров», Автономная некоммерческая организация «Институт гражданской активности» и Молодежная ассоциация финно-угорской молодежи (МАФУН).
Состоялось заседание Правления МАФУН по обсуждению плана мероприятий МАФУН на 2011 год и повестки дня X Конгресса МАФУН

13–16 декабря
г. Олонец,
Карелия

Очередной семинар проекта «Языковое гнездо»

15–16 декабря
г. Ханты-
Мансийск

Всероссийский творческий семинар финно-угорских фотожурналистов «Югра глазами финно-угорских журналистов». Организатор – Департамент общественных связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Российская ассоциация финно-угорских журналистов и объединенная редакция национальных газет «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос». Проведены мастер-классы, презентация фотоальбома «Ижма одна на планете», фотовыставка «Финно-угорский мир глазами фотожурналистов», встречи журналистов с представителями обско-угорских народов.

По итогам интернет-голосования стали известны победители конкурса «Семь чудес финно-угорских и самодийских народов». В номинации «Природа» абсолютным победителем по числу собранных голосов стала Барсова гора от ханты, расположенная рядом с городом Сургутом Ханты-Мансийского автономного округа. Также в семерку «чудес» в данной категории вошли северный олень (основа хозяйства сразу нескольких северных народов – ненцев, саамов, энцев, ханты и нганасан), национальный парк «Югыд ва» от коми, исчезающее озеро Шимозеро от вепсов, Заякинская кедровая роща от удмуртов, Хэбидя я – Козьминский перелесок от ненцев, Мордовский государственный заповедник имени Смидовича – мокша, эрзя. Ханты одержали победу и в номинации «Культура»: на первое место вышла серия фольклорных сборников «Кань кунш олан» («Земля кошачьего локотка»). За ним следуют детский этнокультурно-образовательный центр «Лылынг союм» («Живой ручеек») (манси, ханты), фольклорный персонаж удмуртов Лопшо Педунь, тавлинская игрушка эрзи, карельская деревня Кинерма и монумент ненцев Хэбидя тен («Священная память»). В число «чудес» также вошли онежские и беломорские петроглифы, оставленные предками карел. В номинации «Рукотворные памятники и сооружения» первенствовали творческие работы всемирно известного скульптора Степана Эрьзи. Юильский острог ханты оказался на втором месте, городище древних удмуртов Иднакар – на третьем месте. Также в семерку «чудес» вошли церковь в селе Несь (ненцы), Чумбылатова гора (марийцы), древние «вавилоны» (лабиринты) саамов и Сиглигетский замок-крепость венгров. В номинации «Праздники» наибольшее число голосов собрали медвежьи игрища ханты, затем следует певческий праздник марийцев «Пеледыш айо» и народный праздник мокши «Акша Келу» («Белая береза»). Далее расположились Вороний день (ненцы, манси, ханты), моление бараньего оврага (эрзя, мокша), фестиваль самодеятельных коми композиторов «Василей» и «Рыжий» в Удмуртии.

Совет Программы родственных народов Эстонии совместно с Ассоциацией финно-угорских литератур вручил литературные премии Программы родственных народов за 2010 год. Премии присуждены в шести категориях: художественное прозаическое произведение, художественное поэтическое произведение, переводная литература, детская литература, литературоведение и эссеистика, а также – драматическое произведение. Размер премии в каждой категории – 20 000 эстонских крон. Жюри, состоящее из представителей Программы родственных народов и Ассоциации финно-угорских литератур, вынесло решение присудить премию в категории художественных прозаических произведений карельскому писателю Николаю Зайцеву за сборник новелл «Omat ikkunat» («Родные окна»).

Премия в категории художественных поэтических произведений присуждена удмуртской поэтессе Люзе Бадретдиновой за сборник стихов «Сюлэм пужыос» («Сердечные узоры»). Премии в категории переводной литературы удостоена марийская писательница Альбертина Иванова за перевод сборника стихов Х.Руннеля «Тӱня теле / Rahutalved» («Зимы мира»). Премия в категории детской литературы

присуждена удмуртскому писателю Ульфату Бадретдинову за сборник рассказов и пьес «Ӵушъял вордйське веньёстэк» («Ёжик рождается без иголок»).

В категории литературоведения премирован эрзянский писатель Василий Дёмин за произведение «Сюконян тенк…» («Кланяюсь вам…»). Премия в категории драматических произведений присуждена марийскому писателю Юрию Соловьёву за пьесу «Йыван Кырла».

В 2010 году на литературную премию Программы родственных народов претендовали коми, удмуртские, эрзянские, мокшанские, марийские, горномарийские, карельские и саамские писатели – всего 25 финно-угорских писателей.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

ПАМЯТИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ГАЛКИНА (16.09.1930 – 11.08.2010)

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук (1968), профессор (1970), заслуженный деятель науки МАССР (1975), заслуженный деятель науки РСФСР (1981), академик Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (1992), почетный профессор МарГУ (1996), зарубежный член Финно-угорского общества (Финляндия, 1973).

Родился 16 сентября 1930 г. в дер. Рошня Советского района Марийской АССР. В 1953 г. окончил финно-угорское отделение историко-филологического факультета Карело-Финского (ныне Петрозаводского) государственного университета. В1953–1956 гг. учился в аспирантуре при кафедре финно-угорских языков Тартуского государственного университета под научным руководством акад. П.Аристэ. В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке». В исследовании впервые в марийской лингвистической науке подробно освещена история марийских глагольных суффиксов.

После окончания аспирантуры работал в секторе языка Марийского научно-исследовательского института и одновременно вел курсы исторической грамматики и истории марийского литературного языка в педагогическом институте. В этот период им опубликован ряд статей по исторической морфологии и монография «Залоги в марийском языке» (1958).

С 1960-х годов плодотворно занимался изучением исторической морфологии марийского языка. Результатом многолетней работы явились два тома его фундаментального исследования «Историческая грамматика марийского языка» (1964, 1966). Это – основной научный труд И.С. Галкина, он представляет собой систематизацию и обобщение вопросов истории марийского словоизменения и словообразования. На основе данного исследования И.С. Галкин написал докторскую диссертацию «Историческая морфология марийского языка», которая была успешно защищена в Таллинне на ученом совете отделения общественных наук АН Эстонской ССР в 1968 г.

В последние годы проф. И.С. Галкин занимался вопросами марийской топонимики, исторической лексикологии и контактирования языков. Им собрано большое количество топонимического материала. На его основе он опубликовал книги «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал? Рассказ о географических названиях Марийского края» (1991), «Марий ономастика» (2000), «Топонимика Республики Марий Эл. Историко-этимологический анализ» (2002).

И.С. Галкин – автор ряда учебников для студентов. Его перу принадлежат учебники по исторической грамматике марийского языка, по введению в финно-угроведе-

ние (в соавторстве с Е.Н. Мустаевым), по исторической лексикологии, по лексикологии марийского языка (в соавторстве с Л.И. Барцевой). Участвовал в написании коллективной монографии «Современный марийский язык. Морфология», в редактировании книг «Современный марийский язык. Фонетика», «Синтаксис сложного предложения», «Русско-марийский словарь», «Словарь северо-западного наречия марийского языка» и др. Составил программы по исторической грамматике марийского языка, введению в финно-угроведение, марийской ономастике для студентов университета.

И.С. Галкин оказал весьма заметное влияние на развитие марийской лингвистической науки в республике. Существенен его вклад как организатора науки. В 1960–1982 гг. он возглавлял Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (МарНИИ). Организовал кафедру марийской филологии в Марийском университете и в 1972–1975 гг. являлся первым ее заведующим, был одним из инициаторов открытия в МарГУ аспирантуры и докторантуры, специализированного совета по защите докторских диссертаций по финно-угорским и самодийским языкам, председателем которого являлся до последнего дня жизни. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 6 аспирантов. Он был одним из составителей и главным редактором серии «Вопросы марийской ономастики», многотомного «Словаря марийского языка» (1990–2005).

Часто выступал с докладами на республиканских, региональных, всероссийских, всесоюзных, международных научных конференциях по финно-угроведению, в качестве официального оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций. Являлся членом редколлегии журнала «Марийский археографический вестник». Активно пропагандировал достижения марийской лингвистики в средствах массовой информации.

За большой вклад в развитие марийского и финно-угорского языкознания награжден орденом «Знак Почета» (1991) и медалями.

Иван Степанович Галкин останется в сердцах марийского народа и всего финно-угорского мира как великий ученый финно-угровед, воспитавший большую плеяду молодых исследователей-лингвистов.

Ректорат ГОУ ВПО «Марийский государственный университет», коллектив Института финно-угроведения ГОУ ВПО «Марийский государственный университет» глубоко скорбят в связи со смертью доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки МАССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, академика Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, почетного профессора МарГУ, зарубежного члена Финно-угорского общества (Финляндия) и выражает искреннее соболезнование родным и близким.

Коллектив МарГУ

Йошкар-Ола

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ФРАНСОВИЧА СМЕТАНИНА

Скоропостижно ушел из жизни в расцвете творческих сил талантливый ученый, крупный организатор науки, общественный деятель, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Александр Франсович Сметанин.

А.Ф. Сметанин родился 24 апреля 1949 года в с. Кельчиюр Ижемского района Коми АССР. После окончания средней школы он поступил на исторический факультет Коми государственного педагогического института, который успешно закончил в 1971 году. Будучи студентом, проявил способности к исследовательской работе, и Ученый совет пединститута рекомендовал его к поступлению в аспирантуру Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР. С тех пор вся жизнь А.Ф. Сметанина была связана с этим научным учреждением. Он прошел путь от старшего лаборанта до заместителя председателя Президиума Коми научного центра, директора Института языка, литературы и истории.

Предмет научных исследований – колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР – был известен молодому историку не понаслышке; избрание им этой темы было не только следствием собственно научных интересов А.Ф. Сметанина, но и своего рода данью уважения работе своего отца, председателя колхоза, и его односельчан.

А.Ф. Сметанин в результате углубленного исследования процессов развития колхозного строя и колхозного крестьянства выявил природу социального коллективизма, свойственного регионам Севера. В 1985 году он защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию на тему «Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941)».

А.Ф. Сметанин стал ведущим специалистом института в области аграрной истории XX века. Он показал закономерности формирования социально-классовой структуры сельского населения Коми АССР, раскрыл основные направления развития коми деревни с учетом социально-политических, экономических и социально-культурных аспектов истории крестьянства республики. Основные результаты многолетних исследований А.Ф. Сметанина были обобщены в монографии «Советская деревня в 60-е – первой половине 80-х гг.» (1995).

Во второй половине 80-х гг. А.Ф. Сметанин начал активно исследовать проблемы развития национальной государственности народа коми, вскоре стал признанным ученым и в этой области.

А.Ф. Сметанин проявил себя как выдающийся организатор науки. С 1995 по 2008 год он являлся заместителем председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН, а с 1996-го одновременно возглавлял Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, был членом Президиума Коми научного центра и Общего собрания Уральского отделения Российской академии наук. Институт под руководством А.Ф. Сметанина добился значительных успехов в научно-исследовательской и научно-организационной работе: опубликован ряд фундаментальных обобщающих работ по историческим и филологическим наукам (среди них двухтомная «История Коми с древнейших времен до наших дней», одним из основных авторов которой является А.Ф. Сметанин), проведено несколько крупных международных и региональных конференций, защищены докторские и кандидатские диссертации.

Александра Франсовича хорошо знали не только в Республике Коми, но и в других регионах России и за рубежом. А.Ф. Сметанин участвовал в ряде совместных исследовательских проектов с финскими учеными, выступал с докладами на нескольких международных конгрессах финно-угроведов в Финляндии и Эстонии. Он был избран членом правления международного общества историков «Fenno-ugrica», членом Российского комитета историков-финноугроведов.

Его выдающийся вклад в науку, культуру, экономику, сохранение и умножение культуры народа коми, других этносов, проживающих в республике, отмечен высокой правительственной наградой – орденом Дружбы. Александру Франсовичу присвоено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми». Он – дважды лауреат премии Правительства республики.

Александра Франсовича отличали исключительная порядочность и доброжелательность, внимательное отношение к сотрудникам, людям. Он навсегда останется в памяти как прекрасный человек, ученый, истинный патриот и интернационалист.

Президиум Коми научного центра УрО РАН,
коллектив Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белевцова Виктория Олеговна – аспирантка, ассистент кафедры теории и истории мировой культуры Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

Ведерникова Елена Михайловна – аспирантка кафедры марийского языка МарГУ.

Вереш Петер – ведущий научный сотрудник Института Этнологии Венгерской АН

Глухова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор МарГТУ.

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ.

Кульбаева Наталия Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы МарНИИЯЛИ.

Миронова Наталья Петровна – младший научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН.

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии МГУ им. Н.П. Огарева.

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ.

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН.

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Республики Татарстан.

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А. Кастрена по Республике Марий Эл.

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом языка МарНИИЯЛИ.

Сухин Владимир Иванович – кандидат исторических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ.

Сушкова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета МГУ им.Н.П. Огарева.

Тараканов Иван Васильевич – доктор филологических наук, профессор УдГУ.

Чикина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы и фольклора ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Шаров Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом энциклопедических исследований МарНИИЯЛИ.

Ямурзина Людмила Васильевна – докторант Тартуского университета.

CONTENTS

ARTICLES

Sukhin V.I. Mari Scientific Institute of Language, Literature and History after V.M. Vasilyev is 80 3

Veresh P. Empirical and methodological problems of interdisciplinary research in the field of Finno-Ugric Studies 13

Tchikina N.V. Role of folk tradition in contemprary children's literature in the Karelian language 27

Molotova T.L. Confessional factor and traditional culture of the Eastern Maris... 39

REPORTS

Yamurzina L.V. Prewedding period of a wedding complex of the Easten Maris 48

Belevtsova V.O. Prewedding ceremonies in traditional marriage ceremonies of Maris at the end of XIX and beginning of XX centuries (the structural and typological analysis) 59

Roshchevskaya L.P., Mironova N.P. Review of documents of Finno-Ugrists V.I. Lytkin in archives and museums of Republic of Komi 73

Vedernikova E.M. Dialecticisms in M.Shketan's works 85

PERSONS

Tarakanov I.V. To the 65th anniversary of Atamanov Michael Gavrilovich 89

Mokshina E.N., Sushkova Y.N. N.F. Mokshin is ethnographer, historian, educator and public figure (to the 75th anniversary) 93

Ivanov I.G. Prominent scientist and science organizer (to the 80th anniversary of I.S.Galkin) 99

SURVEYS AND REVIEWS

Sharov V.D. Revs.: Encyclopedia of the Republic of Mari El. – Yoshkar Ola, 2009. – 872 p.: ill... 107

Glukhova N.N. Revs.: Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen ja modernisaatio. Daughters of White God. Mari woman on the path of modernisations. Ed. Ildiko Lehtinen. Finno-Ugric Society Ethnological publication 19. 2009. – 304 pp.: ill. 110

Rudenko K.A. Revs.: Shutova N.I., Kapitonov V. I, Kirillova L.E., Ostanina T.I. Historical and cultural landscape of Kama-Vyatka region. The collective monography. – Izhevsk, 2009. – 244 pp.: ill. 120

CHRONICLE

Sibatrova S.S. XI International Congress of Finno-Ugrists 124

Sibatrova S.S. All-Russian Scientific Conference «Modern problems of Finno-Ugric languages and Finno-Ugric Studies» 127

Kulbayeva N.I. «Mayatul» – 2010 129

Sadovin I.G. Chronicle of a cultural and scientific life of the Finno-Ugric world for 2010 137

To the memory of Ivan Stepanovich Galkin 154

To the memory of Alexander Fransovich Smetanin 156

Informations about the authors 158

«Финно-угроведение», 2010, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефоны: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 30.12.2010. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 12, 90. Тираж 300 экз. Заказ № 364.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15